

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2017 – № 1

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
SHAPING THE STRUCTURE
OF MULTIPOLAR WORLD**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

ИНИОН РАН
Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем

Отдел Европы и Америки
Редакционная коллегия:

Т.Г. Пархалина – гл. ред., канд. ист. наук, зам. директора ИНИОН РАН, руководитель Центра науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем, *Ю.А. Борко* – д-р экон. наук, гл. науч. сотр. Института Европы РАН, почетный президент Ассоциации европейских исследований, *М.В. Братерский* – д-р полит. наук, проф. Высшей школы экономики, зав. сектором ИНИОН РАН, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН, *Л.С. Лыкошина* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН, *Е.А. Нарочницкая* – канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр. ИНИОН РАН, *О.Н. Новикова* – зам. гл. ред., канд. ист. наук, зав. Отд. Европы и Америки, *И.С. Новоженова* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИНИОН РАН, *Т.С. Кондратьева* – ст. науч. сотр. ИНИОН РАН, ответственный секретарь редакции.

Editorial Board:

T.G. Parkhalina – Editor-in-Chief, Ph.D. in history, deputy director of INION RAS, director of the Center of scientific information studies on global and regional issues, director of the Centre of European security studies, INION RAS, *Y.A. Borko* – Sc.D. in economics, principal researcher, IE RAS, honorary president of the Association of European studies, *M.V. Bratersky* – Sc.D. in political sciences, professor at the Higher school of economics, head of sector, INION RAS, *N.Y. Lapina* – Sc.D. in political sciences, principal researcher, INION RAS, *L.S. Lykoshina* – Sc.D. in history, principal researcher, INION RAS, *E.A. Narochnitskaya* – Ph.D. in history, leading researcher, INION RAS, *O.N. Novikova* – Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in history, head of the department of Europe and America, INION RAS, *I.S. Novozhenova* – Ph.D. in history, senior researcher, INION RAS, *T.S. Kondratyeva* – senior researcher, INION RAS, executive secretary.

Редактор–составитель выпуска –
М.В. Братерский

А 43 **Актуальные проблемы Европы = Urgent problems of Europe:** Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Европы и Америки.; Ред. кол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. – М., 2017. – **№ 1: Формирование структуры многополярного мира = Shaping the structure of multipolar world** / Ред.-сост. вып. М.В. Братерский. – 220 с.

Рассматриваются проблемы формирования новых полюсов современного мира. Анализируются различные способы взаимодействия основных центров силы – США, Евросоюз, Китай и др., а также способы их сосуществования в современной системе международных отношений.

The problems of shaping of the new poles of multipolar world are considered in this volume. Different ways of interaction among the main centers of power – the USA, the European Union, China and others are analyzed, as well as the ways of their coexistence in the modern system of international relations.

Содержание

Сведения об авторах About the authors	6
Введение Introduction	10
I. Глобальные проблемы и вопросы теории	
М.В. Братерский M.V. Bratersky	
Политические конфликты в условиях взаимозависимости: Новые формы внешней политики в XXI веке Political conflicts in the context of interdependence: New forms of foreign policy in the XXIst century	15
С.В. Демиденко S.V. Demidenko	
Халифат как мера всех вещей: К вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции Caliphate as the measure of all things: Towards the issue of international relations theory studies in terms of Islamic religious tradition	34
А.С. Пятачкова A.S. Pyatachkova	
«Новая нормальность» китайской внешней политики? «New normality» of the Chinese foreign policy?	60

А.С. Скриба, С.В. Тихонов A.S. Skriba, S.V. Tikhonov Поствестфальский мир и российско- европейские отношения: В поисках нового баланса сил The Post-Westphalian world and the Russian-European relations: Searching for the new balance of power	83
---	----

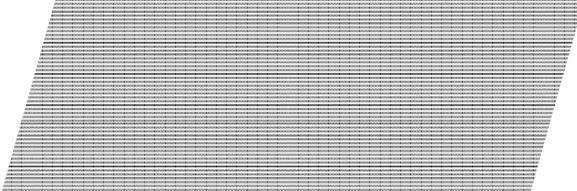
II. Региональные вопросы

Д.П. Новиков, К.И. Чернявская D.P. Novikov, K.I. Chernyavskaya Роль и место Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в европейской политике США The role and place of the Transatlantic Trade and Investment Partnership in the US European policy	107
И.Г. Ковалев I.G. Kovalev Между Сциллой и Харибдой: Британия в современном мире Between Scylla and Charybdis: Britain's place in the contemporary world	127
А.П. Юд H.P. Hude После Брекзита: Десять тезисов о настоящем и будущем Европы After Brexit: Ten theses on Europe's present and future	155
Е.А. Канаев, А.С. Земляная E.A. Kanaev, A.S. Zemlanaya АСЕМ в современной мировой политике ASEM in the current global politics	166

III. Субрегиональные и страновые вопросы

Ф.О. Трунов Ph.O. Trunov ФРГ как центр влияния в многополярном мире: Особенности подхода к использованию силы Germany as a center of influence in the multipolar world: Specificities of the approach to the use of force	185
А.К. Иванова А.К. Ivanova Постсанкционное восстановление экономики на примере торгово-экономических отношений Германии и Ирана The process of economy recovering after sanctions lifting: The case of German-Iranian trade relations	207
К сведению авторов	219

Сведения об авторах

Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Америки Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (bratersky@gmail.com)

Bratersky M.V. – doctor of Sciences (Sc.D. in political sciences), leading researcher, head of sector, department of Europe and America, INION, Russian Academy of sciences, professor of the Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, leading researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Демиденко Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Международной политики и зарубежного регионоведения факультета гуманитарных наук Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). (fide/2007@yandex.ru)

Demidenko S.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), head of department of international politics and foreign regional studies of the Liberal Arts faculty, Institute of social studies, Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA).

Земляная Анастасия Сергеевна – студент программы магистратуры «Европейские исследования» НИУ ВШЭ, исследователь аналитического центра (Think Tank) Молодежной ассоциации за Большую Европу. (a.s.zemlyanaya@gmail.com)

Zemlyanaya A.S. – student, European studies program, Higher school of economics, researcher Think Tank of the Youth Association for a Greater Europe.

Иванова Анна Константиновна – младший научный сотрудник ИНИОН РАН, аспирант Института Европы РАН. (annaivanova-msu@ya.ru)

Ivanova A.K. – junior researcher, INION, Russian Academy of sciences, postgraduate student, Institute of Europe, Russian Academy of sciences.

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, заведующий сектором Азиатско-Тихоокеанского региона Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (e.a.kanaev@gmail.com)

Kanaev E.A. – doctor of sciences (Sc.D. in history), professor of the Faculty of world economy and international affairs, head of Asia-Pacific division, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Ковалев Игорь Георгиевич – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, первый заместитель декана, заместитель декана по науке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (ikovalev@hse.ru)

Kovalev I.G. – doctor of sciences (Sc.D. in history), professor of the department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, First deputy dean, Deputy dean for research of the Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Новиков Дмитрий Павлович – аспирант Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (dp.novikov@hse.ru)

Novikov D.P. – postgraduate student, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics, junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Пятачкова Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, аспирант департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.(apyatachkova@hse.ru)

Pyatachkova A.S. – junior researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, postgraduate student of the department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Скриба Андрей Сергеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (askriba@hse.ru)

Skriba A.S. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), researcher, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Тихонов Сергей Владимирович – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. (stikhonov@hse.ru)

Tikhonov S.V. – research assistant, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, преподаватель Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. (1 trunov@mail.ru)

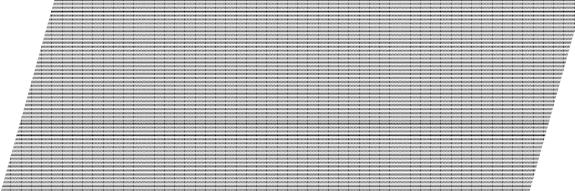
Trunov Ph. O. – candidate of sciences (Ph.D in political sciences), researcher, department of Europe and America, INION, Russian Academy of sciences, lecturer of the Faculty of world politics, Moscow State University.

Чернявская Кристина Игоревна – стажер-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, аспирант департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. (kchernyavskaya@hse.ru)

Chernyavskaya K.I. – research assistant, Faculty of world economy and international affairs, Center for comprehensive European and international studies, Higher school of economics, postgraduate student, department of international relations, Faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics.

Юд Анри Поль – профессор Военной академии Сен-Сир, один из директоров Исследовательского центра внешней политики и войны (CREC), основатель и вице-президент Европейского общества военной этики (EuroISME). (henri.paul.nude@gmail.com)

Hude Henri Paul – professor of the Special military school of Saint-Cyr (École spéciale militaire de Saint-Cyr), one of the directors of the Research center of foreign affairs and war (Centre de recherche des Écoles de Saint-Cyr, CREC), founder and vice-president of International society for military ethics in Europe (EuroISME).

Введение

К сожалению или к счастью, мы живем в эпоху перемен. В далеком прошлом осталась холодная война с ее глобальным противопоставлением двух систем, но в прошлое уходит и американоцентричный мир глобализации, признававший правильной только одну форму политического устройства и организации экономики.

Линии, сегментирующие меняющийся мир, сегодня проходят не только по линии Запад – не-Запад. Мировые державы и группы стран все реже соглашаются друг с другом по вопросам признания глобальных правил поведения в отношении торговли, инвестиций, управления финансами, монополизации технологических достижений. У них формируется неодинаковое видение темы справедливости, они руководствуются в своей политике разными этическими нормами, они расходятся в оценке того, какими правилами и ограничениями обязаны руководствоваться страны в своем поведении на международной арене.

Предлагаемая в данном номере журнала подборка работ обращается к теме перемен в современном мире и пытается обозначить контуры наступающего будущего и прорисовать на карте мира некоторые из политических и идеологических факторов, это будущее формирующих.

Серия статей в первой части номера посвящена тому, как некоторые страны и цивилизации, непосредственно влияющие на развитие системы международных отношений, ее видят. Аме-

риканское видение этого вопроса не идентично китайскому, а исламское мировоззрение перпендикулярно и ни в чем не совпадает с европейским пониманием идеального международного порядка.

Часть статей, подготовленных для данного выпуска журнала, посвящена актуальным проблемам регионального масштаба, оказывающим непосредственное влияние на формирование мирового порядка в целом. В центре внимания оказываются процессы формирования новых политических и экономических структур на Тихом океане и в Атлантике, а также вопросы трансформации Евросоюза после выхода из него Великобритании.

Наконец, заключительная часть номера включает в себя несколько работ, посвященных конкретным страновым вопросам, тем не менее являющимся показательными и характерными для современного этапа мирового развития. Одна из статей посвящена новому отношению ФРГ к применению собственной военной силы – теме, не стоявшей на повестке дня несколько десятилетий. Другая интересная работа анализирует частный случай «мира после санкций». Санкции и экономическое оружие применяются сегодня в мире каждый день, и на примере возвращения ФРГ к сотрудничеству с Ираном автор пытается выяснить, насколько применение санкций закрывает (или открывает) перспективу для будущего сотрудничества, в какой степени страна, участвовавшая в проведении санкций, может, вернувшись, восстановить свои позиции в местной экономике.

М.В. Братерский

**I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

М.В. Братерский

Политические конфликты в условиях взаимозависимости: Новые формы внешней политики в XXI веке

Аннотация. В условиях высокой степени взаимозависимости, ставшей результатом глобализации в торговой, финансовой и транспортной областях, государства рассматривают ее как фактор национальной безопасности и рычаг внешней политики. Политическая борьба между крупными государствами и торговыми блоками в XXI в. все больше опирается на использование собственных торговых, финансовых, нормативных и инфраструктурных преимуществ над другими странами. Политика национальной безопасности предполагает сокращение собственной зависимости от стран-соперников. При этом интересы экономической выгоды все чаще приносятся в жертву государственным интересам национальной безопасности.

Abstract. In the situation of high interdependence, resulting from globalization in trade, finance and transportation, states are increasingly considering interdependence as a national security issue and as a tool of foreign policy. Political struggle between the great powers in the XXI century relies on the use of own trade, financial normative and infrastructural advantages over other countries. National security policy today involves the strategy aimed at decreasing own vulnerability from rival countries. Economic benefits are sacrificed for the gains in national security.

Ключевые слова: глобализация, внешняя политика, международная торговля, национальная безопасность, финансы.

Keywords: globalization, foreign policy, international trade, national security, finance.

В первое десятилетие нового века в международной жизни сложилась уникальная и опасная ситуация.

С одной стороны, противоречия между крупными державами и региональными блоками не только не исчезли, но и, наоборот, усилились. Прогноз о том, что в отсутствие идеологических противоречий общий экономический интерес участия в глобальной экономике приведет к гармонизации отношений между великими державами, оказался неисполнимым. Интенсифицировались старые геополитические споры по поводу распределения власти в мировой и региональных системах. К ним добавились новые противоречия идеологического и геоэкономического плана. Основные конфликты (борьба) сегодня разворачиваются по линиям США+ЕС – Россия и США – Китай, хотя это далеко не единственные сферы напряжения. В центре конфликтов находятся как важнейшие международные вопросы, среди них вопросы суверенитета и права на самоопределение, права стран на обеспечение своей безопасности, роли ООН и международного права, а также мировой политической архитектуры, так и экономические – вопросы мировой валютной и финансовой систем, торговли, инвестиций, регулирования международных финансовых рынков и трансфера технологий.

С другой стороны, традиционный способ разрешения таких противоречий и нахождения нового баланса сил и конфигурации мировой системы, которым всегда являлась большая война, в данном случае глобальная, сегодня малоприменим. Основным препятствием к войне сегодня является наличие ядерного оружия, хотя существуют и другие препятствия на военном пути решения международных проблем.

Сегодня, в ситуации обострения отношений между Россией и Западом, а также между Китаем и Западом (включая Японию), в мире создалась, по сути, предвоенная ситуация. Однако война, судя по всему, не начнется, и стороны в споре (спорах) будут пытаться реализовать свои цели не военными, но другими достаточно эффективными методами. Каждая из сторон будет пытаться ис-

пользовать свои относительные преимущества и делать акцент на тех сферах взаимоотношения, где она сильнее, а соперник – слабее.

Основой этих методов сегодня является использование асимметрий во взаимозависимости различных стран, региональных блоков и секторов мировой экономики. Основными формами воздействия становятся санкции, ограничения на пользование рынками и передачу технологий, строительство экономических блоков, инвестиции и вывод инвестиций, другие политические манипуляции с экономическими отношениями между странами. Все в большей степени великие державы начинают выстраивать свою внешнеэкономическую политику не в интересах рынка.

Не стоит полагать, что использование асимметрий во взаимозависимости, собственной экономической, финансовой или институциональной мощи в качестве инструментов внешней политики является совершенно новым явлением и не нашло своего отражения в литературе. Торгово-экономические санкции, например, с разной степенью эффективности используются в мировой политике уже почти 200 лет, в последние 20 лет мир все чаще становится свидетелем использования финансовой мощи, различного рода финансовых и инвестиционных ограничений, зарубежной помощи в политических целях.

Соответственно, на сегодняшний день существует довольно значительный слой литературы, посвященный одному из известнейших экономических инструментов внешней политики – экономическим санкциям. Здесь прежде всего следует отметить основополагающие работы М. Дауди и М. Даджани [Daoudi, Dajani, 1983], Дж. Хелмса [Helms, 1999], Г. Хафбауера и других [Economic sanctions., 2007]. Появились актуальные работы, посвященные санкциям ЕС против России [Oxenstierna, Olsson, 2015]. Есть несколько интересных работ, посвященных использованию финансовых санкций и глобального доминирования Соединенных Штатов в глобальной финансовой инфраструктуре в политических целях [Golub, 2010; Kagan, 2012]. Опубликовано также несколько синтетических работ, объединяющих анализ использования нескольких разнообразных экономических инструментов в интересах внешней политики [Baldwin, 1985; Power and the purse., 2000; Невоенные

рычаги.., 2012]. Наконец, в 2016 г. появилась интереснейшая работа, поставившая перед собой задачу анализа использования асимметрий во взаимозависимости в современной глобальной политике [Connectivity wars.., 2016].

Научной теорией среднего уровня, обосновывающей использование взаимозависимости как инструмента политики и как фактора национальной безопасности, следует признать теорию секьюритизации, разработанную Копенгагенской школой международных отношений. В основе так называемой теории секьюритизации Копенгагенской школы лежит утверждение об узости традиционного понимания безопасности, сфокусированного преимущественно на вопросах, касающихся безопасности в военной сфере. Основные положения данной теории были изложены Б. Бузаном и О. Вейвером [Buzan, Wæver, Wilde, 1998].

Одним из основных подходов этой ставшей очень популярной теории является расширение традиционного понимания сферы безопасности с исключительно военных вопросов на другие аспекты взаимоотношений, такие как торговля, энергетика и инфраструктура. Авторы теории предлагают рассматривать в качестве сфер безопасности, в дополнение к военной, также экономическую, экологическую, политическую и социальную сферы, т.е. поднимают вопрос о том, что зависимость от других государств в этих сферах может представлять собой угрозу национальной безопасности. Упрощенно концепция секьюритизации может быть описана на примере ситуации, когда национальная экономика и даже жизнедеятельность страны критически зависят от импорта. В этом случае поставщики данной продукции могут использовать свои поставки как рычаг для получения политических преимуществ.

Критики теории секьюритизации справедливо указывают на тот факт, что в прошлом весьма высокий уровень торгово-экономической связанности Германии и Франции, например, никогда не мешал им воевать. Этот аргумент следует признать, но сегодня мир оказался в новой стратегической ситуации, когда уровень взаимозависимости в некоторых областях (финансы, технологии, инфраструктура) беспрецедентно велик, а цена военных дей-

ствий запредельно высока во всех смыслах. Сегодняшний день мировой политики во многом отличается от прошлых лет уровнем взаимозависимости между странами. Это взаимодействие вышло на качественно новый уровень, и если в прошлом взаимозависимость могла создавать в политике определенные неудобства или, наоборот, несколько усиливать переговорные позиции по тому или иному вопросу, то сегодня проблемы взаимозависимости могут становиться вопросами жизни и смерти для целых государств.

Природа новых инструментов внешней политики

Одной из основных характеристик современного мира является рост комплексной взаимозависимости между государствами, которая определяется тремя особенностями: 1) возникновением множества разноуровневых каналов коммуникаций между экономиками, обществами, правительствами и политическими сообществами разных стран; 2) исчезновением соподчиненности разных вопросов – по своему влиянию на отношения между странами маловажные (в традиционном понимании) вопросы могут перевешивать те вопросы, которые в традиционной повестке дня считались центральными (вопросы военной безопасности, например); 3) возникновением ограничений на применение военной силы.

Сам по себе рост взаимозависимости между государствами не является новостью [Keohane, Nye, 1987], но особенностью настоящего момента является то, что эта взаимозависимость в большинстве случаев асимметрична. Другими словами, в определенной сфере, в некоем вопросе страна А больше зависит от страны Б, чем наоборот. В ином вопросе асимметрия взаимозависимости может быть обратной. То есть страна А может зависеть от страны Б в области поставок электроэнергии, а страна Б может зависеть от страны А в области коммерческого кредитования. Соответственно, у каждой из сторон возникает соблазн и возможность использовать эту асимметрию взаимозависимости в политических целях. Государства обратили внимание на эту сторону международных отношений и стали энергично использовать ее в своей внешнеполитической практике.

Первым, наиболее старым инструментом использования своих торгово-экономических преимуществ стали торгово-экономические санкции, которые, хотя и используются во внешнеполитическом инструментарии более 200 лет, все же применяются массово и системно с 1960-х годов XX в. В начале 2000-х годов США стали использовать различного рода ограничения в допуске компаний из «плохих» стран на собственный финансовый рынок в качестве политического инструмента. Кризис 2007–2008 гг. дал начало массовой политике ограничений на стратегические инвестиции из-за рубежа (из «плохих» стран) в собственную экономику, эту политику стали проводить не только Соединенные Штаты и ЕС, но и другие государства, среди которых Россия и Австралия. 2010-е годы отметили начало использования «умных санкций», включающих блокировку финансовых трансакций, проводимых в интересах стран-противников. Примерно в это же время КНР выступила с несколькими крупными инфраструктурными и институциональными инициативами, имеющими серьезный политический подтекст. В качестве примера «оборонительной» политики в ответ на угрозы такой природы можно привести политику импортозамещения, инициированную Россией в условиях санкций, объявленных против нее.

Научно-идеологическое измерение новой внешней политики, или Деньги решают не все

На идеологически-понятийном уровне во внешнеполитической дискуссии присутствуют два основных подхода. Они по-разному описывают мир, по-разному трактуют движущие силы развития и устройство международного порядка.

Либерализм делает акцент на международном сотрудничестве, возникающем в результате международной торговли и финансово-экономических связей, на абсолютных выигрышах от международной кооперации. Другими словами, для этого подхода не важно, как много на данной сделке (процессе) зарабатывает наш международный «партнер». Главное – то, что нам самим что-то досталось и в результате международного сотрудничества у нас прибавилось неких благ (как правило, экономических). Именно

либеральный подход и являлся идеологической основой «глобализации по-американски», развернувшейся в 1980–2000-х годах. Ее нормативно-идеологическую сторону можно охарактеризовать следующим образом: 1) страны участвуют в глобализации потому, что это выгодно, и международное сотрудничество (интеграция в мировую экономику) обязательно принесет каждой стране (ее населению) выгоду в форме повышения благосостояния; 2) Соединенные Штаты и Запад в целом получают относительно большую выгоду, что, во-первых, не важно, во-вторых, справедливо, потому что именно они создали и поддерживают такую систему сотрудничества.

Процесс «глобализации по-американски» начал тормозиться в 1990-х годах, так как все больше стран-участниц стали приходить к выводу, что их не устраивает место в мировой экономике и мировой политике, которое им отводится. Национальные государства со своими традиционными интересами в области национальной безопасности и политической автономии никуда не исчезли. Государства же по своей природе рассматривают систему взаимоотношений между собой не с точки зрения либерализма, а с точки зрения конкуренции и собственных национальных интересов.

Национализм же ставит на первый план интересы своего государства и рассматривает систему международных взаимодействий, в частности торговлю и инвестиции, не столько с точки зрения экономической выгоды, сколько с точки зрения баланса сил. Если в результате некой торговой политики (торгового соглашения) страна А заработает меньше, чем ее партнер и соперник страна Б, то страна А не примет такого соглашения, причем в основе такого решения будет лежать не жадность, а соображения национальной безопасности. В данной системе координат асимметрия выгод от соглашения приведет к изменению баланса сил между участниками соглашения: страна Б станет богаче и, следовательно, сильнее, чем страна А (богатство легко трансформируется в военную силу, например), а это недопустимо, так как негативно отразится на состоянии национальной безопасности страны А.

В разрезе практической политики подходы экономических националистов имеют гораздо более широкое применение, чем в

примере выше. Центральными понятиями такого подхода являются чувствительность и уязвимость. Чувствительностью называется такое состояние национальной экономики, общества и политика, когда они болезненно реагируют на определенные действия из-за рубежа, как правило, в экономической и информационной сферах. Уязвимостью называется состояние, когда действия из-за рубежа могут создать кризисную ситуацию. Например, международные санкции против Ирака в 1990-е годы более чем на 40% обвалили экономику страны, создали дефицит валюты, в результате чего Ирак не смог в достаточном количестве закупать медикаменты. В отсутствие национального производства лекарств дефицит медикаментов привел к многочисленным (сотни тысяч) смертям.

Соответственно, конкурентная логика подталкивает участников международных отношений к такой политике, которая а) минимизирует чувствительность и уязвимость их внутренней системы (национальной экономики, политической системы, социума) перед внешними факторами и воздействиями и б) максимизирует чувствительность и уязвимость внутренних систем стран-конкурентов перед собственными воздействиями. Задачей становится стать максимально независимым от других и сделать других максимально зависимым от себя.

В этой связи разумной внешней политикой стала считаться политика, ориентированная не только на максимизацию экономической эффективности международных связей, но и на минимизацию собственной уязвимости перед геополитическими конкурентами и максимизацию их уязвимости перед собственными воздействиями. В рамках такой парадигмы, парадигмы национальной безопасности, разумная политика будет препятствовать кредитованию собственной экономики со стороны геополитических конкурентов, несмотря на временные экономические выигрыши, так как конкуренты могут использовать возникающую зависимость в собственных политических интересах. И наоборот, правильно будет выстраивать систему экспорта собственных энергоносителей, например, или транспортную сеть таким образом, чтобы геополитический конкурент попал в зависимость от нее и чтобы эту зави-

симость можно было использовать в собственных геополитических целях. Важно обнаружить слабость конкурента и получить контроль над этой слабостью.

В 2010-х годах такой подход стал все чаще проявляться в политике крупных держав и в ситуации обострения геополитических противоречий лег в основу современной квазисиловой политики. Торговые и финансовые санкции, контроль над миграционными потоками, строительство инфраструктуры, формирование региональных экономических объединений – все эти сферы используются сегодня не только для сотрудничества, но и для соперничества.

Война потенциалов взаимозависимости

В современном асимметричном мире взаимозависимостей государства (блоки) имеют различные относительные преимущества, а также различные относительные слабости. Так, например, Европейский союз, будучи крупнейшей экономикой мира, обладает огромной экономической привлекательностью и, следовательно, нормативной силой. Любая страна, желающая воспользоваться преимуществами работы на его рынке, вынуждена принимать технические и юридические стандарты, формулируемые ЕС. Вместе с тем ЕС страдает от высокой степени зависимости от внешних игроков (России, например) в энергоснабжении, а в области контроля над миграцией зависит от решений Турции. Соответственно, политика ЕС состоит в том, чтобы усилить свою нормативную мощь и минимизировать уязвимость в области энергоснабжения и иммиграции.

Описывая относительные конкурентные преимущества и слабости основных международных игроков, нужно отметить следующее.

Соединенные Штаты Америки. В первую очередь – это финансовая сверхдержава. Национальные финансовые власти США регулируют мировое обращение доллара и тем самым воздействуют на развитие мировой финансовой системы, инвестиций, экономики в целом. В конкретном плане США обладают возможностью отслеживать и запрещать любые транзакции в долларах США, независимо от того, между кем и в какой части мира они осуществляются.

Во-вторых, используя свою юрисдикцию экстерриториальным образом, США имеют возможность регулировать (блокировать) многие международные инвестиционные процессы. Финансовые институты и банки третьих стран обычно вынуждены выполнять указания политических и судебных властей США, так как альтернативой для них становится отлучение от самого глубокого и выгодного финансового рынка в мире, а также конфискация их активов (штрафы) в США.

США – технологическая сверхдержава, они контролируют существенную часть создания и трансфера технологий в мире. Путем либо собственных разработок, либо скупки умов и патентов США обеспечили себе технологическое превосходство, которое воспроизводится международным режимом защиты интеллектуальной собственности. Этот режим выгоден США и другим странам – производителям интеллектуальной собственности и не выгоден странам-потребителям.

США – информационная сверхдержава. Аппаратно-программные средства, доступные американскому государству и американскому бизнесу, дают США как серьезное политическое преимущество над конкурентами, так и позволяют обеспечить лидирующие позиции на коммерческих рынках, прежде всего финансовых. Используя свои финансовые и информационные возможности, США, по сути, создали новую экономическую модель, в которой у них нет конкурентов.

Основная уязвимость США состояла в зависимости от импорта энергии, прежде всего – нефти. Сегодня благодаря новым технологиям добычи Соединенные Штаты эту уязвимость ликвидировали.

Асимметрия, в которой Соединенные Штаты относительно слабы, – это строительство транспортной и промышленной инфраструктуры в Евразии и Африке. Лидером в этой области выступают Китай и отчасти Россия.

Китай – инфраструктурная держава. Китай является лидером в создании международной транспортной инфраструктуры. Те страны, которые будут на нее «нанизаны», получают экономическую пользу от ее использования при уважении интересов Китая и

могут быть «отлучены» от нее в случае неуважения его интересов. Следует отметить, что инфраструктура по своей природе является монополией, двух полноценных инфраструктур на одной территории не бывает, поэтому она является очень эффективным инструментом политического влияния.

Другим потенциальным преимуществом Китая является рост его внутреннего потребительского рынка. Наличие крупного потребительского рынка обеспечивает стране сильные позиции в конкуренции за международный капитал. Другими словами, международный капитал оказывается настолько заинтересован в присутствии в данной стране (блоке) и эксплуатации данного рынка, что ему приходится идти на уступки национальному государству и принимать его условия. Опосредованно это означает возможность диктовать некие условия странам происхождения капитала.

Европейский союз – нормативная держава. Европейский союз обладает не только наиболее обширным внутренним рынком, что делает его полюсом притяжения для компаний всего мира, но и детализированными правовой и нормативной системами. В результате своей экономической привлекательности ЕС оказывается в положении, когда он может навязывать свои нормы и правила зарубежным странам, чьи компании и экономики желают сотрудничать с ЕС.

Уязвимостями Европейского союза являются:

– отсутствие военной силы и полная зависимость в обеспечении военной безопасности от Соединенных Штатов;

– импорт энергии, особенно это относится к природному газу. ЕС энергично борется с этой уязвимостью, наращивает внутреннее производство энергии, увеличивает количество поставщиков энергии на внутренний рынок, ограничивает их относительные доли;

– иммиграция; неожиданно для многих ЕС был накрыт волной беженцев с Ближнего Востока и из Африки и оказался не готов контролировать этот процесс;

– идеологическая косность; европейские ценности в той форме, как они сегодня формулируются, делают ЕС беспомощным перед лицом многих вызовов, например иммиграционным или этико-религиозным.

Россия – геополитическая держава. Несмотря на то что в целом ряде областей Россия обладает относительным преимуществом над некоторыми соседями (привлекательный рынок труда для жителей Средней Азии, которым можно манипулировать, или важный источник поставок энергоносителей для Евросоюза, особенно для его конкретных стран), ни в одной из этих областей у России нет абсолютного влияния. Основным российским активом является размер и географическое положение страны, в результате чего без конструктивной и благожелательной позиции России трудно решать серьезные вопросы на Ближнем Востоке и в Передней Азии, в Центральной и Восточной Европе, Восточной Азии. Как определяют ситуацию некоторые западные авторы, уникальное преимущество России состоит в том, что она может вмешаться в почти любой процесс по ее периметру и помешать нахождению решения, не учитывающего ее интересы.

Основные театры асимметричных действий

В создавшейся ситуации крупные страны и их блоки используют самые разные возможности, предоставленные им возросшей взаимозависимостью. На сегодняшний день наиболее очевидными сферами соперничества являются следующие области.

Сфера внешней торговли

– Поставки энергоносителей как особая форма торговли. Борьба идет за повышение энергозависимости партнера и снижение собственной энергозависимости. Важным фронтом этой борьбы является защита соперничающими сторонами двух типов технологий транспортировки газа, которые во многом определяют тип создаваемого рынка: будет ли он более централизованным (монополизированным) или децентрализованным (конкурентным), – технологии транспортировки газа по трубам и технологии сжиженного природного газа (LNG). В большей степени такого рода соперничество относится к стратегии торговли природным газом, но в некоторой степени – и к торговле нефтью.

– Ограничения на поставки технологий, критически важных для благосостояния страны (например, технологий добычи нефти).

В основном такого рода инструменты внешней политики опасны для моноэкспортных стран и стран с малодиверсифицированной экспортной экономикой.

– Запрет на продажу компонентов и материалов, являющихся незаменимыми в цепочках добавленной стоимости. Сегодня трудно найти производство, полностью локализованное лишь в одной стране. Как правило, часть материалов и компонентов поставляется из других стран. Соответственно, ограничения на поставки таких компонентов и материалов затрудняют или останавливают производство на конкретной национальной территории.

– Отказ от продажи технологий, обеспечивающих стратегические направления научно-технического прогресса и конкурентоспособность страны в целом. Передовые, прорывные технологии, обеспечивающие технологическое лидерство и сильные коммерческие позиции на мировом рынке, не продаются. С одной стороны, это определяется коммерческой политикой фирм, которым эти технологии принадлежат. С другой – за этим внимательно следят государства, где эти технологии созданы. Подобные вещи рассматриваются как национальное стратегическое преимущество и не подлежат, как правило, передаче другим странам. Если передача (продажа) одобряется, это является политическим решением.

Сфера кредитования и инвестирования

– Ограничения и запрет на доступ к финансовым рынкам (кредитному и рынку ценных бумаг, рынку IPO), перекрытие внешнего финансирования в экономику страны. Объединенный Запад, прежде всего Соединенные Штаты, в силу разных причин владеют наиболее глубокими и дешевыми рынками капитала на планете. Соответственно, те страны, которые соглашаются с американским лидерством, допускаются к работе на этих рынках, другие страны – не допускаются. Целью ограничений в допуске определенных стран на этот рынок является повышение стоимости капитала для экономики такой страны и, соответственно, торможение ее экономического развития. Противодействие такой политике состоит в развитии национального рынка капитала (внутреннего) и

поиске альтернативных источников кредитования на политически более лояльных рынках.

- Проведение кампаний по выводу инвестиций из соперничающих государств (деинвестирование). Достигается путем проведения информационных кампаний, политического давления на собственный и зарубежный бизнес, сделавший инвестиции в той или иной стране, снижение инвестиционного рейтинга страны – объекта кампании.

Сфера денежного обращения

- В исключительных случаях страны – владельцы международных валют могут перекрывать международные платежи в долларах США и в евро, проводимые в интересах страны (компаний страны) соперника. Система международных транзакций устроена таким образом, что транзакции в определенной валюте, вне зависимости от того, в какой точке мира они производятся и кто выступает в качестве сторон такой транзакции, всегда проходят через национальную финансовую систему страны – владелицы этой валюты. Соответственно, такая организация платежей позволяет стране – владелице валюты не только получать исчерпывающую информацию по всем таким транзакциям, но и при необходимости блокировать их.

Инфраструктура

- Строительство транспортной, энергетической и информационной инфраструктур, от которых соперник будет зависеть стратегическим образом, создание инфраструктурных альянсов. Цель подобной политики состоит в том, чтобы «нанизать» экономику стран – объектов своей политики на собственную инфраструктуру (дороги, трубопроводы и прочее). В результате экономический рост и политическая независимость страны-объекта все в большей степени попадают в зависимость от допуска к такой инфраструктуре. В то же время такая форма внешней политики таит в себе потенциальную опасность национализации или захвата инфраструктуры политическим оппонентом.

- Использование в политических целях международной финансовой инфраструктуры, системы расчетов и частные сети типа VISA. В период роста политической напряженности между Западом и Россией звучали голоса с призывами отключить Россию от системы международных расчетов. Противодействием такой политике является политика создания национальной платежной системы.

- Навязывание правил использования киберпространства в интересах собственной экономики и финансовой модели. Киберпространство (Интернет) также можно рассматривать как инфраструктуру. В разрезе растущего соперничества на международной арене существенным является то, по каким правилам эта инфраструктура используется. Позволяют ли эти правила проводить информационные кампании на территории других стран, разрешают ли они проводить посреднические и другие бизнес-операции на территории других экономик - сегодня эти вопросы горячо дебатуются.

Информация

- Кибервойны, информационные войны, диверсии, подрыв репутации и инвестиционного климата соперника - все эти инструменты стали неотъемлемой частью международной политической борьбы.

- Важнейшим ресурсом соперничества государств является сбор и обработка информации о сопернике. Киберлидеры современного мира обладают запредельными компьютерными и коммуникационными мощностями, позволяющими им получать информационное преимущество над соперником.

Институты

- Создание собственных квазиглобализационных проектов «для своих», ограниченных географически и по политическим принципам. Примерами таких проектов являются американские ТТП и ТТИП, европейский ЕС, евразийский ЕАЭС. Задачей этих проектов является не столько наращивание внутренней торговли, как это было раньше, но в большей степени наращивание конкурентоспособности в глобальной экономике по отношению к дру-

гим блокам и неприсоединившимся странам. Подобные блоки призваны конкурировать за международный капитал, нормы и стандарты, международные правила торговли и инвестиций.

- Политизация существующих международных институтов, вроде МВФ.

- Создание параллельных международных институтов, вроде МБНИ. В условиях, когда традиционные международные институты находятся под контролем западных стран, а их реформа тормозится Соединенными Штатами, растущие великие державы приступили к созданию параллельных международных институтов, которые действовали бы в их интересах.

Отдельным инструментом использования взаимозависимостей на сегодня является *использование потоков мигрантов* для ослабления соперника или получения рычага политического воздействия на него.

Общие выводы

Нельзя разделять внешнюю политику и внешнеэкономическую политику. Не только в нашей стране, но и за рубежом принято разделять политику и экономику: политика, мол, построена на идее достижения безопасности и власти, а экономика – полезности и эффективности. В реальной жизни, особенно при выстраивании своего отношения к окружающему миру, страны вынуждены интегрировать оба подхода: государству нужны как безопасность и влияние, так и богатство. В результате решения в области внешнеэкономических связей (торговли, как принято это обозначать на Западе) принимаются с учетом соображений национальной безопасности, а внешнеполитические решения нередко преследуют цель повысить заработки национальной экономики на мировом рынке.

Мировая торговля перераспределяет военно-политическую мощь, нужно относиться к ней соответственно. Международная торговля выгодна для всех ее участников, но выгодна им в неодинаковой степени. Одна страна накапливает богатство (а следовательно, и военно-политическую мощь) быстрее, чем другая. В результате меняется соотношение сил, что отражается на национальной безо-

пасности стран – участниц торговли. Распределение выгод от торговли зависит от правил, по которым торговля ведется. Правила же пишутся политиками – так политическая мощь устанавливает правила международной торговли, которые влияют на перераспределение политической мощи и богатства в будущем. Политик, использующий экономическую мощь как оружие войны (в виде санкций против другой страны, например), жертвует краткосрочной эффективностью международной торговли своей страны для повышения ее долгосрочной эффективности. Другими словами, он объявляет санкции и принимает на свою экономику краткосрочные убытки, с тем чтобы ослабить оппонента экономически и политически и вынудить его принять в будущем систему политических и торговых правил, которые обеспечат стране политика долговременный выигрыш в безопасности и богатстве.

Страны собираются в команды, меняется природа регионализации. Меняется природа и характер глобализации. С одной стороны, она перестала быть либеральной. С другой стороны, глобализация теряет универсальность в части формирующих ее отношений и институтов. Она принимает форму интенсификации отношений, в том числе интеграционных, на региональном, двустороннем и «министороннем» (т.е. с относительно небольшим числом участников) уровнях. Обострение конкуренции, перераспределение сил в мире и общая уязвимость перед внешней средой толкают ключевых игроков к тому, чтобы стремиться к формированию вокруг себя благоприятного окружения хотя бы на уровне регионов. Формируются региональные экономические сообщества и сообщества безопасности, содействующие развитию и безопасности входящих в них стран, и прежде всего их лидеров. «Классические» региональные экономические группировки (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР) вплетаются в более масштабные трансконтинентальные или трансокеанские сообщества. Причина – недостаточность «узких» региональных образований для поддержания конкурентоспособности в глобальном масштабе в условиях постоянно усиливающейся глобальной конкуренции. Новые «большие» сообщества не несут интеграционный характер, но предполагают более интенсивные режимы и общие правила торгово-экономи-

ческого взаимодействия. Такие сообщества компенсируют странам-участницам их относительные слабости, возникающие в результате асимметрии взаимозависимости.

Выводы для политики России

Стратегические вопросы внешнеэкономических отношений, экономического курса, политики Центрального банка следует решать не только на основании экономической экспертизы, но и с привлечением экспертизы национальной безопасности, с тем чтобы определить, какие политические последствия может иметь то или иное экономическое решение. Политическая экспертиза необходима при подготовке и реализации крупных межгосударственных инфраструктурных проектов, в том числе проектов государственных и частных компаний.

Экономическая и промышленная политика страны должна ставить своей целью не только стимулирование экономического роста, но и ликвидацию внутренних уязвимостей страны, которые могут быть использованы для политического давления на нее. Внешнеполитические ведомства должны выступать с рекомендациями экономическим ведомствам по вопросу о том, зависимость каких стран от России следует повысить. И выходить в этом отношении с собственными предложениями.

Список литературы

Невоенные рычаги внешней политики России: Региональные и глобальные механизмы / М.В. Братерский (Ред.). – М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. – 280 с.

Baldwin D.A. Economic statecraft. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1985. – 410 p.

Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 1998. – 240 p.

Connectivity wars: Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future / M. Leonard (Ed.). – L.: European council on foreign relations, 2016. – 222 p.

Daoudi M.S., Dajani M.S. Economic sanctions: Ideals and experience. – L.: Routledge, 1983. – 264 p.

Economic sanctions reconsidered / Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. – Wash., DC: Peterson institute for international economics, 2007. – 234 p.

Golub Ph. Power, profit and prestige: A history of American imperial expansion. – L.: Pluto press, 2010. – 256 p.

Helms J. What sanctions epidemic? U.S. business' curious crusade // Foreign affairs / Council on foreign relations. – N.Y., 1999. – Vol. 78, Issue 1. – P. 2–8.

Kagan R. The world America made. – N.Y.: Alfred Knopf publishing, 2012. – 160 p.

Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence revisited // International organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – Vol. 41, Issue 4. – P. 725–753.

Oxenstierna S., Olsson P. The economic sanctions against Russia: Impact and prospects of success / FOI Swedish defence research agency. – Stockholm, 2015. – 90 p.

Power and the purse: Economic statecraft, interdependence, and national security / J.-M.F. Blanchard, E.D. Mansfield, N.M. Ripsman (Eds.). – L.: Frank Cass publishing, 2000. – 344 p.

С.В. Демиденко

Халифат как мера всех вещей: К вопросу об изучении теории международных отношений через призму исламской религиозной традиции

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы теории международных отношений через призму исламской религии. Автор анализирует различные аспекты данной темы в широком историческом контексте. В центре исследования – идея создания идеального исламского государства – халифата. Особое внимание уделяется подходам к теории международных отношений представителей исламских конфессий – шиитов различных направлений, радикальных и умеренных суннитов. Проводится прямая связь между традиционными религиозными теориями и современной ситуацией на Ближнем Востоке, где экстремисты пытаются воплотить в жизнь концепцию мирового халифата. Кроме того, значительное место отводится левой, «социалистической», доктрине, приверженцы которой также разработали свой специфический подход к теории международных отношений.

Abstract. The article focuses on the problem of Islamic view on the theory of international relations. Author analyses different aspects of this problem in the wide historical context. The research is focused on the idea of Caliphate, the worldwide Islamic state. The special attention is paid to different approaches to the idea of Caliphate: the approach of the Shia, the approach of the moderate and the radical Sunnis. Author sees the direct connection between medieval religious theories and contemporary situation in the Middle East, where radical Sunni try to create perfect Islamic state in Iraq and Syria. Besides, in this article considerable attention is paid to

the Arabic socialist doctrine, which developed a special view on the theory of international relations.

Ключевые слова: *международные отношения, исламский мир, халифат, религия, Ближний Восток, геополитика.*

Keywords: *international relations, Islamic world, Caliphate, religion, the Near East, geopolitics.*

При анализе геополитической ситуации, сложившейся в регионе Ближнего и Среднего Востока (так называемый Большой Ближний Восток), любой исследователь сталкивается с весьма важной и сложной проблемой, а именно – с отсутствием специфической, самобытной исламской теории международных отношений.

Как правило, арабские и иные исследователи – выходцы из исламских стран для анализа политической ситуации на субконтиненте пользуются хорошо известными во всем мире концептами, которые принято отождествлять с европейской политической мыслью.

Так можно ли в принципе говорить о существовании традиционной исламской концепции теории международных отношений? По всей видимости, да. Хотя сразу следует оговориться, что в данном случае речь идет о не вполне самостоятельном, испытывающем на себе огромное влияние религии конгломерате идей и взглядов. Именно последний пункт коренным образом отличает мусульманский подход к изучению международной политики от широко известных в мировых научных кругах «западных» концепций – идеализма, плюрализма, рационализма и т.д.

Политическая мысль Ближнего и Среднего Востока религиозна (по крайней мере в видимой своей части) и опирается на представление о божественной сути всего происходящего в мире, о предопределенности. Примат религии над практикой обозначен в качестве ключевого положения во внешнеполитических концепциях ведущих мусульманских держав – Ирана и Саудовской Аравии (две эти страны на сегодняшний день являются – или хотят являться – лидерами всего мусульманского мира; их противостояние во многом определяет политический облик всего субконтинента) (см., напр.: [Ministry's vision, 2014; The Constitution., 1995]).

Для традиционного мусульманского понимания системы международных отношений характерны представления об умме – некоей общности народов, исповедующих эту религию, и в контексте этих представлений ведется речь о создании халифата – общеисламского государства во главе с избранным (или принявшим власть по наследству по линии кровного родства с Пророком Мухаммадом) имамом. Именно такой взгляд на систему международных отношений следует считать традиционно исламским.

Что же такое халифат?

Халифат на протяжении всей истории исламского мира воспринимался как некая высшая стадия политического развития уммы: потерянный рай аравийских кочевников – время, когда ислам был важнейшим фактором, определяющим основные тенденции развития глобальной политики и экономики.

В период формирования халифата появился не только арабский мир в нынешних его границах, но и основные, «правильные», с точки зрения консервативных адептов, концепции управления идеальным исламским государством. Именно поэтому данный период имеет такую огромную идейную ценность для всех без исключения мусульманских мыслителей, рассуждающих на тему «особого» политического пути мировой уммы.

На самом же деле арабский халифат никогда не был мифической «землей пресвитера Иоанна», а был классической кочевой империей, которая стала разваливаться практически сразу, как только иссяк завоевательный порыв формировавших ее народов.

Принято считать, что поступательное движение арабских племен сначала на север, в ближневосточные провинции Византийской империи и в сасанидский Иран, а потом на запад – в Африку, где в первой половине VII в. был захвачен Египет, а позже, в начале VIII в., – территории, составляющие современные Ливию, Алжир, Тунис и Марокко, было остановлено франкской пехотой Карла Мартелла под Пуатье (732 г.). Фактически сразу после этого начался долгий период разрушения зыбкой структуры племенного конгломерата арабских завоевателей. Точнее будет сказать, что история халифата в период с VIII по XIII в. (1258 г. – завоевание Ба-

года монголами и появление легенды о бегстве последнего аббасидского халифа в аюбидский Египет, где его последователи потом «передали корону» османам) следовала печальной тенденции, наметившейся еще в период так называемой первой смуты, которая началась убийством халифа Усмана (644–656) и закончилась смертью халифа Али (656–661). После этого халифат на время обрел стабильность благодаря хитрости и дипломатии Муавии ибн Абу-Суфьяна (661–680), основателя династии Омейядов, однако просуществовал в таком состоянии весьма недолго – после прихода к власти Аббасидов (750 г.) от страны откололась значительная часть в виде испанских владений, где воцарились потомки поверженных омейядов.

Время халифата Аббасидов считается временем процветания ислама, его высшего величия, апофеозом культурного и экономического развития. При этом, если в культуре и экономике мусульманская часть мира именно тогда достигла существенных успехов, в плане политическом на этот период пришлось децентрализация и окончательный распад уммы на суннитов и шиитов. По факту, уже в X в., когда в 945 г. Багдад был захвачен Буидами, закончилась самостоятельная история создателей халифата – непосредственно арабов и началась история народов, деливших и перекраивавших бывшие арабские территории в соответствии со своими захватническими устремлениями.

В X в. от империи были отторгнуты североафриканские территории, которые попали сначала под власть Фатимидов, а затем Аюбидов (Египет). В отдельные периоды значительные части государства на протяжении десятилетий контролировались вышедшими из-под контроля столицы эмирами (Аглабиды, Саманиды, Саффариды и т.д.) или даже повстанческими формированиями (карматы, зинджи).

В 1055 г. в Багдаде воцарились сельджуки. Волны все новых и новых завоевателей захлестывали «исконно мусульманские» земли, однако в политическом хаосе оставался один относительно неизменный ориентир – религиозная власть багдадского халифа. Потеряв все возможности для реального управления делами в своем государстве, правитель лишь осеял захватчиков, появлявшихся

перед воротами его столицы, духовным авторитетом. Халиф «даровал» завоевателям благословление на то, что они и так уже получили силой оружия.

Авторитет главы общины держался на вере средневекового общества в существование потусторонней связи материального мира с миром, где царствует высшее божество. Связь эта, в представлении исламизированных народов Востока, осуществлялась именно через багдадского правителя, который был наиболее искусственным в вопросах веры человеком. Именно человеком. Для суннитского ислама нехарактерно придание главе общины (кем, собственно, и является халиф) сакрального статуса. В этой системе религиозных взглядов халиф – избранный уммой правитель, мудрец, знаток канонов (шариат) и права (фикх).

Таким образом, можно сказать, что основополагающей идеей традиционной исламской внешнеполитической доктрины является стремление к объединению – под эгидой единого божества и на основах, заложенных в Коране.

И здесь в качестве небольшого отступления необходимо заметить, что разные конфессии исламской религии по-разному видят то, как в идеале должно быть устроено это всеобщее государство.

Суннитский халифат

Согласно суннитской доктрине, халифат не является теократическим государством, поскольку глава его, халиф, не контактирует с Богом и не может вносить изменения в установленные свыше законы. Передача халифом власти наследнику является исключительно светским актом без трансляции на преемника божественной благодати (в этом коренное отличие власти мусульманских правителей от власти европейских королей и императоров – помазанников Божьих, которых молва наделяла способностью творить чудеса, например лечить некоторые болезни наложением рук и т.д.). Халифы издают законы, которые имеют исключительно светский характер, но в то же время могут объявлять то или иное учение «единственно верным» (как это можно наблюдать, напри-

мер, в Саудовской Аравии, где правящий дом установил примат ваххабитской идеологии над иными направлениями ислама).

Постулат о необходимости избрания халифа дает возможность многим представителям исламского духовенства заявлять, что их религия основана на демократических постулатах (см., напр.: [Кардави, 2011]) и что традиции свободы и независимости издревле присущи этой религии. В таких заявлениях можно усмотреть некий цивилизационный, идейный вызов, который мусульмане бросают европейцам, уверенным в том, что именно они «изобрели» демократию. Да, арабы и другие народы Востока тоже говорят о демократии, но всегда подчеркивают, что их демократия, в отличие от западной, иная – она основана на глубоких традициях и религиозной нравственности и поэтому гораздо более «естественная» [там же].

В контексте подобных рассуждений не может не броситься в глаза, что большинство наиболее развитых мусульманских (в первую очередь, арабских) стран управляются либо абсолютными монархами, либо режимами, имеющими ярко выраженные диктаторские характеристики. Такое положение вещей, казалось бы, диссонирует с изначальной, заложенной еще в первые годы существования ислама идеологической установкой (выборность главы общины). Данная проблема обходится чисто демагогическим методом. Дело в том, что исламские религиозные законы предписывают соблюдать сам принцип выборности первого лица государства, но не определяют ни количество выборщиков, ни схему избрания. То есть, если халиф или иной исламский правитель назначает при жизни своего преемника, считается, что в целом демократическая процедура соблюдена. Именно по этой схеме престол наследуется в Саудовской Аравии, которая на протяжении долгого времени позиционирует себя как государство, которое в наибольшей степени соответствует стандартам идеального исламского правления (правящий король первым делом назначает своего преемника, а с начала правления короля Абдаллы (2005 г.) повелось, что преемников двое – наследный принц и его заместитель). Данный принцип в исламской политической доктрине носит название «ихтийяр».

Также считается важным, чтобы население согласилось с выбором монарха. Оно изъявляет свою волю путем принесения клятвы новому правителю – это «байя», второй принцип, на котором должен держаться халифат. И, наконец, поскольку считается, что Пророк Мухаммад никогда не выносил решение единолично, не посоветовавшись с ближайшим кругом сподвижников, существует третий, наиболее важный закон исламского правления – «шура» (совет).

С точки зрения суннитской доктрины, на таких принципах должно быть основано государство, которое в будущем объединит всех мусульман. Именно так видят будущее мира наиболее консервативные адепты традиционного ислама. Не зря глава ИГИЛ (организация, запрещенная в России) Ибрагим Авад Ибрагим аль-Бадри, более известный в мировом информационном пространстве как Абу Бакр аль-Багдади, ныне сменил имя и зовется теперь халиф Ибрагим (а его организация теперь называется «халифат») (см., напр.: [Withnall, 2014; Roggio, 2014]). Здесь также нужно отметить, что ИГИЛ управляется на основе принципа шуры, что в некотором смысле повышает степень живучести этой организации. Ведь лидер ИГИЛ – не абсолютный монарх, замыкающий на себя все руководство структурой, а просто, если так можно выразиться, временный «менеджер», которого в случае смерти или потери дееспособности из-за ранения или болезни можно легко заменить на более подходящего.

Продолжая тему суннитского (в частности, салафитского) радикализма, нельзя не коснуться и такого важного ее аспекта, как представления салафитов о том, каким образом должны выстраиваться отношения исламского государства с остальным миром. Согласно этим представлениям, весь мир делится на три большие зоны: дар аль-ислам, дар аль-харб и дар ас-сулх – земля мира (ислама), земля войны и земля договора.

Земля мира – обозначение всех мусульманских стран, находящихся под властью мусульманского правителя, где соблюдаются законы шариата.

Земля войны – территории за пределами исламского мира, рассматривающиеся как страны, находящиеся в состоянии войны с

правоверными. На этих территориях должен осуществляться джихад в форме священной войны за распространение истинной веры.

Земля договора – территории, на которых проживают неисламские народы, заключившие с мусульманами мирные соглашения. Данный термин напрямую связан с еще двумя понятиями – ахл аль-китаб и ахл аз-зимма. Ахл аль-китаб, или «люди писания», – это народы, которым было послано откровение, но которые его либо намеренно исказили, либо неверно истолковали – иудеи и христиане (главным искажением является отсутствие в священных текстах этих двух религий упоминания о Мухаммаде). Ахл аз-зимма, «покровительствуемые», – это иноверцы, признавшие власть мусульман.

В Средние века ахл аль-китаб могли жить по соседству с мусульманами и иметь свои места для опрвления культа. До определенного момента правоверные остро нуждались в «людях писания», и подобное относительно мягкое отношение к иноверцам обуславливалось интересами поддержания мира на покоренных территориях, а также необходимостью перенять у местных народов опыт управления и торговли. Кроме того, за иноверцами были закреплены профессии, которыми мусульманам запрещалось заниматься, – например, виноделие или ростовщичество (последнее, кстати, запрещено и в христианстве). Однако «исказившие писание» не могли сосуществовать с правоверными на равных правах, и для интеграции их в мусульманское общество приблизительно в VIII в., был изобретен механизм уплаты специфических налогов – хараджа (от половины до двух третей урожая) и джизьи – подушной подати. При этом правоверные уплачивали только ушр (десятину) и «праведные» подати – закят (налог на бедных) и саддаку (милостыню). Несколько позже харадж и джизью перестали различать, и сегодня в кругах консервативных мусульман используется лишь один термин – джизья. Джизья рассматривалась (и рассматривается до сих пор) как выкуп за сохранение жизни (по некоторым данным, боевики ИГИЛ в Мосуле именно так поступили с местными христианами – заставили выплачивать подушную подать [Боевики ИГИЛ., 2014]). Платить джизью должны были все взрос-

лые мужчины, за исключением дряхлых стариков, калек и рабов, а размер зависел от материального положения налогоплательщика.

Через уплату джизьи ахл аль-киتاب приобретали легальный статус ахл аз-зимма, «покровительствуемых», и могли, как уже говорилось выше, жить и работать рядом с мусульманами, хотя при этом их бытие было подчинено ряду запретов и ограничений – нужно было носить одежду, отличавшуюся от одежды правоверных, запрещено было строить новые святыни, отправлять свои обряды таким образом, чтобы это видели мусульмане, и т.д.

В эпоху раннего Средневековья, когда термин дар ас-сулх был введен в «научный» обиход, подразумевалось, что «территории договора» были населены представителями ахл аль-киتاب, которые через джизью становились ахл аз-зимма. То есть в глобальном плане термин дар аль-сулх подразумевает, что мир на «территории договора» обеспечивается условиями частичного подчинения «немусульман» догматам шариата. Если джизья не будет выплачена, «территория договора» автоматически потеряет свой статус, переходя в разряд «территории войны», дар аль-харб.

Можно было бы предположить, что деление стран по принципу принадлежности их населения к истинной вере – анахронизм, изжитый много веков назад, который сегодня исповедуют лишь самые оголтелые консерваторы. Однако многие адепты радикального ислама до сих пор отстаивают подобное «биполярное» (как мы уже показали, разница между терминами дар аль-харб и дар ас-сулх очень зыбкая) видение мира. Известный мусульманский богослов Юсуф аль-Кардави посвятил данной проблеме несколько книг (см., напр.: [Исламская политика., 2006]). Сегодня влияние аль-Кардави на умы молодых мусульман сложно переоценить. Его считают своим духовным лидером и члены организации «Братья-мусульмане» [Smolczyk, 2011], и тунисские консерваторы, которые еще не так давно были активнейшими участниками «второй жасминовой революции» [Spencer, 2011], в результате которой пал режим президента Бен Али, и даже представители движения ХАМАС [Ayoub, 2013]. Сегодня проживающий в Катаре муфтий аль-Кардави при поддержке официальной Дохи распространяет свои взгляды в том числе и через посредство такого мощного ин-

формационного ресурса, как канал «Аль-Джазира» (многие тексты которого, по некоторым данным, он также сам редактирует [Львов, 2012]).

Теперь, обрисовав в общих чертах представление о политическом устройстве мира в представлении суннитских богословов, нужно коснуться отношения шиитов к данной проблеме.

Шиитский мир

В целом представители этой конфессии также исходят в своих рассуждениях из принципа необходимости объединения всех мусульман в границах единого богоспасаемого государства. Однако о персоне халифа у шиитов иное представление: халиф-имам наделен особым знанием, передающимся по линии кровного родства с Пророком. То есть право на управление общиной имеют лишь прямые потомки Али (четвертый праведный халиф, двоюродный брат и зять Мухаммада) и Фатимы (младшая дочь Пророка), обладающие некими сакральными характеристиками, «божественным светом».

Имам, в представлении шиитов, может посредничать, выступая от имени всех правоверных перед Аллахом, скрываться, когда это необходимо, и возвращаться в мир в качестве мессии («аль-махди»). Разные направления шиизма, равно как и секты (если этот термин вообще применим к исламу), которые также принято по умолчанию относить к ответвлениям этой конфессии, приносили в теорию халифа-имам собственные представления и по-своему трактовали генеалогию потомков Али. Имамиты признают двенадцать имамов, исмаилиты – семь, алавиты и али-иллахи обожают Али, у друзов имеется свой имам – Хаким и т.д. Однако в условиях постоянного прессинга, которому сунниты, коих на пространствах мусульманских земель всегда проживало подавляющее большинство, подвергали шиитов, последователи Али вынуждены были постоянно подстраивать свою доктрину под меняющиеся политические обстоятельства. Таким образом сформировалась политическая теория, согласно которой глава общины – имам – находится в сокрытом состоянии, а миссию по реальному управлению осуществляет его заместитель из числа наиболее искушенных бого-

словов – факихов (принцип «велайет е-факих»). Данный подход нашел свое отражение в политическом устройстве Исламской Республики Иран [Конституция., 1979].

Согласно Конституции ИРИ, верховная власть в стране сосредоточена в руках духовного лидера – рахбара, замещающего отсутствующего имама. Рахбар вместе с ближайшими сподвижниками – членами различных религиозных советов (в первую очередь, Совета экспертов) – формирует внешнеполитический курс Исламской Республики. До недавнего времени международные отношения были прерогативой исключительно шиитского духовенства. Несколько поменялась ситуация только в период правления президента Махмуда Ахмадинежада (2005–2013). Приход этого политика к власти в Иране совпал по времени с началом активизации в регионе Большого Ближнего Востока Соединенных Штатов, которые на тот момент ставили целью (на волне эфемерного, как оказалось, иракского успеха) свержение в том числе и клерикалов в Тегеране. В подобной ситуации аятоллы видели в Ахмадинежаде будущее иранской политики – молодого лидера, способного повести за собой народ в условиях усиления международного прессинга империалистов. В этой связи новому президенту был передан ряд полномочий по выработке и принятию внешнеполитических решений. Однако Ахмадинежад не оправдал доверия, и нынешний глава страны Хасан Рухани теперь тщательно сверяет свои политические часы с Кумом.

Сразу следует оговориться, что рахбар не является абсолютным монархом. В отличие от суннитских правителей Катара, Саудовской Аравии, отдельных эмиратов, составляющих ОАЭ, власть верховного факиха жестко ограничена. Во-первых, его избирают. Избирают члены Совета экспертов, которые в свою очередь попадают в этот орган путем всенародного тайного голосования. Во-вторых, те же самые эксперты могут отправить рахбара в отставку, если сочтут, что он по тем или иным причинам не может более выполнять возложенный на него Конституцией страны набор функций. В-третьих, как уже понятно из вышеизложенного, полномочия рахбара четко прописаны в Основном законе. Да, они весьма обширные, но не исключительные [там же].

Именно в этом и заключается феномен исламской демократии иранского образца. В отличие от суннитов, приверженных схоластическим упражнениям, шииты выработали весьма специфическую систему управления государством, которую нельзя однозначно отождествить ни с одной из широко известных государственных систем мира.

В некотором смысле систему управления ИРИ можно считать довольно громоздкой, поскольку она состоит из двух ветвей – светской, которая представлена вполне традиционными органами: президентом, правительством, парламентом, – и религиозной, дублирующей ее функции (Совет экспертов, Совет стражей Конституции, Совет по определению целесообразности принимаемых решений). При этом на религиозную ветвь власти возложена также надзирательная функция. Клерикалы – члены советов оценивают все принимаемые светской частью властного истеблишмента решения на предмет соответствия их исламской догматике (это также один из важнейших принципов истинного исламского правления, известный под названием «ахл аль-халл ва аль-ақд»).

В этой связи «либеральность» иранской модели управления не стоит переоценивать. В руках религиозной элиты имеется такой важный орган, как Совет стражей Конституции (состоит из двенадцати членов – представителей духовенства: шестерых назначает рахбар, шестерых – парламент по представлению главы судебной власти). Совет стражей Конституции инспектирует решения меджлиса и одобряет кандидатов на все высшие государственные должности (в том числе и на выборные – президент, депутаты парламента и т.д.). То есть через сито этого совета не может пройти ни один не угодный клерикальному руководству кандидат. В то же время и само клерикальное руководство отчасти зависимо от воли населения, поскольку ключевой орган этой структуры – Совет экспертов – формируется путем всеобщего голосования.

Применительно ко внешней политике, проводимой единственным в мире шиитским государством, данную ситуацию можно интерпретировать следующим образом. Высший государственный пост – пост президента – занимают лишь те политики, чьи взгляды и программа соответствуют взглядам и программе клерикального

руководства. Когда во второй половине 1990-х годов в отношениях ИРИ и США наблюдалась определенная разрядка, во главе страны был относительно либеральный Мухаммад Хатами; когда на рубеже веков Вашингтон явил миру свой план преобразования Ближнего Востока, на сцену вышел радикальный и харизматичный Махмуд Ахмадинежад, начавший развивать ВПК Ирана и его ракетные программы; а когда вновь назрела необходимость в разрядке, страну возглавил мудрый и расчетливый Хасан Рухани, сумевший преодолеть (хотя еще и не полностью) режим международного эмбарго.

Исключительное место во внешнеполитической концепции Исламской Республики занимает принцип национального суверенитета. Уже в преамбуле к Конституции ИРИ говорится, что исламская революция произошла как ответ народа на «империалистический» заговор США. То есть фактически основная цель внешней политики государства сформулирована как борьба с экспансией колониальных держав в лице их признанного лидера – Соединенных Штатов [Конституция..., 1979].

Преобразование шахского Ирана в Исламскую Республику в 1979 г. придало геополитическим позициям Тегерана новый, революционный смысл. Если в период правления Мухаммада Резы Пехлеви (1941–1979) страна считалась твердым и последовательным союзником Запада, то с приходом к власти шиитских аятолл антиколониальный тренд в ее политике стал преобладающим. Разворот Ирана на 180 градусов оказался неприятным сюрпризом как для Вашингтона, так и для Лондона, которые уже привыкли в формировании своих стратегий на Ближнем и Среднем Востоке полагаться на эту послушную во всех отношениях персидскую монархию (особо в данном контексте следует отметить участие Ирана в антисоветском блоке СЕНТО). Тем не менее, хотя Вашингтон потерял союзника, это не принесло ничего хорошего и оппонировавшему Североатлантическому альянсу Советскому Союзу. Обновленный Тегеран строго придерживался курса на противостояние любым попыткам «колонизировать» страну, откуда бы они ни исходили. Для аятолл и западный «хищнический» либерализм, и советский атеистический коммунизм были чужды в одинаковой степени.

То, что шиитская составляющая исламской концепции международных отношений носит ярко выраженный конфликтный характер, как нельзя лучше подтверждается ст. 154 Конституции ИРИ, где говорится буквально следующее: «Исламская Республика Иран, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую борьбу угнетенных против угнетателей во всем мире» [Конституция., 1979]. То есть Иран позиционирует себя как самодостаточное, не нуждающееся в сильных союзниках государство, главной задачей которого является борьба с глобальной несправедливостью (данный тезис в целом роднит шиитскую концепцию с концепцией радикальных исламистов, подробнее о которой будет сказано ниже).

В целом можно отметить, что представление об «особости» иранского пути органично вытекает из «особости» шиизма, который не случайно получил распространение именно на территории будущей Исламской Республики. Для народа Персии-Ирана издревле было характерно восприятие своей страны как некоего центра обитаемой вселенной. Страна, имеющая глубокие дипломатические и культурные традиции, а также историю, уходящую корнями в эпоху античности, не могла просто так смириться с тем, что была завоевана полчищами бедуинов, которых персы долгое время вообще не считали за людей.

Сокрушительное поражение сасанидского Ирана в войне против мусульман (которого, кстати, избежал извечный соперник персов – Византийская империя) привело к появлению на просторах молодого исламского мира крайне специфического во всех отношениях образования. Идеи выборности главы общины, равно как и отсутствия у него сакральных характеристик, были чужды персам. На территории Ирана со времен Ахеменидов (VII–IV вв. до н.э.) были распространены представления о божественной сущности передаваемой по наследству высшей власти. Именно в контексте этих идеологем и сформировалось восприятие ислама местным населением, принявшим и творчески разработавшим шиитскую версию религии в качестве идейного направления, оппонирующего исламу арабов-суннитов.

После поражения и гибели в 680 г. третьего имама Хусейна основные угрозы для халифата стали исходить именно с шиитских территорий. Сначала под ударами шиитского восстания рухнуло правление потомков Муавийи, затем часть квазигосударства попала под контроль Фатимидов, и, наконец, Аббасиды лишились полноценной власти вследствие гражданской войны, развязанной шиитской династией Буидов.

Долгие годы противостояния сначала суннитам (сперва в качестве составной части Великого халифата, после – в качестве самостоятельного государства – сефевидского Ирана), а затем колонизаторам – англичанам и русским – приучили шиитов к перманентной борьбе. А из специфической, нехарактерной для большинства мусульман трактовки ислама родилось представление об особой миссии шиитского духовенства и иранского народа – миссии объединения всех мусульман под эгидой Тегерана без учета конфессиональных различий.

Иранские официальные лица все чаще говорят о том, что различия между исламскими конфессиями надуманы и что Иран относится ко всей умме как к братьям по вере. Так, летом 2014 г. глава Совета по определению целесообразности принимаемых решений А. Хашеми-Рафсанджани провел встречу с ведущими улемами и политическими лидерами суннитских общин Ирана. В своей приветственной речи аятолла заявил, что Иран не делает различий между суннитами и шиитами и готов защищать права всех мусульман, вне зависимости от конфессиональной принадлежности [Serjoie, 2014].

Особенно ярко данное положение внешнеполитической парадигмы ИРИ воплощается в отношении Тегерана к палестинскому вопросу. В контексте противостояния «малому сатане» Израилю ИРИ не гнушается даже контактами с палестинскими религиозными радикалами.

В начале 2013 г. глава МИД Ирана Д. Зариф встретился в Бейруте с главой организации «Исламский джихад Палестины» Рамаданом Абдуллой. Согласно данным иранских СМИ, в ходе переговоров обсуждались вопросы, касающиеся обострения обстановки в Ливане, где все большую силу на фоне гражданской войны

в соседней Сирии набирали противоречия между основными этноконфессиональными общинами страны (см.: [Демиденко, 2014]).

Что же касается другой палестинской радикальной организации ХАМАС, то связи с ней были частично разорваны Ираном после того, как многие палестинцы в гражданской войне в Сирии выступили на стороне антиасадовских сил. Однако в начале 2014 г. и Тегеран, и руководство ХАМАС озвучили намерение восстановить прежние связи. В частности, глава политбюро ХАМАС Халед Машааль заявил, что его организация всячески стремится к тому, чтобы вывести отношения с ИРИ на прежний, «довоенный» уровень [Balousha, 2014]. Дополнительным стимулом для ИРИ и ХАМАС стала беспрецедентная по продолжительности и количеству жертв с обеих сторон операция ЦАХАЛ в Секторе Газа «Нерушимая скала» (июль–август 2014 г.). По словам рахбара Исламской Республики А. Хаменеи, именно после израильской атаки на палестинские территории стороны начали более активно урегулировать свои разногласия. Также Хаменеи призвал весь исламский мир встать на защиту братьев в Палестине [Serjoie, 2014].

Но не только религиозные деятели развивали концепцию общеисламского государства. Создание халифата являлось идеей фикс мусульманских националистов и социалистов.

«Светский» халифат

Впервые идея сплочения мусульман на новых прогрессивных основах была сформулирована Джамалом ад-Дином аль-Афгани (полное имя Мухаммад ибн Сафдар Джамал ад-Дин аль-Афгани, годы жизни 1839–1897). С именем этого человека связывается рождение такого направления мусульманской политической мысли, как панисламизм.

Джамал ад-Дин аль-Афгани родился в Восточном Афганистане. Религиозное образование получил в Кабуле, светское – в Индии (писал по-персидски, по-арабски и по-французски). Участвовал в войнах местных феодалов, потом эмигрировал, долго жил за границей и много путешествовал. Знакомство с западным миром, его системой образования и организацией хозяйственной жизни убедили аль-Афгани в необходимости модернизировать исламское

общество. Традиционный мир, основанный на религиозных ценностях и отрицающий прогресс, не мог противостоять экспансии могучей в материальном отношении западной цивилизации. В этом аль-Афгани был совершенно уверен. Он выдвинул идею о необходимости объединения мусульман не только на религиозных основах, но и на основе экономического и технологического прогресса. Залог успешности традиционного мира этот мыслитель напрямую увязывал со степенью его приспособляемости к изменяющимся условиям глобального капиталистического уклада.

Аль-Афгани всегда подчеркивал необходимость развития светских наук, образования, равно как и новых тенденций в экономике (развитие промышленности). Особое место в его концепции занимал такой важный аспект, как характер системы управления. С одной стороны, аль-Афгани отстаивал идею «спасения» исламского мира через правление праведного монарха, с другой – говорил о необходимости ограничения абсолютной власти правителя путем введения западных «либеральных» институтов – парламента, конституции и т.д. Видимо, именно с последним обстоятельством связан тот факт, что мусульманский мыслитель хотя и был весьма популярен среди простых людей и представителей среднего класса, так и не получил поддержки у сильных мира.

Интеллектуальный вклад аль-Афгани в формирование исламской политической мысли сложно переоценить. На основе выдвинутых им лозунгов формировались революционные платформы республиканского движения в Иране (1905–1911) и египетских реформаторов второй половины XIX в. (признанным лидером египетских «либералов» на тот момент был ученик аль-Афгани Мухаммад Абдо). Его мысли нашли воплощение в постулатах младотурецкого движения (организация «Единение и прогресс») и в несколько измененном виде оказались приняты рядом консервативных группировок.

Также, вне всякого сомнения, можно сказать, что именно на основе концепций аль-Афгани сформировалась система взглядов, которая еще не так давно в мировом научном пространстве была известна как «арабский социализм».

Однозначно трактовать этот термин сложно. Под арабским социализмом подразумевается конгломерат идей, возникших в первой половине XX в. в арабских странах в среде молодых интеллектуалов и среднего офицерства (Г.А. Насер, баасисты М. Афляк и С. Битар, М. Каддафи, Х. Бумедьен и т.д.). На внутривосточном уровне арабские «левые» отстаивали необходимость создания сильного государства с мощной промышленностью, основанной на государственной собственности, с централизованной властью одной партии и с сильной армией. При этом, в отличие от своих европейских коллег, арабские социалисты никогда полностью не отвергали принцип частного предпринимательства. Принцип существования двухукладной экономики является, пожалуй, главной отличительной чертой арабских «левых» доктрин. Частная инициатива ограничивалась, но нигде не подавлялась полностью (далее всех по пути наступления на «предпринимателей» продвинулся Муаммар Каддафи, но и он не стал полностью ликвидировать частное предпринимательство, оставив определенное поле для предпринимательской деятельности в области сельского хозяйства).

Что же касается внешнеполитических воззрений ближневосточных «левых», то они вполне укладываются в уже известную схему, основанную на двух главных постулатах – необходимости политического объединения и продолжении борьбы за освобождение от западных колонизаторов. То есть в международном плане арабские националисты и социалисты (грань между этими двумя доктринами весьма зыбкая, а порой и не прослеживается вообще) фактически остались приверженцами парадигмы, разработанной еще мусульманскими богословами раннего Средневековья. Отличие состоит лишь в том, что общее государство, с точки зрения «левых», должно объединять не всех мусульман, а только арабские народы. В данном случае не стоит обращать внимание на то, что «левая» парадигма утверждает необходимость построения светского государства. В арабском политическом контексте ни в коем случае нельзя отрывать религию от политики. И социалисты, и коммунисты – выходцы из арабских стран – неизменно подчеркивали, что их концепции коренным образом отличаются от «вредонос-

ных» западных идей, навязывающих мусульманам чуждую секулярную идеологию.

Арабские «левые», в отличие от своих европейских и американских коллег, всегда отмечали связь своей идеологии с религией. Именно эта связь делала их учение (на самом деле, крайне эклектичное) оригинальным, исконно мусульманским. Даже самый радикальный из арабских «леваков» М. Каддафи назвал ислам в качестве одного из трех основополагающих принципов своей «третьей мировой теории» (наряду с социализмом и национализмом).

Конечно, возникает серьезное искушение объявить арабский социализм порождением советской системы – в том смысле, что только благодаря помощи извне «левая» доктрина в исламском мире просуществовала такое долгое время (период ее «господства» на арабском Востоке можно, с определенной долей условности, отсчитывать от египетской революции 1952 г. и заканчивать, вероятно, 1987 г., когда от социалистических концепций начал отказываться самый яростный их приверженец – М. Каддафи). Однако подобная постановка вопроса не совсем верна. Да, социалистический лагерь установил весьма теплые отношения с «арабскими товарищами», тем самым включив их в систему «биполярного мироустройства», но произошло это далеко не сразу, и тот же Египет всегда позиционировал себя не только как союзник СССР, но и как один из основоположников Движения неприсоединения: не случайно до первого визита Г.А. Насера в СССР, состоявшегося в 1958 г., в Москве к «первому арабскому социалисту» относились крайне сдержанно и даже с подозрением (см., напр.: [Примаков, 2012, с. 76–81]). Что уж говорить о Ливийской Джамахирии, главе которой приписываются слова: «Что Киссинджер, что Косыгин – различия нет. Оба враги» (цит. по: [Бартенев, 2009, с. 37]). Между СССР и исламскими социалистами был заключен временный союз, от которого последние стали постепенно отказываться после 1972 г., когда выяснилось, что развивающимся экономикам молодых государств требуются значительные инвестиции (в первую очередь, это касалось Египта, который в 1976 г. разорвал Договор о дружбе с СССР; позже, после смерти Хуари Бумедьена в 1978 г., по тому же капиталистическому пути двинулся и Алжир).

Объединение на традиционных основах долгое время виделось арабским «левым» как вполне состоятельный перспективный цивилизационный проект. Однако на практике воплотить его они так и не сумели. Ближе всего к реализации этой идеи подошли египетский президент Гамаль Абдель Насер и сирийские баасисты Мишель Афляк и Салах ад-Дин Битар, создавшие в 1958 г. Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Это, в общем-то, искусственное квазигосударственное образование просуществовало около трех лет, а потом было разрушено в результате военного переворота (28 сентября 1961 г.), организованного сирийскими военными.

Однако, несмотря на то что ОАР прекратила свое существование из-за действий сирийских военных, нужно отметить, что в 1957 г. именно сирийские политики выступили с идеей объединения. М. Афляк и С. Битар были твердо убеждены, что союз с динамично развивающимся Египтом, во главе которого стоял энергичный и талантливый вождь, даст нестабильной Сирии импульс для более активного развития. Однако действительность оказалось иной: Египет, имевший к тому моменту более сильную экономику и государственную власть, полностью подавил «сирийский район». Под прессингом могучего соседа оказались разбалансированы и незрелое народное хозяйство Сирии, и вся модель управления. Г.А. Насер, избранный главой страны путем референдума, запретил в ОАР все партии и ограничил политическую жизнь. Это стало ударом для баасистов, не ожидавших такого развития ситуации. В результате вместо прогресса и экономического роста в Сирии начался застой и упадок. Как итог – военный переворот, который, хотя и разрушил ОАР, тем не менее не ухудшил кардинальным образом отношения между двумя странами. Отказавшись от идеи объединения, Дамаск и Каир подтвердили курс на сотрудничество.

Другие объединительные проекты, например, инициированные Хашимитами (объединение Ирака и Иордании в рамках доктрины Великой Сирии, или Благодатного полумесяца) или Муаммаром Каддафи (проекты Федеративной арабской республики в составе Ливии, Египта и Судана, попытки слияния с Тунисом и т.д.), оказались еще менее состоятельными и завершились скоротечной египетско-ливийской войной в 1977 г.

Теоретические выкладки мусульманских мыслителей вступили в жесткое противоречие с исторической действительностью. Оказалось, что даже при наличии общей религии и – с некоторыми оговорками – общего языка (диалекты арабского языка настолько различны, что выходцы из Западного Магриба вряд ли поймут жителей Йемена или Омана), культурно-историческая и экономическая реальность исламских регионов никоим образом не способствовала единству. Арабские и иные мусульманские страны развивались крайне неравномерно, да и прогресс их был довольно условен (успехи одних были связаны с помощью стран социалистического лагеря, других – с эксплуатацией национализированных недр). Вдобавок в большинстве мусульманских стран давали о себе знать серьезные этноконфессиональные проблемы, обострявшиеся на фоне перманентной социально-экономической напряженности.

До определенного момента видимость единства поддерживалась за счет наличия у арабов общего врага в лице Израиля, однако и эта схема была разрушена подписанием в 1979 г. мирного договора между Израилем и Египтом (а позже, в 1994 г., – договора с Иорданией). Фактически поражения арабских армий в войне с еврейским государством привели к крушению «левой» националистической парадигмы с ее идеей политического единства всех арабских народов. После шестидневной войны 1967 г. в мире ислама вышло весьма четкое понимание того факта, что на «социалистических» основах невозможно добиться изменения глобального порядка, несправедливого по отношению к государствам Западной Азии, и что предлагаемая «левыми» доктрина несостоятельна ни в экономическом, ни в международном аспектах. Следствием этого стал отказ от попыток объединения и формирование внешнеполитических доктрин, которые базировались не на концепциях общемусульманского (или общеарабского) братства, а на национальных интересах каждой страны. Однако полностью отрешиться от объединительных идеологем мусульманский мир не смог, и происходящие сегодня на Востоке события как нельзя лучше свидетельствуют в пользу именно этого утверждения.

Дело в том, что значительное количество проблем мусульманских стран (и арабский мир здесь, наверное, наиболее показателен) является следствием «искусственного» происхождения большинства государств этого субрегиона: они были созданы в результате заключенного в 1916 г. знаменитого договора Сайкса-Пико (Сазонова), согласно которому восточные владения Османской империи делились между державами, претендовавшими на победу в Первой мировой войне.

В результате после крушения Османской империи нынешние Сирия и Ливан оказались под властью Франции; Палестина, Израиль, Иордания, Ирак – в зоне британского влияния. Сразу следует оговориться, что до окончания Первой мировой войны ни одно из ближневосточных государств не существовало как независимая политическая единица. Все они были созданы в результате передела «турецкого наследия» Лондоном и Парижем в рамках означенной выше системы Сайкса-Пико (Россия, по условиям сделки, должна была получить проливы Босфор и Дарданеллы, но, поскольку она вышла из Первой мировой войны, заключив сепаратный договор с Германией, передел турецких владений происходил без российского участия). Новые колонизаторы проводили границы, исходя из соображений политической конъюнктуры, без учета этнической и конфессиональной специфики бывших османских территорий. Даже первые серьезные конфликты, такие как мосульский кризис (1918–1925), возникшие в период создания новых границ, не насторожили европейские столицы. Желание обладать новыми территориями было сильнее чувства ответственности за судьбы населяющих их народов.

Действия европейских столиц создали в исламском мире такую политическую реальность, в которой новые государства были обречены находиться в состоянии постоянно тлеющего гражданского конфликта, – когда разные этнические и конфессиональные группы, зажатые рамками искусственных границ, вынуждены были бороться друг с другом за политическое влияние, за контроль над полезными ископаемыми, за водные ресурсы. Осознание несправедливости созданного колонизаторами порядка породило в арабском, и в целом в исламском, обществе протестные идеологии

в форме панисламизма и панарабизма. Эти идеологии ставили целью изменить систему международных отношений единственно возможным в подобных условиях способом – при помощи объединения на традиционных основах.

Фактически можно говорить о том, что мусульманский мир и по сей день борется с системой Сайкса–Пико. Именно ее считают на Востоке корнем всех бед. И нынешние события в Сирии и Ираке являются в какой-то мере продолжением этой борьбы.

Нужно отметить, что, когда социалистические концепты исчерпали себя, а пришедшие к власти во многих мусульманских странах под «левыми» лозунгами националистические движения со временем превратились в авторитарные коррумпированные режимы, на политическую сцену вновь вышли исламисты. Сегодня олицетворением их могущества является ИГИЛ – террористическая организация, которая, как и ее «социалистические предшественники», говорит о своем стремлении разрушить несправедливую систему Сайкса–Пико и на ее руинах создать подлинно исламский проект – халифат. (О том, что борьба против геополитического наследия колониализма стоит во главе угла в политической концепции ИГИЛ заявляют не только идеологи радикалов, но и ведущие отечественные эксперты-исламоведы. См., напр.: [Торин, 2015].)

На сегодняшний день руководство ИГИЛ полагает, что ядро будущего всемирного исламского государства уже создано (оно включает в себя территории Центрального Ирака и ряд сирийских провинций – Идлиб, Ракка, Дейр-эз-Зор), а во главе этого государства стоит избранный по всем правилам правитель – халиф. Важно, что биографы аль-Багдади возводят его генеалогию к племени Курейшитов, к которому принадлежал и основатель ислама [Zelin, 2014], а также подчеркивают идейную связь главы ИГИЛ с виднейшими мусульманскими богословами (сообщается, в частности, что в начале 2000-х годов, после получения степени доктора философии в университете Аль-Иракия на факультете изучения исламских наук, аль-Багдади проповедовал в мечети имама Ахмада ибн Ханбала в Самарре [Ibid.]).

Родственная связь с близкими к Пророку семействами крайне важна для легитимации любого лидера, претендующего на зва-

ние главы суннитов. Именно с этим обстоятельством связаны попытки вывести род аль-Багдади из Курейшитов (западные эксперты опшонируют этой точке зрения, заявляя, что на самом деле лидер ИГИЛ происходит из иракского племенного клана Альбу аль-Бадри, кочевавшего в районе городов Самарра и Дияла [Zelin, 2014]). Однако и в том и в другом случае претензии аль-Багдади на титул халифа оказываются несостоятельными, поскольку, согласно исламской традиции (данное положение принимается и суннитами, и шиитами), халифом может стать только человек из рода Хашим. Поэтому нельзя исключить, что в самое ближайшее время специалисты по генеалогии главы ИГИЛ обнаружат родственную связь нового халифа с Хашимитами (правда, неизвестно, как на такие сведения отреагируют, например, в Аммане).

Таким образом, можно сказать, что превалирующей теоретической концепцией международных отношений в исламском мире является идея единого государства – халифата. Она не особенно изменялась с течением времени, а лишь обретала новые воплощения, являясь то в панисламистской, то в «левой» ипостасях, при этом ее суть – объединение на традиционных основах для достижения процветания – оставалась неизменной.

Сегодня основными носителями идеи халифата являются представители радикальной части суннитской общины, которые видят в ее реализации перспективу возрождения уммы на основе всеобщего братства и социальной справедливости (ключевая мысль так называемой ваххабитской традиции). Эта идея приобрела весьма консервативные, порой даже отталкивающие для умеренной части мусульман формы, поскольку напрямую увязана с концепцией «трех земель», антагонистических по отношению друг к другу. Однако сама политическая реальность Ближнего и Среднего Востока, порожденная дестабилизацией Ирака и «арабской весной», создала обширную базу для поддержки консервативных концепций среди молодых мусульман.

Большинство адептов ИГИЛ видят в халифате единственную возможность для личностного роста, а также для утверждения гармоничного миропорядка, в котором не будет угнетения одних на-

родов другими (в том числе и посредством навязывания народам чуждых идеологий, а также неприемлемых территориальных разграничений в стиле Сайкса-Пико). Поэтому идея халифата сегодня как никогда связана с идеей борьбы – с борьбой против западного мира, к которому приверженцы халифата относят не только Европу и США, но и весь дар аль-харб, т.е. и Россию в том числе.

Список литературы

Бартенев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969–2008. – М.: Ленанд, 2009. – 448 с.

Боевики ИГИЛ в Мосуле обложили христиан податью // News.ru. – М., 2014. – 26.06. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/arch/religy/26jun2014/jizya.html> (Дата обращения – 10.07.2016).

Демиденко С.В. Региональная политика Ирана: Новое начало? // РСМД. – М., 2014. – 10.12. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4931#top-content (Дата обращения – 10.07.2016).

Исламская политика глазами известных ученых // Islam News. – М., 2006. – 05.07. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-6039.html> (Дата обращения – 10.07.2016).

Кардави Ю. Истинно исламский строй – республиканский // ЦентрАзия. – М., 2011. – 17.11. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321506600> (Дата обращения – 10.07.2016).

Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1979. – 15.11. – Режим доступа: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (Дата обращения – 10.07.2016).

Львов П.П. Катар: Карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? // Война и мир. – М., 2012. – 21.01. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/65956/> (Дата обращения – 10.07.2016).

Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. – М.: Российская газета, 2012. – 448 с.

Торин А. Чем грозит Европе новая миграционная волна? // Международная жизнь. – М., 2015. – 17.09. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/13764> (Дата обращения – 10.07.2016).

Ayyoub A. Visit by Egyptian cleric to Gaza divides Palestinian leaders // Al-Monitor. – Wash., DC, 2013. – 13.05. – Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/05/qaradawi-hamas-gaza.html#> (Дата обращения – 10.07.2016).

Balousha H. Hamas and Iran rebuild ties three years after falling out over Syria // The Guardian. – L., 2014. – 09.01. – Mode of access: <http://www.>

**Халифат как мера всех вещей: К вопросу
об изучении теории международных отношений
через призму исламской религиозной традиции**

theguardian.com/world/2014/jan/09/hamas-iran-rebuild-ties-falling-out-syria (Дата обращения - 10.07.2016).

Ministry's vision / Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of foreign affairs. - Riyadh, 2014. - 10.27. - Mode of access: <http://www.mofa.gov.sa/sites/mofaen/aboutMinistry/vision/Pages/default.aspx> (Дата обращения - 10.07.2016).

Roggio B. ISIS announces formation of caliphate, rebrands as «Islamic state» // The Long War J. - Wash., DC, 2014. - 29.06. - Mode of access: http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/isis_announces_formation_of_ca.php (Дата обращения - 10.07.2016).

Serjoie K.A. One result of the Gaza conflict: Iran and Hamas are back together // Time. - N.Y., 2014. - 19.08. - Mode of access: <http://time.com/3138366/iran-and-hamas-alliance-after-gaza-war/> (Дата обращения - 10.07.2016).

Smoltczyk A. Islam's spiritual «dear abby»: The voice of Egypt's Muslim Brotherhood // Spiegel International. - Hamburg, 2011. - 15.02. - Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/world/islam-s-spiritual-dear-abby-the-voice-of-egypt-s-muslim-brotherhood-a-745526.html> (Дата обращения - 10.07.2016).

Spencer R. Qaradawi hails Tunisian revolution, says Islamic nations must support it // Jihad Watch. - Sherman Oaks, CA, 2011. - 23.01. - Mode of access: <https://www.jihadwatch.org/2011/01/qaradawi-hails-tunisian-revolution-says-islamic-nations-must-support-it> (Дата обращения - 10.07.2016).

The Constitution of the Islamic Republic of Iran / Islamic Republic of Iran. Ministry of foreign affairs. - Tehran, 1995. - Mode of access: <http://en.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=3&pageid=2144> (Дата обращения - 10.07.2016).

Withnall A. Iraq crisis: Isis declares its territories a new Islamic state with «restoration of caliphate» in Middle East // Independent. - L., 2014. - 30.06. - Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-declares-new-islamic-state-in-middle-east-with-abu-bakr-al-baghdadi-as-emir-removing-iraq-and-9571374.html> (Дата обращения - 10.07.2016).

Zelin A.Y. Abu Bakr al-Baghdadi: Islamic state's driving force // BBC. - L., 2014. - 31.07. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28560449> (Дата обращения - 10.07.2016).

А.С. Пятачкова

«Новая нормальность» китайской внешней политики?¹

Аннотация. В последнее время Китай проявляет «напористость» в международных вопросах, в то время как ранее он предпочитал, скорее, оставаться в тени, ссылаясь на необходимость решения внутренних проблем. Количество внутренних вызовов вряд ли уменьшилось, однако сейчас Китай позиционирует себя как активный и ответственный игрок на международной арене. В статье предпринимается попытка определить опорные точки современной китайской внешнеполитической стратегии, исходя из новых международных и внутривнутриполитических условий.

Abstract. Recently China has become more assertive in its foreign policy whereas previously the PRC preferred not to interfere much into international issues and solve its inner problems. Hard to say that there are less urgent matters in China but now it is trying to interact as an active and responsible player. This article analyzes contemporary China's foreign policy strategy taking into account new international and domestic conditions.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, «новая нормальность», российско-китайские отношения, экономическая дипломатия Китая, ЭПШП, морские территориальные споры, китайская модель.

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (2015–2016).

Keywords: Chinese foreign policy, «new normal», Russo-Chinese relations, China's economic diplomacy, SREB, maritime disputes, Chinese model.

Введение

Трансформация мирового порядка требует от всех стран способности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям международной действительности. Особенно непросто принимать тот факт, что изменения – как позитивные, так и негативные – часто носят необратимый характер. Более того, из-за глобализации, которая привела к тесной взаимосвязанности стран друг с другом, кризисы по большому счету нельзя купировать точечными мерами в одной стране (что ярко проявилось на примере мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., недавнего миграционного кризиса в Европе, распространения террористической угрозы и т.д.).

Размышления по поводу современных мировых тенденций (в контексте российско-китайских отношений), в частности, описаны М.Л. Титаренко и В.Е. Петровским в книге «Россия, Китай и новый мировой порядок» [Титаренко, Петровский, 2016, с.6–133]. Авторы подчеркивают, что «в мировом сообществе крепнет убеждение, что нужны принципиально новые подходы к урегулированию мировых проблем... все большее влияние на ход мировых событий оказывает группа стран с развивающейся экономикой, добывающихся справедливого миропорядка, изменения сложившейся финансово-экономической системы, обеспечивающей ныне в первую очередь интересы развитых стран» [там же, с.7].

Недаром все большую популярность в плане характеристики современных тенденций получает термин «новая нормальность», который позволяет «примирить» новые реалии и прежние представления о развитии ситуации. Так, в отношении Японии термин «новая нормальность» связан с военной сферой и знаменует собой процесс (ре)милитаризации Японии [Chapter three., 2016]. Что касается Китая, то, как известно, «новая нормальность» описывает принципиально иное отношение к экономическому росту КНР, принимая во внимание его замедление [Мозиас, 2015].

Однако и в области внешней политики КНР происходят заметные изменения, которые говорят о ее новом качестве и свиде-

тельствуют о наличии дополнительных факторов, которые должны приниматься во внимание при взаимодействии с Китаем. Термин «новая нормальность» представляется удачной аналогией для описания этого процесса, и в данной работе он используется не в прямом значении. Под ним понимается существенное изменение условий и параметров, принимаемых за точку отсчета при оценке тех или иных явлений международной действительности (в данном случае – китайской внешней политики).

Исследование посвящено анализу китайского внешнеполитического курса, а более конкретно – положений и принципов, которые определяют внешнеполитическую стратегию КНР в целом и в отношении России и других стран мира – в частности. Важными для изучения представляются следующие вопросы: можно ли охарактеризовать текущую внешнюю политику Китая как «новую нормальность» или это логическое продолжение прежней линии? Что в отношениях с Китаем остается неизменным, а что необходимо пересмотреть?

Для ответа на эти вопросы в статье рассмотрены практические шаги в современной внешней политике КНР, ее теоретическое и идеологическое обеспечение, а также показана динамика взаимоотношений КНР с крупнейшими игроками на международной арене (с акцентом на российско-китайские отношения). Также уделено внимание вопросу о том, насколько китайская модель может восприниматься как альтернативная.

Современная внешняя политика КНР: особенности и направления

Свое видение периодизации и основных принципов развития внешней политики Китая в разных работах представляли М.Л. Титаренко, Г.В. Зиновьев, А.В. Лукин, С.Г. Лузянин, Е.Н. Грачиков и многие другие авторы. Поскольку эта тема достаточно глубоко разработана, в данной статье она подробно не освещается. В концептуальном оформлении текущего внешнеполитического курса КНР используются такие понятия, как «гармоничный мир», «новая модель взаимоотношений великих держав», «китайская мечта», «общество с общей судьбой» [Грачиков, 2015].

Гораздо важнее понять, как эти принципы работают в каждом конкретном случае. Российский исследователь И.Е. Денисов на примере реализации проекта экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) выделяет несколько новых тенденций в китайской внешней политике: 1) увеличение роли бизнеса в реализации международных инициатив; 2) заинтересованность региональных органов власти (в данном случае – руководителей западных провинций КНР); 3) личная роль Си Цзиньпина (как председателя КНР, который выстраивает стратегические приоритеты). Развивая третий пункт, И.Е. Денисов отмечает, что «китайская дипломатия была определена Си Цзиньпином как дипломатия “большого государства”» [Денисов, 2015]. В этом смысле «экономический пояс Шелкового пути – воплощение “китайской мечты” в международном формате. Кроме того, это первая настоящая внешнеполитическая концепция в период перехода Китая “от большого государства к сильному”» [там же].

Однако дело не только в усилиях лидера КНР. Изменения заметны во всей официальной риторике китайского руководства. Очевидно, что в условиях укрепления американских альянсов в АТР и других регионах мира Китай уделяет особое внимание выстраиванию отношений как с соседями, так и с более удаленными государствами, чтобы избежать потенциальных сложностей. Подводя итоги 2015 г., министр иностранных дел КНР Ван И среди важных результатов отметил юбилей основания ООН, а также участие Китая в международных инициативах – в том числе по продвижению устойчивого роста и климатическому урегулированию. Также в речи была упомянута тема победы китайского народа над японским милитаризмом, что дало Китаю независимость и «наметило путь для строительства социализма с китайской спецификой под руководством КПК» [Wang Yi., 2016, p. 5]. Ван И также отметил, что «Китай превратился в незаменимую силу формирования международного порядка и играет конструктивную роль в поддержании мира и продвижении глобального развития» [Ibid., p. 6]. Основными позициями, по которым, на его взгляд, были достигнуты успехи, являются: 1) более активное проявление позиции Китая по международным вопросам; 2) продвижение китайской дипло-

матии по всем фронтам (достижения по региональным направлениям указаны в следующем порядке: Северная Америка, Восточная Европа и Центральная Азия – с явным перевесом в пользу освещения российско-китайского сотрудничества, – Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, а также Африка и Латинская Америка. В данной статье рассмотрены только отношения КНР с США, ЕС и Россией.

Что касается региональных приоритетов политики КНР, очевидно, что наиболее важным партнером для Китая остаются США. Эксперты часто отмечают, что между странами одновременно растет конкуренция за глобальное и региональное лидерство, но в то же время растет и взаимозависимость по экономическим вопросам [Liu Feitao., 2016].

С момента «возвращения» США в Азию между сторонами возникает все больше неоднозначных вопросов, причем как в двусторонней повестке, так и опосредованно через взаимоотношения с другими региональными акторами. Привычными стали обмены репликами по поводу конфликтов в Южно-Китайском море, где Китай все более настойчиво отстаивает собственные интересы, в то время как США стремятся показать себя надежным союзником и защитником интересов стран региона. Непросто складывается выстраивание многостороннего сотрудничества в рамках ТТП и РВЭП, особенно принимая во внимание тот факт, что ряд стран – участников ТТП потенциально являются и членами РВЭП. При этом достаточно долгое время США официально не позиционировали ТТП как проект, направленный против КНР, и даже приглашали Китай участвовать, хотя эксперты сходились во мнении, что существующие в ТТП стандарты неприемлемы для Поднебесной. Китай, в свою очередь, на официальном уровне не давал четких оценок. На пресс-конференции в феврале 2016 г. министр коммерции КНР Гао Хучэн заявил: «Мы не считаем, что соглашение ТТП направлено против Китая. Мы также не считаем, что ТТП и РВЭП противостоят друг другу. Я считаю, что они дополняют друг друга» (цит. по: [Alcuaz, 2015]). Он также отметил, что на изучение всех аспектов соглашения потребуется время. Однако позиция Б. Обамы, выраженная в статье, опубликованной в «Washington Post»

[Obama, 2016], в которой, по сути, было заявлено об антикитайской направленности ТПП в перспективе, вероятнее всего, может привести к тому, что Китай займет более жесткую позицию относительно этого объединения.

Тем не менее, несмотря на сложности и вызовы, китайская сторона продолжает придерживаться соглашения об установлении отношений «нового типа», достигнутого между КНР и США в 2013 г., и стремится избежать открытого противостояния с США. По словам Си Цзиньпина, «Китай и США должны двигаться в направлении создания новой модели отношений, которая позволит избегать конфликтов, конфронтации, взаимных угроз. Чтобы достичь указанной цели, государствам необходимо учиться друг у друга» (цит. по: [Fu Ying, 2016]).

Что касается сотрудничества с Европейским союзом, то здесь также большая роль отводится экономическому сотрудничеству. В частности, Китай стал членом ВТО в том числе и при поддержке ЕС. Эксперты отмечали, что «стратегия долгосрочной политики ЕС в отношении Китая была сформулирована в сообщениях Европейской комиссии 1995, 1998 и 2001 гг.» и в январе 2007 г. Евросоюз и КНР приступили к переговорам с целью заключить соглашение о стратегическом партнерстве [Европейская интеграция., 2011, с. 486–487]. В 2013 г. был подписан документ «EU–China strategic 2020 agenda»; в ходе 17-го саммита ЕС–КНР в 2015 г. было подписано еще несколько документов [EU relations., 2016]. Среди других направлений сотрудничества – взаимодействие в области охраны окружающей среды и энергетики, в научно-технической области (в частности, по освоению космоса, внедрению технологии телекоммуникаций 5G с 2015 г.) и др.

Профессор Чжа Даоцзюн из Пекинского университета отмечает несколько моментов, связанных с новыми направлениями в китайской политике. Он указывает, что в центре внимания КНР будет находиться именно Азиатско-Тихоокеанский регион. Так, пятое поколение руководителей КНР активно продвигает «китайскую мечту», которая, согласно их планам, должна не только стать ориентиром для Китая, но и предложить перспективу стабильности и процветания для всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

В дополнение к этому была принята «новая нормальность» – модель экономического роста, нацеленная на стабилизацию внутреннего экономического роста и повышение его качества [Zha Daojiong, 2015]. Кроме того, важной чертой внутривосточного экономического курса КНР уже на протяжении нескольких лет является подъем национализма.

Отдельно стоит отметить экономические успехи КНР. Истоки текущей китайской политики ряд авторов, в частности Ньен-чунг Чан-Ляо, связывают с последствиями мирового экономического кризиса 2008 г., когда Китай показал «относительную силу» по сравнению с другими странами, а в 2010 г. обошел Японию и стал второй экономикой мира. После этого в политическом дискурсе стало больше упоминаний «о коренных интересах Китая» и была продемонстрирована жесткая позиция по поводу морских территориальных споров, что часто и называют «напористой китайской внешней политикой» [Nien-chung Chang-Liao, 2016]. Экономические успехи не только способствовали росту авторитета Китая на международной арене, но и позволили выгодно применять экономическую политику в качестве дипломатического инструмента. Так, Ньен-чунг Чан-Ляо отмечает, что Китай одновременно использует экономику как для продвижения своих интересов в регионе, так и для «наказания враждебных стран», а кроме того, начинает использовать многосторонние форматы взаимодействия для изменения глобальных правил в пользу КНР [Ibid.].

По мнению ряда экспертов, запуск проектов ЭПШП и других инициатив – это не только политический ход, но и попытка задействовать внешние ресурсы для решения внутренних проблем Китая, связанных с замедлением экономического роста, а также неравномерным распределением ресурсов и точек экономического роста внутри страны [К Великому океану..., 2015]¹.

При этом замедление экономического роста, которое провоцирует разговоры о скором «крахе» Китая среди скептиков, официальным руководством КНР подается как положительный итог

---

¹ В частности, данная точка зрения отражена в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай», а также присутствует в отдельных работах как авторов доклада, так и других исследователей в России и за рубежом.

развития, поскольку Китай переориентируется с количественного роста на качественный: как отмечал Ван И, несмотря на давление изнутри и извне с целью снижения темпов роста китайской экономики, она сохранила темпы роста около 7% в 2015 г. (рис.), что составило 1/3 от мирового роста [Wang Yi., 2016, p. 5].

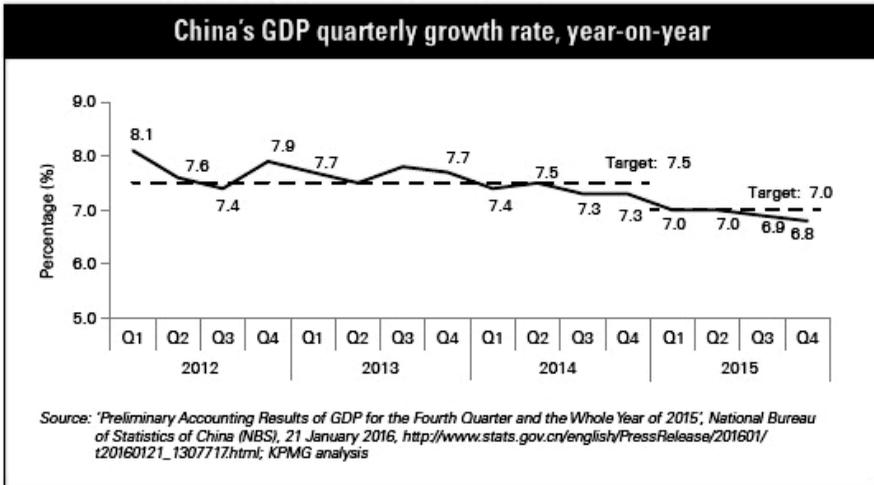

Рис. Ежеквартальный рост ВВП в КНР

Источник: [Preliminary..., 2016].

Экономическая дипломатия, по мнению профессора Чжа Даоцзюна, стала способом апробации политических инициатив КНР. Исследователь показывает, что при реализации экономических инициатив Китай начал переходить от реактивной политики к проактивной – не ждать, когда будут согласованы новые правила на международном уровне, а вырабатывать свои, в том числе – в рамках проектов по созданию зон свободной торговли (хотя зачастую либерализация торговли в таких соглашениях носила ограниченный характер) [Zha Daojiong, 2015, p. 91]. Ученый также отмечает, что «эксперимент с созданием ЗСТ на территории Китая (имеется в виду ЗСТ в Шанхае, созданная в августе 2013 г. – А.П.) показал, что руководство КНР имеет достаточно мудрости и политического капитала для того, чтобы достичь разных частей мира с помощью активной либерализации» [Ibid., p. 94].

Усилия Китая по развитию зон свободной торговли трактуется как его стремление внести свой вклад в либерализацию торговли. Кроме того, запуск таких проектов, как ЭШП, морской Шелковый путь, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), также позволяет Китаю расширять форматы сотрудничества, в том числе международные. И хотя содержательное наполнение этих проектов по-прежнему вызывает вопросы у некоторых экспертов, нельзя не принимать во внимание то высокое значение (в том числе идеологическое), которое придает данным инициативам руководство КНР.

Изменения китайской внешнеполитической стратегии лучше всего заметны на примере сферы безопасности, что напрямую отражается в поведении КНР на локальном, региональном и глобальном уровнях. Так, в «Белой книге» по вопросам военной стратегии, вышедшей в 2015 г., впервые было указано, что рост военной активности США и Японии вызывает «обеспокоенность» КНР [Военная стратегия..., 2015], что диктует необходимость пересмотра китайской военной стратегии (в частности, усиления флота и его взаимодействия с береговой охраной для защиты суверенитета китайских островов) [Китай выпустил..., 2015].

На региональном уровне это проявляется в реакции Пекина на ситуацию на Корейском полуострове, а также на примере его участия в конфликтах вокруг островов в Южно-Китайском и (в меньшей степени) в Восточно-Китайском морях. Исследователи Д. Он и Р. Мейсон отмечают, что, хотя у Китая и Северной Кореи сложились «особые отношения», ситуация постепенно начала меняться после третьего ядерного испытания, проведенного Северной Кореей в 2013 г. Тем не менее исследователи считают, что конкурентный характер отношений с основными центрами силы в регионе будет способствовать тому, что Китай не оставит КНДР, а, напротив, будет стремиться укрепить свое влияние на нее, однако при этом ему придется стать более открытым для многосторонних форматов сотрудничества в регионе [Ohn, Mason, 2015]. События 2016 г. показывают, что Китай стал проводить более жесткую линию в отношении Северной Кореи и даже решился поддержать санкции. При этом, учитывая общее перераспределение сил в ре-

гионе, решения по проблеме Корейского полуострова весной 2016 г. принимались принципиально иначе, чем раньше: санкции были введены после переговоров между КНР и США, Россия же в сложившейся ситуации сыграла меньшую роль, чем обычно, хотя и внесла свой вклад в определение санкций [«Развод»..., 2016].

Янь Сюэтуан в статье «От сохранения сдержанности – к ориентации на достижения» предполагает, что, несмотря на заявления о том, что китайская «настойчивая внешняя политика расценивалась как обреченная на провал, за последние два года (статья была опубликована в 2014 г. – А.П.) можно отметить, скорее, улучшение отношений с иностранными государствами, а не ухудшение» [Yan Xuetong, 2014, p. 153]. Автор заявляет, что «стратегия сохранения сдержанности» (strategy of a low profile) оказалась менее эффективной, чем «ориентация на достижения» (striving for achievement) в смысле создания благоприятной международной среды для возрождения Китая, при этом первая стратегия опиралась на поиск преимуществ в сфере экономики, а вторая – на политическую поддержку.

Изменение стратегии легче всего проследить на примере того, как Китай в разное время решал территориальные вопросы. С того времени, как Китай начал проводить политику открытости, он уделял огромное внимание развитию отношений с соседями, понимая, что мирное окружение обеспечивает стабильность, которая позволяет направить усилия на внутреннее развитие страны и дает дополнительные возможности при использовании внешних связей для укрепления внутренней мощи государства. Описывая политику КНР в отношении территориального спора с Индией, Э.Н. Люттвак обращает внимание на то, что индийская сторона всегда придерживалась жесткой линии поведения, любые уступки могли стоить их инициаторам должности, если не больше, поэтому им сложно понять китайскую сторону, которая в территориальных вопросах более либеральна: Китай признал территориальные претензии Афганистана на 100%, Лаоса – на 76, Казахстана – на 66, Монголии – на 65, Непала – на 94, Северной Кореи – на 60, Таджикистана – на 96, Вьетнама – на 50% (в отличие от жесткой позиции Китая по морским спорам). С СССР и затем Россией территори-

альные споры на суше были урегулированы на равноценной основе (50/50) [Luttwak, 2012, p. 15].

Данный пример нельзя трактовать однозначно. С одной стороны, он показывает «непримиримость» китайской позиции по морским границам и, безусловно, подчеркивает значимость морских территорий для Китая. С другой стороны, очевидно, что во время урегулирования территориальных споров на суше Китай еще не обладал такой мощью и таким влиянием, каким обладает сейчас, кроме того, эти территории сравнительно небольшие по размеру и не представляют исключительной значимости для Китая. Его главной целью было наладить конструктивные отношения с соседями, поэтому вполне вероятно, что территориальными уступками покупалась «лояльность» соседей Китая и их готовность к экономическому сотрудничеству и трансграничной торговле. Кроме того, мирное разрешение споров имело большое значение для безопасности КНР: поскольку на приграничных территориях на западе Китая проживает «не ханьское» население, Пекину было важно заручиться поддержкой коллег по ту сторону границы на случай, если внутри Китая обострятся сепаратистские настроения.

Тем не менее, возвращаясь к вышеуказанному тезису, что «ориентация на достижения» помогает Китаю устанавливать дружеские отношения с иностранными государствами, следует учитывать, что с тех пор международная действительность кардинально изменилась. Многие исследователи отмечают, что военное и экономическое (и как следствие – политическое) усиление Китая наряду с такими факторами, как возвращение США в Азию и их стремление к укреплению своих альянсов, гонка вооружений в АТР, нерешенность территориальных вопросов будут если не усугублять конфронтацию, то, как минимум, создавать благоприятную почву для возникновения различного рода международных инцидентов и кризисов. Профессор Кай Хэ, проанализировав поведение КНР во время международных кризисов (с акцентом на инцидент с судном «The Imprescable» в 2009 г. и «столкновение лодок» Китая и Японии в 2010 г.), делает вывод, что Си Цзиньпин способен пойти на риск в будущих конфликтах, если его поставят «в шаткое положение», и по этой причине лидеры США и других

стран должны очень тщательно и осторожно определять, какое поле для маневра они оставляют китайской стороне [Kai He, 2015, p. 701–702]. Кай Хэ разграничивает понятия «кризис» (crisis) и «близкий к кризису» (near crisis), подчеркивая, что околоризисные инциденты представляют собой большую опасность, так как «они по определению предусматривают низкий уровень военной угрозы, однако могут перерасти в реальное вооруженное столкновение, особенно если политики не смогут их эффективно урегулировать»; помимо прочего, околоризисные ситуации обычно сопровождаются ростом недоверия и напряженности, следствием чего оказывается недостаток информации и коммуникации между вовлеченными сторонами [Ibid., p. 703].

В этом смысле примечательна реакция Пекина на решение Гаагского суда, отвергнувшего претензии Китая на группу коралловых рифов в акватории Южно-Китайского моря. Суд постановил, что данные территории являются не островами, а архипелагами, поэтому на них должно распространяться соответствующее правило выделения особых экономических зон, согласно Конвенции по морскому праву 1982 г.; кроме того, по мнению суда, исторически здесь жили рыбаки не только из Китая, но и из других стран, и пока нет доказательств приоритетного права Китая на эти территории [Братерский, Зорилэ, 2016]. Такое решение, по сути, не оставило КНР места для маневра, и реакция Пекина была жесткой: Китай заявил, что не признает решение Гаагского суда и не будет принимать его во внимание, предпринимая какие-либо внешнеполитические шаги. В СМИ также появилась информация о том, что в этой ситуации Пекин может рассмотреть вопрос о выходе из Конвенции по морскому праву [Чугин, 2016].

Китайский порядок как альтернатива: специфика и перспективы

Сейчас, когда авторитет устоявшихся западных ценностей ставится под сомнение в связи с изменением международной обстановки, все чаще встает вопрос о том, какие ценности могут прийти им на замену. По этой причине возрастает запрос на альтернативные точки зрения, а Китай – одна из стран, которая имеет

особенный взгляд на многие процессы. Это заметно даже на примере китайского видения географии и своего места в регионе и мире. Китайский эксперт Ван Цзисы отмечает, что с точки зрения географии для Китая государства Европы, Россия, Центральная Азия – это западные государства, а США находятся на востоке, в то же время для обозначения восточной части России используется термин «дальний восток», а для обозначения территорий Южной и Северной Кореи и Японии – «ближний восток». Более того, автор подчеркивает, что Китай нельзя рассматривать просто как государство, расположенное в Восточной Азии, он имеет тесную взаимосвязь с Центральной Азией (через приграничные территории Синьцзян-Уйгурского автономного района) и Южной/Юго-Восточной Азией. Таким образом, Китай в определенной степени выступает центральным связующим звеном между различными частями Азии [Ван Цзисы, 2013, с. 16].

А.В. Ломанов отмечает, что многие не воспринимают Китай как реальную альтернативу: «Возрастающая решительность Китая раздражает Запад, однако шансы на появление китайского “альтернативного мирового порядка” оцениваются невысоко» [Ломанов, 2015]. Это суждение во многом основано на том, что «Китай не обладает идеологией и ценностями, привлекательными для других стран», однако нельзя не учитывать, что Китай не согласен с доминированием западной системы и ее претензией на универсальность [там же.]. Кроме того, при освещении деятельности вновь созданных институтов обычно подчеркивается, что создаются не альтернативные, а дополняющие существующую систему механизмы [Ивантер, 2015, с. 67].

Подобная идея близка не только официальному руководству КНР, но и ряду представителей экспертного сообщества Китая, которые видят в этом возможность продвигать реальные альтернативные западным ценности. Так, Сян Ланьсинь, пишет, что «китайская культура не приемлет гегемонии. Тот, кто претендует на монополию в сфере мирового управления, на самом деле подрывает для себя такую возможность. Ведь подобные проявления неизбежно ведут к возникновению острых сомнений относительно права гегемона быть носителем общемировой морали. Гегемон

попросту начинает вести себя откровенно бесцеремонно. А если нравственно несостоятельная система не допускает реформ, она в итоге придет к самоотрицанию. Но порядок не строится и другим способом – установлением баланса сил или войной. Его создают политические лидеры, безупречные в моральном отношении. И вот, с какого угла ни посмотреть, внешняя политика Пекина впервые за три столетия может стать значимой альтернативой западным моделям» [Сян Ланьсинь, 2016].

В то же время со стороны Китая все чаще отмечаются попытки «наполнить смыслом» свои внешнеполитические шаги. Тот же ЭПШП – проект, который ранее, возможно, так и остался бы просто серией соглашений о двустороннем сотрудничестве со странами Евразии, – приобретает совершенно иной смысл, если его рассматривать в историческом контексте Шелкового пути: серия соглашений подразумевает просто экономическое сотрудничество, в то время как общая концепция – это уже политический ход, да еще и с исторической отсылкой к могуществу Китайской империи.

Другим признаком поиска нового концептуального оформления внешнеполитического курса КНР является упомянутая выше идея «китайской мечты» (на саммите АТЭС в Пекине в 2014 г. Си Цзиньпин предложил идею «азиатско-тихоокеанской мечты») (см., напр.: [Shambaugh, 2014]).

Похожую мысль, но под другим углом зрения высказывает российский исследователь И.Е. Денисов: «Перебрасывать мостик из прошлого в настоящее (или, как говорят в Китае, «ставить древнее на службу современности») – прием, весьма распространенный в китайской политике и риторике» [Денисов, 2015]. Этот прием можно проиллюстрировать не только примером использования идеи возрождения Шелкового пути, но и предпринимающимися попытками переосмысления традиционных китайских понятий, которые, как предполагается, могут лечь в основу новой китайской идеологии.

В первую очередь, речь идет о переосмыслении концепции «Тянься» («Поднебесная»), объясняющей китайское понимание мироустройства (см., напр.: [Чжао Тигьян, 2005, с. 160]). Как и концепция ЭПШП, идея «Тянься» во многом остается размытой и

предполагает разные трактовки, однако в экспертной среде КНР (и за ее пределами) ведутся горячие споры о возможном смысловом наполнении этой идеи и последствиях ее применения. В ряде случаев дается прямая отсылка к тому, что традиционно «Поднебесная» подразумевала средоточие мира на территории Китая, при этом даже отрицалось наличие государств как таковых: мир напоминал систему концентрических кругов, Китай находился в центре, по краям располагались варвары. То, что политика Китая долгое время была ориентирована именно на налаживание контактов с соседями – и в этом все чаще проявляется дополнительный политический аспект, – воспринимается рядом экспертов как возрождение традиционной системы [Fairbank, 1968]. Безусловно, некоторые параллели такого рода можно провести, но в целом, как представляется, ситуация более сложная. Однако данное исследование имеет целью, скорее, лишь обозначить ее контуры.

Здесь следует отметить принципиальное расхождение в понимании так называемого «возвышения Китая» и «китайской угрозы»: то, что, по выражению Генри Киссинджера, в КНР воспринимается как «китайская ДНК восстанавливает свои позиции», сторонними наблюдателями (в частности, сторонниками концепции «китайской угрозы») может расцениваться как стремление Китая укрепить свою мощь в противовес Западу [Сян Ланьсинь, 2016].

В целом можно констатировать, что Китай сохраняет преемственность своей внешнеполитической линии, показывая приоритет решения внутренних проблем КНР над внешнеполитическими амбициями. Этот курс обретает свое воплощение на уровне официальной риторики: так, на встрече с помощником президента США по национальной безопасности Сьюзан Райс Си Цзиньпин заявил, что «общие интересы Китая и США перевешивают их расхождения, обе стороны нуждаются в большем взаимном доверии и сотрудничестве» и что КНР «не имеет намерения бросать вызов современным международным нормам и порядку и никогда не будет стремиться к гегемонии» [Кириллов, 2016]. Тем не менее появление новых идеологических концепций как на теоретическом, так и на политическом уровне свидетельствует о намерении Китая представить миру свое видение ситуации и участвовать не только в

определении правил взаимодействия на международной арене, но и в формировании их идейных основ.

Выводы для России

В последнее время становится все более заметно, что ранее «призрачные» контуры российско-китайского сотрудничества, которое многими трактовалось как вынужденный шаг России в ответ на санкции Запада, не имеющий под собой реальных оснований, начинают приобретать все более конкретные очертания.

Признавая значимость внешнего фактора в укреплении российско-китайской дружбы, нельзя не отметить, что тот небывалый уровень политического доверия, которого достигли Россия и Китай, был бы невозможен без предварительной подготовки – многолетней планомерной работы по углублению двустороннего сотрудничества. Сегодняшние инициативы являются логичным продолжением заключенных ранее договоренностей, среди которых одна из ключевых – Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, 15-летие подписания которого отмечалось 16 июля 2016 г. И дело не только в договоренностях на бумаге: лидеры России и Китая неоднократно публично заявляли об общих позициях по международным вопросам, и подобное сходство позиций создает благодатную почву для более предметного сотрудничества в конкретных областях (подробнее см.: [Кашин, 2014; Лукин, 2015; Российско-китайский диалог., 2016 и др.]).

Немаловажно и то, что, если ранее поддержка России осуществлялась Китаем в основном «на словах», теперь ее можно заметить и на деле. Так, например, 12 июля 2016 г. стало известно, что из-за претензий России Китай заморозил выдачу кредита Монголии, которая собиралась строить ГЭС на Селенге – крупнейшей реке, впадающей в Байкал [Буланов, 2016].

Тем не менее это не означает, что сотрудничество проходит «безоблачно» и без сложностей. Китайская сторона высказывает сомнения в том, сможет ли российская экономика преодолеть негативные последствия санкций, российская – в том, к каким изменениям приведет замедление экономического роста в КНР.

В экспертной среде можно встретить скептические оценки результатов «поворота России на Восток», проекта ЭПШП, а также проекта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Немалые опасения по-прежнему вызывает сосредоточенность российско-китайского сотрудничества на проектах энергетической сферы. Подписанные соглашения зачастую интерпретируются как невыгодные для России, заключенные в качестве уступки Китаю (яркий пример – та же «Сила Сибири», совместный российско-китайский проект по строительству магистрального газопровода для поставок газа из Якутии в Приморский край и страны АТР), не говоря уже о расхожих мнениях, касающихся «китайской угрозы», и негативном опыте использования китайских инвестиций или функционирования запущенных проектов.

Ко всему этому добавляются объективные расхождения политических интересов, которые бывают при любом сотрудничестве. Китай демонстрирует все большую «напористость» в сфере внешней политики. Пока это выражается главным образом в проведении жесткой линии по территориальным вопросам, что, в свою очередь, нередко приводит к конфликтам с соседями. России же выгодна нейтральная позиция, чтобы иметь возможность расширять экономическое сотрудничество со странами региона, однако Китай постоянно предпринимает попытки заручиться официальной политической поддержкой РФ, а иногда даже допускает «вольные интерпретации» слов российских дипломатов в свою пользу.

Однако здесь сложно обвинять Китай – по сути, такова логика поведения всех государств после украинских событий: поляризация в мире стала усиливаться, и потребовалось более четкое, чем прежде, определение границ и приоритетов. Но при этом Китай явно не настроен существовать в вакууме – его политика направлена на то, чтобы, при уважении к растущей силе Китая, отношения с другими странами строились на принципах открытости, оставляя всем участникам пространство для взаимодействия.

Близость России и Китая обусловлена тем, что они прошли в чем-то схожий путь: обе страны попытались наладить сотрудничество с Западом и встроиться в уже созданные международные ин-

ституты. Обострение взаимоотношений с Западом естественным образом связано с нежеланием пренебрегать национальными интересами и подчиняться навязанным «правилам игры». Россия и Китай учатся играть «на опережение», создавая собственные правила, чтобы не возникало необходимости в качестве «отстающих» подчиняться правилам, написанным без их участия. Возможно, именно поэтому на данном этапе развития системы международных отношений все большую популярность получают альтернативные площадки сотрудничества: меняется баланс сил в мире, не все согласны с текущим распределением ролей, появляется шанс все изменить. Россия и Китай готовы сотрудничать как между собой, так и с другими партнерами, несмотря на разницу ценностей и подходов, что открывает большие возможности для будущих контактов. В то же время у обеих сторон есть понимание того, что изоляция и добровольный отказ от диалога с Западом менее выгодны, чем поддержание диалога, хоть и напряженного.

Заключение

Говоря о «новой нормальности» во внешней политике Китая, стоит отметить, что, с одной стороны, логика внутривосточного и внешнеполитического развития КНР остается неизменной: Китай, как всегда, поступает сообразно своим интересам, по-прежнему отдает приоритет внутренней политике, проводит открытую политику сотрудничества и стремится минимизировать риск конфронтации. С другой стороны, на данном этапе Китай обладает большими ресурсами и потому применяет тактики, которые ранее были для него неприемлемы (в частности, проводит более жесткую линию по вопросам суверенитета). Кроме того, сегодня Китай все более четко заявляет о своей позиции, готов предлагать и реализовывать инициативы и участвовать в решении международных проблем (хотя в ряде случаев – с оговорками).

Важную роль в китайской внешней политике по-прежнему играет экономическая дипломатия, хотя в последнее время она все более наполняется политическим содержанием (что связано с возрастающей значимостью развития военной сферы). При этом Китай постепенно переходит от реактивной политики к активной: во

многих случаях он больше не стремится оставаться в стороне от международных проблем и избегать ответственности.

Китай начинает яснее формулировать «идейные» основы и принципы своей политики, что позволяет рассматривать китайскую модель не только в качестве альтернативной модели экономического роста, но и в более широком контексте – как целостную, политически и ценностно привлекательную модель развития (что особенно актуально для стран Азии, с которыми у Китая существуют более тесные культурные и исторические связи).

Рост влияния сопровождается усилением КНР в военной сфере, что вызывает беспокойство соседей, опасющихся «китайской угрозы», и негативно воспринимается международным сообществом в свете обострения морских территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Что же касается региональных приоритетов, то основное внимание Китай уделяет отношениям с США, характеризующимся сложным сочетанием сотрудничества и конкуренции, а также с ЕС, который является значимым торговым и политическим партнером КНР. На историческом пике находится сотрудничество с Россией – не только на двустороннем уровне, но также на региональном и международном (яркий пример – сопряжение ЕАЭС и ЭПШП). Китай интенсивно развивает сотрудничество со странами Латинской Америки, Африки, Центральной Азии и АТР.

Таким образом, китайская внешняя политика определенно демонстрирует ряд новых подходов, с которыми необходимо считаться при выстраивании взаимодействия с КНР, – в частности, Китай показывает, что способен действовать активно и жестко, если того требуют обстоятельства. При этом стоит учитывать, что в основе внешней политики Китая лежат внутривластные приоритеты, в частности – необходимость адаптироваться к «новой нормальности», связанной с замедлением экономического роста КНР. Китаю предстоит сложная внутренняя трансформация, которая неизбежно отразится и на его поведении на мировой арене, поэтому новые тенденции, наметившиеся во внешней политике КНР, нуждаются в дальнейшем детальном и глубоком изучении.

Список литературы

Братерский А., Зорилэ Д. Гаага отказала Китаю в островах // Газета. – М., 2016. – 2.07. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/12_a_9676313.shtml (Дата обращения – 01.08.2016).

Буланов К. Китай приостановил выдачу кредита Монголии на ГЭС из-за претензий России // РБК. – М., 2016. – 2.07. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/12/07/2016/578480269a7947405cdbc09?from=main> (Дата обращения – 01.08.2016).

Ван Цзисы. Восток, запад, юг, север. Китай – посередине: Обзор китайской международной стратегии / Центр исследований международной стратегии Пекинского университета. – Пекин, 2013. – 362 с. [王缉思. 东西南北. 中国居“中”: 中国国际战略评论. 北京大学国际战略研究中心, 北京, 2013. 页数 362.]

Военная стратегия Китая: Белая книга / Министерство обороны КНР. – Пекин, 2015. [中国的军事战略: 白皮书. 中华人民共和国国防部, 北京, 2015.] – Режим доступа: http://www.mod.gov.cn/affair/2015-05/26/content_4588132.htm (Дата обращения – 01.08.2016).

Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: Стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. – М., 2015. – № 3. – С. 290–306. – Режим доступа: http://istina.msu.ru/media/publications/article/172/5ae/10583121/VP_Kitaya_v_kontekste.pdf (Дата обращения – 01.08.2016).

Денисов И.Е. Путешествие на запад: Пекин выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – 9.02. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (Дата обращения – 01.08.2016).

Европейская интеграция: Учебник / МГИМО(У); Под ред. О.В. Буториной. – М.: Деловая литература, 2011. – 720 с.

Ивантер А. Концерт наций, а не китайский оркестр // Эксперт. – М., 2015. – № 26–27. – 29.06–05.07. – С. 64–67. – Режим доступа: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/inter/20150629_1.pdf (Дата обращения – 01.08.2016).

К Великому океану – 3: Создание Центральной Евразии: Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / С.А. Караганов (рук. и отв. ред.); Барабанов О.Н., Безбородов А.А., Бордачев Т.В., Габуев А.Т., Кузовков К.В., Лихачева А.Б., Лукин А.В., Макаров И.А., Макарова Е.А., Скриба А.С., Сулов Д.В., Тимофеев И.Н. – М., 2015. – Июнь. – 25 с. – Режим доступа: <http://karaganov.com>

ru/content/images/uploaded/7 c15 ceac311 a5 c93201 dcb2 a3 c851 be4.pdf
(Дата обращения – 30.07.2016).

Кашин В.Б. Благожелательный баланс: О позиции Китая в украинском кризисе // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – 27.04. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnymi-balans-16589> (Дата обращения – 01.08.2016).

Кириллов А. Си Цзиньпин: Пекин и Вашингтон должны уважать коренные интересы друг друга // ТАСС. – Пекин, 2016. – 25.07. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3484272> (Дата обращения – 01.08.2016).

Китай выпустил «Белую книгу» по вопросам военной стратегии // Lenta. – М., 2015. – 26.05. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2015/05/26/chinawp/> (Дата обращения – 01.08.2016).

Ломанов А.В. Общий знаменатель для нации: Китайские ценности будут соперничать с западными // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – 14.10. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-natsii-17750> (Дата обращения – 01.08.2016).

Лукин А.В. Консолидация незападного мира на фоне украинского кризиса: Россия и Китай, ШОС и БРИКС // Международная жизнь. – М., 2015. – № 2. – С. 71–91.

Мозиас П.М. «Новая нормальность» китайской экономики // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – № 12. – С. 15–29.

«Развод» с Ким Чен Ыном: Россия поддержала санкции против КНДР // Московский комсомолец. – М., 2016. – 06.05. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2016/05/06/razvod-s-kim-chen-ynom-rossiya-podderzhala-sankcii-protiv-kndr.html> (Дата обращения – 01.08.2016).

Российско-китайский диалог: Модель 2016 / С.Г. Лузянин (рук.); Чжао Хуашэн (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; РСМД. – М., 2016. – Доклад №25/2016. – 93 с. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-China-Report25.pdf> (Дата обращения – 01.08.2016).

Сян Ланьсинь. На пике взаимопонимания: Отношения между Китаем и Россией демонстрируют прочность // Россия в глобальной политике. – М., 2016. – 20.06. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Na-pike-vzaimoponimaniya-18214> (Дата обращения – 01.08.2016).

Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок: Теория и практика. – М: Весь мир, 2016. – 304 с.

Чжао Тигьян. Система «Тянься»: Введение в философию мировой системы. – Нанкин: Цзянсу цзяюу чубаньшэ, 2005. – 272 с. [赵汀阳. 天下体系: 世界制度哲学导论. 南京, 江苏教育出版社, 2005. 页数 272.]

Чугин В. Гаагский суд отказал Китаю в правах на спорные острова в Южно-Китайском море // ТАСС. – Гаага, 2016. – 12.07. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3447825> (Дата обращения – 01.08.2016).

Alcuaz C. China's Xi Jinping takes swipe at trade deals that cause «fragmentation» amid TPP debate // International Business Times. – N.Y., 2015. – 11.18. – Mode of access: <http://www.ibtimes.com/chinas-xi-jinping-takes-swipe-trade-deals-cause-fragmentation-amid-tpp-debate-2189429> (Дата обращения – 01.08.2016).

Chapter three: «Proactive pacifism»: The new normal in Japan's foreign and security policy // Asia-Pacific regional security assessment. – Wash., 2016. – 03.07. – P. 39-54. – Mode of access: <https://www.iiss.org/en/publications/strategic%20dossiers/issues/asia-pacific-regional-security-assessment-2016-2288/rsa16-05-chapter-3-5122> (Дата обращения – 01.08.2016).

EU relations with China // European Union External Action. – Brussels, 2016. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/china/index_en.htm (Дата обращения – 01.08.2016).

Fairbank J.K. A preliminary framework // The Chinese world order: Traditional China's foreign relations / J.K. Fairbank (Ed.). – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1968. – P. I-XIII.

Fu Ying. China and US should rebuild consensus // China Radio International. – Beijing, 2016. – 12.05. – Mode of access: <http://english.cri.cn/12394/2016/05/12/3521s927376.htm> (Дата обращения – 01.08.2016).

Kai He. Power and risk in foreign policy: Understanding China's crisis behavior // Political science quarterly / Academy of political science. – N.Y., 2015. – Vol. 130, Issue 4. – P. 701-733.

Liu Feitao. Strengthening of US competition with China and the future trend of China-US relations // China International Studies. – Beijing, 2016. – January-February. – P. 90-91.

Luttwak E.N. The rise of China vs. the logic of strategy. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2012. – 320p.

Nien-chung Chang-Liao. China's new foreign policy under Xi Jinping // Asian Security. – L.: Routledge, 2016. – Vol. 12, Issue 2. – P. 82-91.

Obama B. The TPP would let America, not China, lead the way on global trade // Washington Post. – Wash., 2016. – 02.05. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html (Дата обращения – 01.08.2016).

Ohn D., Mason R. China's evolving policy towards the Democratic People's Republic of Korea under Xi Jinping // *Asian Studies Review*. - L.: Routledge, 2015. - Vol. 39, Issue 3. - P. 483-502.

Preliminary accounting results of GDP for the fourth quarter and the whole year of 2015 // National bureau of statistics of China. - Beijing, 2016.21.01. - Mode of access: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201601/t20160121_1307717.html (Дата обращения - 01.08.2016).

Shambaugh D. The Beijing APEC summit in review / Interview conducted by Sh. Tiezzi // *The Diplomat*. - Tokyo, 2014. - 13.11. - Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/11/the-beijing-apec-summit-in-review/> (Дата обращения - 01.08.2016).

Wang Yi. 2015: A year of flying colors for pursuing major-country diplomacy with distinctive Chinese features // *China international studies*. - Beijing, 2016. - January-February. - P. 5-6.

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement // *Chinese j. of international politics*. - Oxford: Oxford univ. press, 2014. - P. 153-184. - Mode of access: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/7/2/153.full.pdf> (Дата обращения - 01.08.2016).

Zha Daojong. China's economic diplomacy: Focusing on the Asia-Pacific region // *China quarterly of international strategic studies*. - Shanghai, 2015. - Vol. 1, Issue 1. - P. 85-104. - Mode of access: <http://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/S2377740015500050> (Дата обращения - 01.08.2016).

А.С. Скриба, С.В. Тихонов

Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: В поисках нового баланса сил

***Аннотация.** Исторически европейская система международных отношений является образцом для международной системы. Таким образом, трансформация современной европейской системы тесно связана с трансформацией Вестфальской системы. Новая система может быть вдохновлена уже имеющимся наследием, которое содержит широкий набор принципов и норм. Статья описывает это наследие и пытается объяснить связь между историей и современностью. Хотя новые вызовы, такие как глобализация, значительно влияют на международные отношения сегодня, баланс сил все еще остается главным принципом преодоления анархии в международных отношениях.*

***Abstract.** Historically the European system of international relations is an example for the world system. Hence the transformation of the modern European system is closely connected with the transformation of the Westphalian system. The new system can be influenced by the Westphalian legacy, which consists of a variety of principles and rules. The article describes this legacy and try to explain the connection between history and modern days. Although new challenges like globalization have strong influence on the international relations today, balance of power still remains the main principle of overcoming anarchy in international relations.*

***Ключевые слова:** российско-европейские отношения, европейская система, международная система, новые вызовы, глобализация.*

***Keywords:** European-Russian relations, European system, international system, new challenges, globalization.*

Введение

Для исследователей в области международных отношений Вестфальский мир является точкой отсчета, которая обозначает появление целостной системы международных отношений. Два договора, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 г., установили ключевые принципы взаимодействия, актуальные и по сей день. В ходе дальнейшей трансформации системы изменялись только ее отдельные элементы, но не вся система целиком. Однако после распада биполярного мира, основывавшегося на противостоянии Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, система начала трансформироваться глубже, чем в предыдущие периоды.

За 25 лет, прошедших со времени распада Советского Союза и завершения существования Ялтинско-Потсдамского порядка, в экспертных дискуссиях не только не было выработано консенсусного мнения о чертах новой международной системы, но, напротив, дискуссия с каждым годом разгорается с новой силой. Выделяют три основных варианта, в рамках которых может быть организована новая система международных отношений: однополярность (доминирование одного актора), би- или многополярность (лидерство двух или нескольких акторов на основе баланса сил), а также полицентричность (существование множества центров лидерства) как отдельный подход. В любом случае, сейчас нет связующего звена – единого системного принципа отношений между государствами.

Итак, основы, способные на протяжении ближайших десятилетий послужить устойчивым каркасом для международных отношений, неочевидны. Система продолжает трансформироваться в поисках нового устойчивого положения. На протяжении 25 лет возрастет степень хаотизации международных отношений, увеличится уровень конфликтности в самых разных частях земного шара: от Балкан до Южно-Китайского моря и от Ближнего Востока до Шотландии. Не стоит предполагать, что система преобразуется без какого-то явного толчка со стороны акторов, так как весь предшествующий опыт развития Вестфальской системы показывает, что

только их действия могут преодолеть хаотизацию международных отношений.

Особенно заметно нарастание напряжения на примере отношений между Россией и Европой – из-за глубоких связей, существующих между ними. Сложность структуры взаимосвязей означает, что каждый раз рост напряжения затрагивает множество небольших контактов в разных сферах, которые не изолированы друг от друга, но переплетены – и таким образом усиливают эффект, возникающий из-за давления на них. Кроме того, исторически европейская система всегда была образцом для всех остальных региональных систем, поскольку именно здесь был накоплен наибольший опыт взаимодействия.

Рассмотрение Вестфальского наследия, которое исправно работало на протяжении трех с половиной веков, требуя лишь регулярной проверки деталей, кажется лишним и неактуальным в век глобализации, ООН и всемирного разделения труда. Пункты Мюнстерского и Оснабрюкского договоров превратились в несколько каноничных фраз, которые студенты-международники проходят в курсе истории международных отношений. Но ведь когда-то именно эти идеи определили систему международных отношений. Могут ли они вновь стать фундаментом мирового порядка и способствовать его стабилизации? Ответ на этот вопрос требует ревизии всего накопленного наследия и придирчивого разбора каждой из норм Вестфальской системы. Подходя к этому с позиций структурного реализма, мы пытаемся выделить основные существенные черты, определяющие каркас сначала европейской, а затем и международной системы, чтобы постараться спрогнозировать их будущее.

Исторический обзор развития Вестфальской системы

Тридцатилетняя война началась в 1618 г. с чешского восстания против австрийских Габсбургов, правивших Священной Римской империей, и за тридцать лет в ней приняли участие все ключевые европейские государства того времени: от Швеции до Италии и от Испании до России. Однако едва ли монархи, заключившие мир после большой Тридцатилетней войны, думали, что

принципы, установленные в двух мирных договорах, останутся незыблемыми на протяжении столетий. Произошел резкий переход из эпохи императоров, обладавших известной монополией на внешнюю политику, в эпоху национальных государств, вступающих в отношения с другими государствами через специальные государственные институты.

После 1648 г. основным и единственным действующим типом акторов становятся национальные суверенные государства, которые обладают полным суверенитетом в пределах своей территории, несут ответственность за внешнеполитические действия и обладают равными возможностями в своей внешней политике.

В отсутствие очевидного лидера среди всех национальных государств основой взаимодействия между ними становится определение баланса сил, на основании которого определялись принципы взаимодействия между государствами через систему международных договоров. Интересно, что при оформлении Вестфальского мира протестантская Швеция, германские протестантские князья и Священная Римская империя проводили переговоры в Оснабрюке, а Франция, Испания, Нидерланды и некоторые другие католические государства заключили договор со Священной Римской империей в Мюнстере. Единственным способом изменить баланс сил и иерархию акторов отныне становилась глобальная война с подведением итогов согласно новому балансу сил. Фактически военный потенциал, накопленный странами в межвоенные годы, использовался на полях сражений для установления нового баланса сил, в рамках которого определялась иерархия.

Другим важным принципом, установленным Вестфальским миром, был религиозный принцип, который часто формулируют как «чья власть, того и вера». Последствия, к которым привело следование этому принципу, оказались значительно обширней его первоначальной формулировки. По сути, таким образом был закреплен принцип суверенитета национальных государств над территорией и гражданами этого государства. Ни одно из государств не могло вмешаться в дела другого государства, не спровоцировав военного конфликта. При этом, как справедливо указывает С.А. Кортунув, данный принцип не запрещал, а разрешал ведение

войны, провозглашая войну неотъемлемым правом суверенного государства [Кортунов, 2007, с. 77].

Последним существенным принципом Вестфальской системы было то, что каждый новый порядок не подрывал вышеописанные краеугольные принципы системы, но модифицировал баланс сил и состав акторов и не приводил к пересмотру всех остальных принципов. Это было возможно во многом из-за того, что принципы Вестфальской системы отражали объективный характер природы международных отношений. Никто не мог оспорить исключительное право государств на международные отношения и на внутренний суверенитет, следовательно, эти принципы существовали *a priori*.

Первый этап существования Вестфальской системы завершился Великой французской революцией и наполеоновскими войнами. Потрясение, испытанное европейцами в ходе этих событий, было невероятно сильным. Это привело к добавлению новых принципов в общий каркас системы. С момента подписания Венского мирного договора в 1815 г. и до возникновения Ялтинско-Потсдамского порядка, который характеризовался наличием двух антагонистичных доминирующих акторов, поддержание существующего баланса сил сделалось обязанностью заранее определенной группы доминирующих акторов, которые во многом несли ответственность за предотвращение эрозии системы. Любой участник, собирающийся изменить систему, сталкивался с коллективным противодействием со стороны остальных участников. Поэтому не случайна реакция европейских государств на действия Российской империи перед началом Крымской войны, которые были направлены на изменение существующего статус-кво. Как известно, Россия столкнулась с коллективным противодействием большинства европейских государств, включая даже Сардинское королевство.

На следующем этапе, по завершении Первой мировой войны, Версальско-Вашингтонский порядок принес четыре важные новации в набор принципов Вестфальской системы. Эти добавления были затем сохранены и дополнены при создании Ялтинско-Потсдамского порядка международных отношений.

Во-первых, была основана Лига Наций: первая постоянно действующая международная организация, которая, с одной стороны, стала логичной заменой системы общеевропейских конгрессов, а с другой – привнесла новые возможности в систему международных отношений. Национальные государства теперь стали создавать международные организации, если считали, что объединение голосов сделает их мнение более значимым.

Во-вторых, появившиеся вслед за Лигой Наций международные организации постепенно стали приобретать черты правосубъектности и получили возможность влиять на международные отношения, руководствуясь своими собственными представлениями о необходимом. Эта новация начала распатывать привычное представление о том, что акторами международных отношений являются только государства. Однако международные организации, даже такие успешные, как Европейский союз, до сих пор еще не смогли стать безусловными и полноправными акторами системы международных отношений.

В-третьих, Версальско-Вашингтонский порядок стал первой всемирной версией Вестфальской системы. Все предыдущие версии распространялись только на европейский континент.

В-четвертых, впервые системообразующие акторы не допустили проигравшие государства к процедуре обсуждения мирного договора. До этого проигравшая сторона всегда принимала участие в итоговых переговорах и имела возможность повлиять на устанавливавшийся порядок. Граф Максимилиан и Шарль Талейран с разной долей успешности могли повлиять на условия Вестфальского и Венского мирных договоров соответственно. При подписании Версальского мирного договора Германия и Советская Россия были исключены из процедуры обсуждения. Эта «новация» подрывала принцип баланса сил, так как интересы побежденных государств не учитывались при определении нового баланса, что негативно сказалось на продолжительности существования данной модификации системы.

Последний этап развития Вестфальской системы связан с Ялтинско-Потсдамским порядком, оформившимся после Второй ми-

ровой войны. Общая Вестфальская система принципов снова была дополнена, отражая произошедшие изменения.

Лейтмотивом существования этого порядка стали неразрешенные идеологические противоречия между социалистическим Советским Союзом и капиталистическими Соединенными Штатами Америки – державами, сформировавшими вокруг себя две сферы влияния с границами, проходящими по всему земному шару. Это привело к блоковому противостоянию, показавшему, что в рамках Вестфальской системы возможно конфронтационное взаимодействие двух групп государств (фактически трех, если учитывать Движение неприсоединения) без полноценных военных действий и при сохранении противоречий.

Другим новым принципом было то, что некоторые действия стали необратимыми. Если раньше проигрыш в войне мог сильно снизить шансы государства на выживание, но не означал безусловного уничтожения и невозможности попробовать изменить баланс сил вновь, то с появлением достаточного числа зарядов ядерного оружия всеобщее уничтожение стало реальностью. Это существенно лимитировало военные возможности двух блоков, превратившись в эффективный фактор сдерживания военных действий. Война остается правом суверенных государств, но последствия войны ядерных держав стали необратимыми.

Таким образом, за первые 300 лет существования Вестфальской системы многие ее принципы были существенно дополнены и расширены, так как гибкость и немногочисленность первоначальных принципов позволяла адаптировать и дополнить их перед лицом изменившейся реальности. При этом косметические изменения принципов не нарушали правило баланса сил, поддерживающего стабильность. Каждый раз вслед за нарастанием хаотизации возникала новая модель взаимодействия, которая определяла параметры новой стабильности. Однако вызовы, которые встали перед Вестфальской системой во второй половине XX в., имели качественно иной характер, поэтому их преодоление изменило систему необратимо. Но в любом случае, если исходить из прежнего опыта, остается ключевой вопрос – как найти новый баланс?

Современное состояние Вестфальской системы

Если мы обратимся к принципам, которые лежали в основе Вестфальской системы, то обнаружим, что большая часть из них претерпела значительные изменения. Последняя модификация Вестфальской системы – Ялтинско-Потсдамский порядок завершил свое существование вместе с распадом Советского Союза, который был одним из двух полюсов этой системы. Однако новый баланс сил, основывавшийся на абсолютном доминировании США, обладавших подавляющей военной и экономической мощью, нормативной силой и широко распространенной массовой культурой, оказался неустойчивым, и система не пришла в новую устойчивую точку. Фактически принцип баланса сил более не функционирует, так как в условиях хаотизации международных отношений оказалось невозможно добиться устойчивого баланса.

Более того, под сомнение были поставлены принципы, которые ранее были неоспоримы. Все большее число исследователей пишут о том, что в современной системе международных отношений акторами являются не только национальные государства, но и международные организации, транснациональные корпорации, негосударственные организации и отдельные личности. Начало этому переосмыслению было положено в известной книге Дж. Ная и Р. Кохэйна «Транснациональные отношения и мировая политика», опубликованной в 1970 г. (см: [Nye, Keohane, 1970]).

В целом выделяют несколько причин, которые способствуют появлению новых акторов: транснационализация, гибридизация и расслоение ресурсного потенциала (см.: [Лебедева, 2016]). Возросшие масштабы транснациональных действий негосударственных акторов означают, что негосударственные организации, крупные и даже средние компании теперь способны успешно осуществлять международные операции, пользуясь мобильностью населения, сравнительной открытостью границ и высокой скоростью обмена информацией. Из-за продолжающейся гибридизации деятельности государственных и негосударственных акторов все сложнее отделить одних от других. Кроме того, негосударственные акторы могут приобретать характеристики государственных структур и

успешно использовать доступные им ресурсы для достижения своих целей.

Наконец, происходит расслоение ресурсного потенциала государств. Происходит переход от слитого воедино государственного ресурса к выделяющимся отдельным видам ресурсов. Таким образом, происходит усиление государственной специализации на международной арене, что непосредственно сказывается на поведении государств, вынуждая их маскировать недостатки и демонстрировать преимущества. С этим тесно связано размывание традиционного понятия силы как совокупности военных факторов. Когда в 1990 г. Дж. Най предложил концепцию «мягкой силы», он начал долгую дискуссию о природе силы в международных отношениях [Nye, 1990]. В любом случае, уже нельзя просто сказать, что тот, у кого больше танков и самолетов, сильнее. Для современных международных отношений экономическая, культурная и политическая составляющие силы значат никак не меньше, чем военная. Государство, не обладающее выдающимся военным потенциалом, получило возможность компенсировать это в других аспектах.

Значимым изменением стала возросшая проницаемость границ для внешних акторов. Вопросы внутренней политики, такие как права граждан или экологические проблемы, все чаще оказываются внесены в международную повестку дня. Доминирующие акторы считают, что они получили право указывать остальным членам международного сообщества, как именно им необходимо организовывать внутренние дела. Апофеозом в формулировании подобных взглядов стала книга Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек», в которой автор стремится продемонстрировать универсализм модели республиканского либерального рыночного государства [Fukuyama, 2006]. Однако оказалось, что национальные государства не готовы жертвовать национальными особенностями в пользу универсального развития, поэтому сейчас уместнее говорить о будущей многополярности, в которой нет универсального принципа внутреннего устройства, а национальный суверенитет остается важной ценностью (см.: [Лукиянов, 2011]).

Невоенные рычаги борьбы получают все большее распространение. Санкционные режимы, использование нормативной

силы, гуманитарные интервенции, поддержка оппозиционных режимов – все эти возможности активно используются современными государствами, чтобы в условиях сохраняющейся системы, построенной на силовых взаимодействиях, использовать силу и не прибегать к военной мощи. Роль подобных рычагов будет только увеличиваться в будущем вслед за неизбежным повышением цены войны для правящих элит. При этом прежние глобальные международные институты, которые должны были пресекать использование подобных инструментов, оказались не готовы к новой реальности и не способны реформироваться в ответ на угрозу собственному существованию.

Вместо этого все большее значение приобретают региональные интеграционные блоки. Несмотря на сохраняющуюся роль Организации Объединенных Наций как ключевой международной организации, развитие региональных объединений можно назвать одним из главных трендов начала XXI в. Это стало возможным по завершении процесса деколонизации, когда мировая система вышла за границы Европы и правила Вестфальской системы начали адаптироваться к новому порядку, включающему все страны мира, а не только Европу или Евро-Атлантический регион. Государства объединяются согласно своим культурным, экономическим и политическим предпочтениям, исходя из предположения о том, что таким образом им удастся извлечь дополнительную выгоду, которой не было бы в отсутствие интеграционных процессов [Shepsle, 1989]. В региональных объединениях государства ищут возможность выстроить систему отношений хотя бы с ближайшими союзниками и соседями, преодолеть таким образом нехватку баланса сил на глобальном уровне.

Хотя государства стремятся экономно тратить свои ресурсы, концентрируясь на региональных форматах, многие проблемы международных отношений окончательно приобрели глобальный характер: экономическая взаимозависимость, распространение терроризма, технологические вызовы, сохранение культурного разнообразия, экологические проблемы – все эти вызовы невозможно преодолеть только в одной стране или одном регионе. Необходимостью решения подобных задач диктуется потребность в продол-

жении общего диалога, включающего в себя возможно более широкий круг участников по каждому из обсуждаемых вопросов. Исключение кого-либо из акторов, который прямо или косвенно заинтересован в решении какой-то проблемы, негативно сказывается на способности мирового сообщества к нахождению наилучшего ответа на стоящий вызов.

Каждое подобное исключение негативно влияет на состояние международной системы, погружая ее в еще больший хаос. Именно недостаток договороспособности привел, например, к тому, что Иран – одно из крупнейших государств на Ближнем и Среднем Востоке – впервые принял участие в общих переговорах по сирийскому кризису только в октябре 2015 г. [Сирийский кризис., 2015]. Аналогичная ситуация сейчас наблюдается в Европе, где формирование нового регионального порядка происходит не только без участия России, но и в прямой конфронтации с ней [Бордачев, 2016]. Несколько значимых факторов определяют специфику европейской системы.

Во-первых, значительная часть внешней политики европейских государств приходится на деятельность Европейского союза – наднационального государственного образования большинства стран Европы. Несмотря на то что участники в целом контролируют самостоятельно свою внешнюю политику, в рамках общей внешней политики и политики безопасности действует представитель ЕС в области внешней и оборонной политики, который ответственен за проведение коллективных действий. Это означает, что во внешнеполитических вопросах Россия сталкивается не с отдельными европейскими странами, а с консолидированным мнением стран-членов, которому сложно противостоять и которое может использоваться как нормативная сила в отношениях с Россией [Manners, 2008].

Во-вторых, взаимодействие между Россией и ЕС осуществляется не только по линии межгосударственных контактов, но и через негосударственные организации, транснациональные компании и европейские организации, действующие на территории России и наоборот. Зачастую позиция этих компаний или объединений может расходиться с мнением Европейского союза. Например, в июне

2016 г. президент Российско-Германской внешнеторговой палаты (ВТП) Р. Зеле выступил с критикой решения о продлении санкций: «Дальнейшее продолжение двусторонних ограничений осложняет возобновление сотрудничества между Россией и Европой. Санкции – это политический тупик. Мы хотим диалога и нуждаемся в нем. Это в интересах Германии и всего Европейского союза. И, конечно, в интересах российской экономики» (цит. по: [Бельманн, 2016]).

Подобные противоречия оказываются на поверхности именно благодаря тому, что современные международные отношения очень проницаемы для негосударственных акторов. Это усложняет систему отношений между ЕС и Россией, так как неизбежно приходится учитывать или по крайней мере выслушивать мнение других акторов. Таким образом, существующая система торгово-экономических, экспертных и других связей очень важна в условиях охлаждения отношений для возвращения прежних связей и повторного обсуждения критически важных вопросов. Это становится возможным, поскольку сложно изолировать отдельное государство в современной международной системе.

Однако даже успешное формирование европейского порядка не будет означать, что распад прежней международной системы завершился. Международные отношения давно перестали определяться европейским балансом сил. Европа связана со всеми остальными регионами слишком тесно, чтобы избежать их влияния, а остальной мир давно вышел из роли младшего и несмышленного брата Европы. Таким образом, ключ к будущему системы международных отношений лежит не между Сенной и Шпрее, а скорее между Янцзы и Гангом. Прежние нормы и институты оказались неспособны обеспечить сохранение прежнего баланса и поиск альтернативного, поэтому в новых условиях необходимо, чтобы международная система регулировала отношения между всеми крупнейшими акторами, а не только между теми, кто входит в клуб. Это верно и для европейских, и для международных отношений в целом.

Поствестфальская система в Европе

Несмотря на закрытость и недоступность средневековой Руси для визитов из Европы, контакты между Россией и европейскими

государствами существовали со времени образования Киевской Руси. Роль, которую исполняла Россия, не всегда была одинаковой: в середине XVI в. для австрийского посла Сигизмунда Герберштейна она была *terra incognita*, а уже через полтора века при Петре I Россия становится частью европейского порядка. Культура России всегда была частью европейской культуры, а политическая и правовая системы во многом вдохновлены европейскими образцами. В настоящий момент три из четырех крупнейших торговых партнеров России являются членами Европейского союза, а если рассматривать всех членов ЕС как единое сообщество, то окажется, что крупнейшим торговым партнером России является ЕС.

При изменении баланса сил после распада Ялтинско-Потсдамского порядка Россия и европейские государства столкнулись с необходимостью обозначить новые цели в международных отношениях, чтобы определить свое отношение к каждому из партнеров, включая друг друга, Китай и США. Для российско-европейских отношений одним из ключевых является вопрос, могут ли обе стороны признать друг друга двумя большими взаимозависимыми частями Европы. От положительного или отрицательного ответа на этот вопрос зависит конфигурация европейского порядка, и на этот счет существует множество разных мнений. Дискуссия, которая в России ведется еще со времен Петровских реформ, на Западе получила развитие, в основном, благодаря С. Хантингтону, который в известной книге «Столкновение цивилизаций» настаивал на существенных различиях между западной и православной цивилизациями [Huntington, 1997]. Этот вопрос поднимался и впоследствии, например, еще в середине первого десятилетия XXI в. делались прогнозы, авторы которых не находили принципиальных препятствий для вступления России в Европейский союз [Отношения..., 2005]. Другие исследователи указывали, что Россия не отличается принципиально от стран Запада: Россия – это демократия со средним уровнем доходов населения, что влияет на характер ее развития, но не делает его специфичным [Shleifer, Treisman, 2005]. Однако сейчас чаще говорят о том, что культурные пути, по которым пошли Россия и Европа, значительно различают-

ся [Караганов, 2016]. Формированию подобных мнений способствовало несколько факторов.

С распадом Ялтинско-Потсдамского порядка прежний баланс сил был утрачен, и первые годы после распада Советского Союза характеризовались, с одной стороны, стремлением России глубже интегрироваться в общеевропейский дом, а с другой – ползучим расширением ЕС на территорию Восточной Европы, бывшую ранее зоной советского влияния. Менее чем за полтора десятилетия большинство стран бывшего советского блока вступили в ЕС и НАТО. Европейский союз использовал нормы и стандарты как образец для этих стран Восточной Европы, предоставляя взамен доступ к рынкам привилегированных партнеров. Произошло расширение военного блока НАТО на Восток в связи с вступлением в него бывших членов Организации Варшавского договора. Несмотря на это, Россия в целом поддерживала западную политику, включая борьбу с терроризмом, интегрировалась в ВТО, несла ответственность как правопреемник Советского Союза, поддерживала различные программы культурных связей с европейскими странами. Существовавшие в тот момент отношения нельзя назвать конфронтационными.

Переломными для российско-европейских отношений стали 2007–2008 гг., когда Мюнхенская речь В.В. Путина (2007) продемонстрировала нежелание России в дальнейшем пассивно смотреть на расширение западных институтов на Восток. В 2008 г. грузино-осетинский конфликт привел к прямой конфронтации России и Европы. Впервые со времен холодной войны Россия и Европа пошли на обострение отношений. Были прекращены отношения в Совете Россия – НАТО (восстановлены в марте 2009 г.). Однако кризис был купирован в самом начале и не подорвал окончательно европейский порядок.

Настоящий пик дисбаланса европейской системы пришелся на украинский конфликт. Были вновь прекращены отношения в Совете Россия – НАТО, делегация российских парламентариев в ответ на лишение права голоса в ПАСЕ перестала принимать участие в заседаниях этой организации. Были остановлены многие экономические проекты, такие как «Южный поток» или строитель-

ство Францией для России вертолетоносцев класса «Мистраль». Таким образом, Россия и европейские страны окончательно лишились инструментов для преодоления хаоса и выработки нового европейского порядка. Накопившиеся противоречия вырвались наружу: взаимные обвинения посыпались с обеих сторон.

Сейчас сложно себе представить, что возможно возвращение к прошлому уровню взаимоотношений. События 2014 г. подвели черту под неоднократными попытками ЕС и России найти приемлемую модель сотрудничества и новый баланс сил в Европе. Поскольку все прежние попытки так или иначе проваливались, необходимо вновь преодолеть турбулентность в российско-европейских отношениях.

В 2014 г. европейская система вышла на пик дисбаланса, но вопрос о нахождении нового устойчивого положения пока не решен. Поэтому возникают сомнения, можно ли этот баланс обрести в Европе или, учитывая особенности трансформации мировой системы, его следует искать не на европейской, а на мировой арене. Трудно себе представить, что хаос в европейских отношениях будет преодолен исключением из системы отношений России. Та низшая точка, в которой оказались отношения Европы и России, должна в итоге превратиться в поворотный пункт, в противном случае хаос будет только нарастать.

Поствестфальская система в мире

Любой политический процесс когда-нибудь неизбежно завершится, вне зависимости от его масштабов. Вестфальская система международных отношений прошла через несколько крупных трансформаций, которые при этом не касались фундаментальных принципов системы. В начале XXI в. стало ясно, что все принципы нуждаются в ревизии, а сама система находится в неустойчивом состоянии и открыта давлению со всех сторон. Однополярный порядок оказался слишком неустойчивым.

Международная система во многом зависит от той среды, в которой она существует. Сегодня ключевыми внешними факторами становятся последствия глобализации: глобальная миграция, глобальная финансовая система, международная торговля, гло-

бальная массовая культура и значительная унификация правовых и политических норм. Мир получил теоретическую возможность всеобщей унификации, приведения к общему знаменателю, но этот же процесс формирования всеобщего равенства сопровождается формированием системы всеобщего разделения труда, спецификации деятельности, которая представляет страну в международной торговле. Таким образом, всеобщее равенство оказывается универсальным комбинезоном, надетым без разбора на всех подряд.

Ключевой конфликт заключается в том, что универсальный комбинезон оказался по размеру только ограниченному кругу стран. Поэтому в выборе между универсальным или локальным все чаще побеждает локальное. Неравенство возможностей, существующее из-за разницы в положении стран в международной торговле, провоцирует отказ от универсальных идей. Просто потому, что они оказываются универсальными и при модернизации не дают возможности сохранить накопленное наследие.

Фактически в данный момент никто из акторов не выдвигает предложений по строительству целостной системы международных отношений. Большинство предложений сводится к сохранению статус-кво, так как существующие нормы выгодны для акторов (ЕС, США, страны – участницы БРИКС (кроме России), Китай). Сохранение существующего порядка означает и сохранение преимуществ, изменение порядка этого вовсе не подразумевает. Попытка выстроить новую систему означает, что какие-то выгоды будут потеряны. Многие страны просто не готовы вносить предложения касательно устройства международной системы – отчасти потому, что этих предложений нет, отчасти из-за отсутствия всеобъемлющей дискуссии по этому поводу.

Одновременно происходит формирование региональных блоков, которые во многом подменяют собой систему глобального управления. ТПП, ТТИП, ЕАЭС, Европейский союз и НАТО, АСЕАН – все эти организации способны дать своим членам возможность решать какие-то насущные вопросы, но без разрушения существующей системы глобального управления, основанной на деятельности ООН и ВТО. Таким образом, новая международная

система строится не вместо, а поверх старой, закрывая наиболее проблемные места и сохраняя сложившиеся диспропорции.

Поиск общего баланса в среде, где все страны связаны огромным количеством подвижных отношений, оказался слишком сложным делом, так как каждый из участников справедливо предполагает, что в случае всеобщей перестройки слишком многое изменится. Можно предположить, что общая система международных отношений появится незаметно для ее участников, когда будет накоплен критический объем соглашений по различным вопросам. Мир будет закреплён не одним-двумя всеобщими соглашениями, а множеством небольших и, на первый взгляд, незначительных соглашений и договоренностей. Региональные порядки будут опираться, с одной стороны, на эти договоренности, а с другой – на общие представления об устройстве мира, которые постепенно будут найдены. Но в то же время существует опасность наступления новой эры силовой политики и восстановления структуры холодной войны в международной системе [Sakwa, 2008].

Предложения России в данный момент ограничиваются несколькими ключевыми тезисами: необходимость соблюдения принципов суверенитета, невмешательство во внутренние дела, четкая фиксация договоренностей и контроль над их исполнением, ясная система контроля над надгосударственными учреждениями, создание альтернативной системы глобального управления. Существование, например, ICANN¹ вызывает у России вопросы, связанные с конфликтом между частным характером корпорации в юрисдикции США и необходимостью обеспечения ее международной легитимности и подотчетности [Selyukh, 2014]. С точки зрения России, подобные вопросы необходимо передавать в ведение либо национальных властей, либо легитимной международной организации, которая способна обеспечить независимый контроль.

Европейские страны, участвующие в ЕС, первыми осознали одну из важнейших черт современных международных отношений –

---

¹ Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (англ. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers).

легкость взаимного влияния государств на внутреннюю политику друг друга в условиях взаимозависимости. Каждая из стран отказалась от части своего национального суверенитета, ожидая, что полученные выгоды с лихвой перекроют убыток. Отсюда и отношение европейских стран к суверенитету других стран как к чему-то необязательному и проницаемому. Программы европейской помощи наглядно демонстрируют этот подход: поддержку получают не просто государства как таковые, но именно те, кто руководствуется в распределении помощи директивами Европейского союза [EU Eastern., 2014]. Представления России о роли суверенитета диаметрально противоположны. Это фундаментальное противоречие существенно сужает возможное поле для диалога между Россией и ЕС. Что же касается роли наднациональных организаций, то степень доверия к гражданскому обществу и негосударственному регулированию в европейских странах намного выше, поэтому возможности диалога по этим вопросам также весьма ограничены. В результате создание новой системы региональных блоков происходит без участия России и Китая, поскольку их вовлечение в процесс ее перестройки означает необходимость учитывать их мнение.

Многие исследователи указывают на то, что есть страны, которые стремятся нормативно сохранить свое доминирование, хотя реально сила перераспределяется не в их пользу. Альтернативный подход, предлагаемый Россией в ответ на это, – строительство Большой Евразии, которая объединит всех – от Лиссабона до Пекина [Караганов, 2014]. При этом многие страны, включая Россию, ищут новый баланс сил, который может быть закреплён в новой архитектуре или институтах. Создание региональных партнерств консервирует существующие диспропорции и сохраняет разделительные линии. Новый баланс сил мог бы преодолеть эти противоречия и стать более стабильным. Важно, чтобы в определении новой конфигурации участвовали и Россия, и ЕС, так как, найдя решения по многим вопросам на мировой арене, им будет проще договариваться в европейском регионе.

Заключение

Накопившиеся противоречия между крупнейшими акторами в международных отношениях привели к формированию европейского и глобального дисбалансов. Эрозия порядка завершилась его логичным распадом, и международные отношения погрузились в первоначальное состояние хаоса. Однако хаос наступил не везде, так как усложнение системы международных соглашений означает, что большая часть технических вопросов регулируется соглашениями, которые продолжают действовать. Таким образом, хаос сохраняет в себе островки стабильности. Опираясь на них и привлекая всех заинтересованных участников международных отношений, возможно трансформировать Вестфальскую систему.

Но прежде чем перестраивать расплывающийся европейский порядок, необходимо завершить создание хотя бы контурного рисунка мировой системы, так как европоцентричный мир канул в прошлое, и порядок, не учитывающий глобальные проблемы, будет разрушен из-за заложенной в нем ограниченности. Глобализация означает, что теперь каждое государство способно квалифицированно вмешиваться в систему глобального управления – при наличии у него такого желания и понимания верных путей для распространения своего влияния. Теперь невозможно договариваться о будущем международной системы в узком кругу за закрытыми дверями, необходима комплексная дискуссия на этот счет.

Принципы, накопленные за время существования Вестфальской системы, сложно чем-либо заменить, так как международные отношения стали динамичнее, но пока сохранили прежнюю структуру. Сейчас важно как можно быстрее трансформировать эту систему, потому что новые вызовы и угрозы, такие как терроризм, климатические проблемы, глобальное неравенство в доходах, требуют решений, которых невозможно достичь без согласия в основополагающих вопросах устройства системы международных отношений. В противном случае хаотизация, все более тормозящая темпы мирового развития, будет по-прежнему возрастать. Только широкое и комплексное обсуждение будущего международных отношений способно вновь упорядочить ситуацию в мире.

Список литературы

Бельманн Й. Санкции – это политический тупик // Российско-Германская внешнеторговая палата. – М., 2016. – 21.06. – Режим доступа: <http://russland.ahk.de/ru/news/single-view/artikel/sanktionen-sind-das-ende-von-politik/> (Дата обращения – 30.07.2016).

Бордачев Т.В. Россия и «берлинско-вашингтонский» порядок в Европе // Россия в глобальной политике. – М., 2016. – 23.97. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Rossiia-i-berlinsko-vashingtonskii-poryadok-v-Evropе-18295> (Дата обращения – 30.07.2016).

Караганов С.А. Вперед к Великому океану // Российская газета. – М., 2014. – 26.08. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/08/26/usilenie.html> (Дата обращения – 30.07.2016).

Караганов С.А. Новая идеологическая борьба? // Известия. – М., 2016. – 21.04. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/610812> (Дата обращения – 30.07.2016).

Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы международных отношений и становление нового мирового порядка // Мировая политика / Под общ. ред. С.В. Кортунова. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 75–117.

Лебедева М.М. Актеры в международных отношениях и мировой политике // РСМД. – М., 2016. – 09.06. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7780#top-content (Дата обращения – 30.07.2016).

Лукиянов Ф.А. Многополярный мир // Россия в глобальной политике. – М., 2011. – 10.02. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Mnogopornyiy-mir-15097> (Дата обращения – 30.07.2016).

Отношения Европейского союза и России / Караганов С.А., Бордачев Т.В., Гусейнов В.А., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В. // РАН. Институт Европы. – М., 2005. – 59 с. – Режим доступа: http://www.ieras.ru/pub/report_WordFormat.doc (Дата обращения – 30.07.2016).

Сирийский кризис и встреча в Вене: У кого какие интересы? // BBC. Русская служба. – L., 2015. – 30.10. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151002_syria_crisis_key_players (Дата обращения – 30.07.2016).

EU Eastern Neighbourhood: Projects in action / European Commission. Eastern Partnership. – Brussels, 2014. – N 3: EU regional cooperation through the eyes of journalists. – 94 p. – Mode of access: <http://www.enpi-info.eu/files/publications/magazine%20east%20EN%2018.pdf> (Дата обращения – 30.07.2016).

Fukuyama F. The end of history and the last man. – N.Y.: Free Press, 2006. – 432 p.

Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of world order. – N.Y.: Penguin Books, 1997. – 368 p.

Manners I. The normative power of the European Union in a globalised world // EU foreign policy in a globalized world: Normative power and social preferences / Z. Laïdi (Ed.). – L.: Routledge, 2008. – P. 23–37.

Nye J.S. Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.

Nye J.S., Keohane R.O. Transnational relations and world politics: An introduction // Transnational relations and world politics / R.O. Keohane, J.S. Nye (Eds.). – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1970. – P. IX–XXI.

Sakwa R. «New cold war» or twenty years' crisis? Russia and international politics // International affairs. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2008. – Vol. 84, Issue 2. – P. 241–267.

Selyukh A. ICANN chief: Russia, China will not hijack Internet oversight // Reuters. – L., 2014. – 02.04. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-internet-domainnames-idUSBREA311SE20140402> (Дата обращения – 30.07.2016).

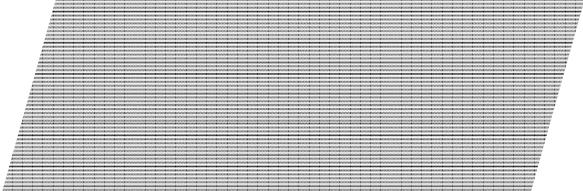
Shepsle K.A. Studying institutions: Some lessons from the rational choice approach // J. of theoretical politics. – L.: Sage Publications, 1989. – Vol. 1, Issue 2. – P. 131–147.

Shleifer A., Treisman D. A normal country: Russia after communism // J. of economic perspectives / American economic association. – Nashville, TN, 2005. – Vol. 19, Issue 1. – P. 151–174.

II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Д.П. Новиков, К.И. Чернявская

Роль и место Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в европейской политике США

***Аннотация.** Формирование экономических мегаблоков оказывает значительное влияние на развитие международной системы. В настоящей статье авторы предпринимают попытку проанализировать возможные последствия принятия соглашения по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству для внешней политики США в Европе.*

***Abstract.** Formation of global economic mega-blocks has a great impact on the international system's development. In this article the authors analyze possible consequences of adopting Transatlantic Trade and Investment Partnership for the US foreign policy in Europe.*

***Ключевые слова:** Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, внешняя политика, США, Европа, международная система, торговля.*

***Keywords:** Transatlantic Trade and Investment Partnership, foreign policy, US, Europe, international system, trade.*

Находящееся в стадии активных переговоров соглашение по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) способно оказать существенное влияние на развитие трансатлантических торгово-экономических связей, сформировав новые правила игры между двумя крупнейшими и важнейшими акторами мировой экономики: США и Европейским союзом. При этом даже на стадии переговорного процесса инициатива ТТИП имеет большое политическое и стратегическое

значение, являясь предметом торга между союзниками. Особое значение данному соглашению придают в Вашингтоне, который активно стремится навязать свою повестку трансатлантических экономических и политических отношений в целом. Настоящая статья рассматривает роль ТТИП как инструмента внешней политики США в Европе, его текущее (как предмета переговоров) и потенциальное значение для трансатлантических отношений с точки зрения американских внешнеполитических интересов.

Инициатива ТТИП в контексте эволюции институтов евро-атлантического сотрудничества

Стартовавшие в 2013 г. переговоры по заключению нового всеобъемлющего экономического соглашения между США и ЕС стали одной из крупнейших инициатив администрации Б. Обамы. Хотя и без того непростой ход переговоров был еще более усложнен выходом Великобритании из состава ЕС по результатам национального референдума 23 июня 2016 г., с обеих сторон Атлантического океана по-прежнему говорят о желательности и даже необходимости этой сделки. На кону стоит евро-атлантическое единство, необходимость в котором во многом обусловлена негативными для Запада трендами, возобладавшими в мире с конца 2000-х годов.

Таким образом, ТТИП стало флагманской институциональной инициативой второй администрации Б. Обамы на европейском направлении американской внешней политики. При этом продвижение крупных проектов по изменению режима международной торговли сделалось своего рода отличительной особенностью политики Б. Обамы. Тремя годами ранее, в 2010 г., стартовали переговоры по другому аналогичному проекту, ориентированному на Азиатско-Тихоокеанский регион, – Транстихоокеанскому партнерству. В целом формирование экономических мегаблоков является характерной чертой современной внешней политики США, задающей определенный тон дальнейшей эволюции международной системы [Портанский, 2016].

Такое выстраивание институциональной среды, как предполагает известный исследователь-международник Р. Гилпин, как

правило, осуществляется государством-гегемоном не только в целях предоставления норм и правил, необходимых для функционирования международной системы, но прежде всего в целях фиксации своего собственного лидерства за счет навязывания определенных устойчивых правил поведения (см.: [Gilpin, 2001]). Предложенная Гилпином теоретическая интерпретация позволяет рассматривать институциональное строительство как попытку замедлить потерю государством статуса гегемона и укрепить его положение, хотя этот эффект и носит временный характер. Формирование мегаблоков, одним из которых является инициатива ТТИП, в данной статье рассматривается как следствие системного ослабления самих США, стремящихся компенсировать относительное сокращение своего влияния путем институциональной фиксации своего лидерства.

При этом строительство институтов для фиксирования своего лидерства именно в экономическом измерении соответствует магистральным трендам развития международной системы. К концу холодной войны ясно проявилась тенденция на смещение центра тяжести международной конкуренции [Най, 2014, с. 122]. Традиционный упор на военно-силовые инструменты – и соответственно создание военно-политических блоков – уступил место борьбе держав за экономические ресурсы и место в системе международных экономических связей. Как отметил крупный исследователь вопроса Р. Розекранц, «в прошлом дешевле было силой захватить территорию другого государства, чем создавать качественный торгово-экономический аппарат, необходимый для получения выгод от коммерческих обменов с ним» [Rosecrance, 1986, p. 16]. В настоящий момент наблюдается прямо противоположная тенденция, что заставляет ведущие государства делать больший акцент на экономическую силу и создание институтов ее регулирования.

Одним из результатов этого сдвига стал проявившийся в последние два десятилетия тренд на появление и развитие большого числа организаций международного экономического сотрудничества разного уровня институционализированности, географического охвата и широты обсуждаемой в их рамках повестки. При этом наблюдаемый в настоящий момент кризис «глобализации 1990-х», выражающийся в стагнации глобальных институтов и

фрагментации системы глобального управления, дал мощный стимул развитию региональных торгово-экономических и интеграционных блоков. Особенно заметно этот процесс проявляется в Азии, где регионализм, т.е. создание региональных институциональных форматов, стал одним из главных феноменов международной политики [Mansfield, Solingen, 2010].

До прихода к власти администрации Б. Обамы Соединенные Штаты относились к отмечавшемуся с конца 1990-х годов росту регионализма либо нейтрально, либо негативно, не принимая участия в этих процессах. Главным региональным геоэкономическим проектом США после окончания холодной войны стало создание торгового блока в рамках НАФТА, объединившей Соединенные Штаты и двух ближайших американских соседей – Мексику и Канаду. Однако основной упор при администрациях У. Клинтона и Дж. Буша-мл. делался на глобальные инициативы, прежде всего на развитие ВТО, а также на адаптацию к новым условиям старых глобальных институтов Бреттон-Вудской системы. Ориентация на глобальный уровень во многом отражала центральную роль США в международной системе и их стремление сформировать универсальные правила игры для всего мира [Griffith, Steinberg, Zysman, 2015].

На региональном же уровне институциональная фиксация американского лидерства в ключевых регионах происходила в основном на базе унаследованных со времен холодной войны оборонных связей, что, по сути, мало соответствовало магистральному тренду развития международной среды в сторону «экономизации» международной политики. В Евроатлантике традиционный акцент делался – и во многом продолжает делаться – на Североатлантический альянс как ключевой институт трансатлантического партнерства в сфере политики безопасности.

При этом уже с начала 2000-х годов этот институциональный механизм укрепления трансатлантической солидарности начал давать сбои. При администрации Дж. Буша-мл. источником кризисных явлений в трансатлантических отношениях, в том числе по линии НАТО, являлись США, придерживавшиеся стратегии односторонних действий, без согласования с союзниками. Однако и по-

сле прихода к власти новой администрации во главе с Б. Обамой возврата к «золотым временам» трансатлантической солидарности времен 1990-х годов не произошло. В этой связи эффективность НАТО как инструмента институционализации американского лидерства в Европе на фоне общей эволюции американо-европейских отношений оказалась под вопросом.

В политике администрации Б. Обамы в отношении Европы наблюдается определенная эволюция в области тактических шагов и действий, однако ее общая логика остается по большей части неизменной, даже в условиях украинского кризиса и нового противостояния с Россией. Хотя Европа по-прежнему играет важную роль в американской внешней политике, ее значение и место изменились принципиальным образом и продолжают меняться. Уже начиная с 2000-х годов, в особенности после 11 сентября 2001 г., фокус американских интересов начал смещаться с традиционного евро-атлантического направления в другие регионы: сначала на Большой Ближний Восток, затем, с конца 2000-х годов, в сторону Азии и АТР. Именно эти направления стали рассматриваться в Вашингтоне как наиболее приоритетные и с точки зрения безопасности США, и с точки зрения экономического развития. Подтверждением этого стало провозглашение администрацией Б. Обамы стратегии «разворота» в сторону АТР в 2011 г.

Снижение значимости Европы в стратегических приоритетах США повлияло на динамику и содержание американской внешней политики на данном направлении, прежде всего в плане уменьшения объема инвестируемых политических и экономических ресурсов. Этому способствовал целый ряд факторов в эволюции региональной международной среды.

Во-первых, к началу 2000-х годов казалось, что конфликты и главные угрозы безопасности в Европе в целом ликвидированы, а основные цели по выстраиванию в Европе порядка, основанного на западных институтах, достигнуты. Войны на Балканах прекратились. НАТО и ЕС расширились, включив в себя часть государств бывшего восточного блока, и готовились к следующему – гораздо более амбициозному – раунду расширения, который состоялся в 2002 (НАТО) и 2004 гг. (ЕС).

Российское несогласие с данными процессами не вызывало в США особого беспокойства. Москва не рассматривалась в тот момент как серьезная угроза Западу и тем более США; считалось, что периодические жесты в ее сторону, призванные продемонстрировать якобы ее важность и учет ее интересов Западом (участие в «большой восьмерке», подписание основополагающего акта Россия – НАТО, существование институциональной связки между РФ и альянсом), достаточны для того, чтобы вовлечь Россию в новый, сформировавшийся после холодной войны международный порядок и сделать Москву конструктивным младшим партнером, если не союзником – на этих расчетах и строилась американская политика в отношении России в 1990-е и первую половину 2000-х годов (см.: [Стент, 2015]).

Во-вторых, как уже было сказано, эпицентр угроз для США сместился в другие регионы. Большой Ближний Восток стал главным очагом международного терроризма и распространения ОМУ. В то же время по мере наращивания экономической мощи и, как следствие, военной силы и политических амбиций Китая начали обостряться территориальные конфликты в Восточной и Юго-Восточной Азии, напрямую затрагивающие интересы союзников США в регионе (Японии, Южной Кореи, Филиппин). При этом объем товарооборота США с Азией существенно превышал объем их товарооборота с ЕС.

Наконец, само по себе смещение экономической динамики и экономической мощи из Евроатлантики в АТР, где азиатские страны, прежде всего Китай, демонстрировали колоссальные темпы роста, также являлось важнейшим фактором эволюции американской политики в Европе.

На фоне вышеуказанных трендов стагнировал и сам интеграционный проект ЕС. В Европе все более углублялся экономический кризис. Многие страны ЕС (за исключением Германии и Скандинавских стран), столкнувшись с серьезными трудностями в разработке моделей дальнейшего социально-экономического развития, нуждались в проведении реформ. Наконец, практически неразрешимой оставалась – и остается до сих пор – долговая проблема южных стран Евросоюза, прежде всего Греции.

Ослабление экономической динамики ЕС способствовало и геополитическому ослаблению объединения. При администрации Б. Обамы заметно ускорился процесс трансформации ЕС из равноправного партнера в младшего союзника¹. Несмотря на более позитивную риторику демократической администрации, ее подчеркнутую готовность к диалогу с ближайшими союзниками, нынешняя политика Вашингтона привела США и ЕС к взаимному разочарованию, особенно на фоне обоюдных завышенных ожиданий времен предвыборной кампании Б. Обамы.

В первые месяцы работы новой администрации команда Б. Обамы рассчитывала, что простое изменение тональности риторики и отказ от практики односторонних действий периода Дж. Буша-мл. не только восстановит прежнюю атмосферу трансатлантических отношений, существенно подпорченную в 2000-е годы, но и побудит европейцев оказывать США большую поддержку по тем направлениям, которые администрация Б. Обамы объявила главными приоритетами. Уже на первом саммите США – ЕС администрация Б. Обамы обозначила эти приоритеты: США была необходима поддержка по «проблемным» для Вашингтона внешнеполитическим направлениям, прежде всего Афганистану, Ирану, а также по ключевому пункту внутривнутриполитической повестки новой американской администрации – преодолению мирового финансово-экономического кризиса и возврату американской и других западных экономик к устойчивому росту.

По всем этим вопросам европейским союзникам предлагалось принять американскую повестку и, по сути, играть вспомогательную роль. Так, еще в период предвыборной кампании в своей речи в Берлине Б. Обама призвал европейских союзников к более активным действиям в Афганистане, заявив, что «афганский народ нуждается в наших войсках и ваших войсках, нашей поддержке и вашей поддержке, чтобы одержать победу над талибами и «Аль-

---

¹ При администрации Дж. Буша-мл. это нашло отражение в подчеркнутую одностороннем внешнеполитическом курсе Вашингтона, проявившемся в игнорировании мнения и интересов европейских союзников, нарочитом пренебрежении НАТО (в первый президентский срок) и запуске процесса сокращения военного присутствия США в Европе.

Каидой» [Obama's Berlin..., 2008]. Европейцам, таким образом, предлагалось «оплатить» новую дорогостоящую стратегию США в Афганистане, подразумевавшую усиление там международного воинского контингента и активизацию боевых операций против движения «Талибан».

Однако встречных шагов со стороны большинства европейских стран не последовало. Напротив, европейские страны (за исключением Великобритании) ускорили вывод своих войск из Афганистана как раз в тот период, когда США наращивали там свой воинский контингент. В результате подавляющая часть военных операций ISAF (Международных сил безопасности в Афганистане) в период 2010–2014 гг. была осуществлена американскими военнослужащими. При этом было очевидно, что проблема носит системный характер: в условиях экономической стагнации и усугубления долгового кризиса в еврозоне страны ЕС ускорили сокращение военных бюджетов. В итоге сложилась ситуация, когда США были вынуждены покрывать три четверти всех военных расходов НАТО (для сравнения, в период холодной войны, когда число членов альянса было значительно меньше, на европейские страны приходилась половина расходов).

Таким образом, был поставлен вопрос о неспособности НАТО как организации не только осуществлять наземные военные операции за пределами своей зоны ответственности (тем более – связанные с государственным строительством), но и вообще выступать в руках США в качестве инструмента по проецированию военной силы и координации оборонных политик союзников. А поскольку именно это, по сути, и считалось первоочередной миссией НАТО в мире после окончания холодной войны, в отсутствие реальной угрозы военного конфликта с Россией, казалось, что альянс в полной мере столкнулся с «экзистенциальным кризисом»: вакуумом миссии и цели существования. Наиболее показательны настроения, царившие в тот период в Вашингтоне, передает высказывание тогдашнего министра обороны США Р. Гейтса, отметившего, что «будущие политические лидеры США, для которых холодная война не была формирующим их сознание опытом, как это было для меня, могут перестать считать отдачу Америки от ее инвести-

ций в НАТО достойной затрат» [Гейтс, 2014, с. 752]. «Экзистенциальный кризис» главной институциональной опоры трансатлантических отношений удалось преодолеть лишь в 2014 г., когда на волне украинского кризиса альянс объединился вокруг новой мощной консолидирующей повестки.

В условиях относительного снижения эффективности главного институционального проводника американского лидерства в Европе все более очевидным становился институциональный вакуум в экономическом измерении трансатлантических отношений. На фоне предложенных администрацией Б. Обамы инициатив по борьбе с кризисом главным источником противоречий – и одновременно изменения баланса сил в трансатлантических отношениях в сторону дальнейшего ослабления позиций ЕС и европейских стран – стали экономические отношения. Мировой финансово-экономический кризис углубил противоречия между двумя главными акторами глобальной экономики как по фундаментальному вопросу о стратегиях преодоления глобальной рецессии, так и в сфере торгово-инвестиционной деятельности. Особенно серьезные споры между США и лидерами ЕС вызывали подходы к борьбе с кризисом.

Администрация Б. Обамы убеждала страны ЕС в необходимости синхронизировать действия с США, однако Евросоюз под руководством Германии пошел другим путем, и вместо финансового стимулирования экономического роста стал проводить политику жесткой финансовой дисциплины и урезания расходов, в первую очередь – военных. Перенос обсуждения основных противоречий на диалоговые площадки, такие как «большая двадцатка» и «большая восьмерка», оказался недостаточно эффективным для координации трансатлантических усилий по преодолению негативных последствий глобальной рецессии. Фактически принимавшиеся в США и ЕС меры по преодолению кризиса оставались разнонаправленными, что негативно влияло на деловой и политический климат в трансатлантических отношениях.

Мировой финансово-экономический кризис обострил и проблему протекционизма в отношениях между США и ЕС. В 2010 г. на фоне нарастания экономических проблем администрация

Б. Обама запустила «Национальную экспортную инициативу», рассчитывая удвоить экспорт американских товаров и услуг в течение следующих пяти лет [National export., 2010]. Среди основных потенциальных рынков сбыта американской продукции указывался и ЕС – крупнейший общий рынок с похожей на США структурой потребления. Однако закрытость рынка ЕС, большой объем нетарифных барьеров и квот для целого ряда отраслей (таких как сельское хозяйство, некоторые виды высокотехнологичной продукции и др.) пока ограничивают возможности американского бизнеса в Евросоюзе. При этом дополнительным, но важным негативным фактором, делающим бизнес-климат ЕС менее привлекательным для американских компаний, является относительно меньшая защищенность инвесторов от политических рисков, связанных с внутриэкономической политикой европейских государств и ЕС в целом, – например, отсутствие эффективных механизмов разрешения частно-государственных споров (Investor-State Dispute Settlement – ISDS) по образцу существующих в США [Глущенко, 2011].

Сильное недовольство американских бизнес-кругов вызывают и европейские стандарты финансового регулирования. С одной стороны, европейские правила регулирования банковского сектора остаются гораздо более строгими и сложными по сравнению с американскими, что затрудняет работу американских кредитно-денежных организаций. При этом ситуация может еще более усугубиться при создании Банковского союза ЕС. С другой стороны, очевидно, что именно дефекты организации европейской банковской системы стали одной из причин греческого долгового кризиса, оказывавшего (и продолжающего оказывать) негативное влияние на всю европейскую и мировую банковские системы [Глущенко, 2011].

Таким образом, ко времени завершения первого президентского срока Б. Обамы на европейском направлении обнаружился ряд проблем, комплексным ответом на которые могло бы стать заключение нового трансатлантического всеобъемлющего экономического соглашения: во-первых, снижение эффективности НАТО как главного институционального проводника американских стра-

тегических интересов на европейском континенте и вне его; во-вторых, перенос основного вектора американских интересов в экономическую плоскость в связи с необходимостью преодоления негативных последствий мирового финансово-экономического кризиса. Однако на экономическом направлении США столкнулись с трудностями, связанными с явным дефицитом трансатлантических институциональных механизмов взаимодействия в торгово-экономической сфере. На этом фоне в январе 2013 г., после завершения предвыборной гонки, избранный на второй срок Б. Обама выдвинул предложение о заключении комплексного трансатлантического договора о свободной торговле, который предоставил бы более эффективные по сравнению со стандартными нормами ВТО гарантии открытости рынков для инвестиций и торговли между США и ЕС.

ТТИП в контексте европейской политики США

Выдвижение инициативы по заключению ТТИП стало знаменательным событием в европейско-американских отношениях. Во-первых, оно было благожелательно принято руководством ЕС и лидерами ключевых европейских государств, позитивно откликнувшись на инициативу Вашингтона. Однозначную поддержку проекту оказали премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и канцлер ФРГ А. Меркель. Об устойчивой поддержке американской инициативы со стороны лидеров ключевых государств ЕС говорит и то, что они не стали сворачивать переговоры по ТТИП даже на фоне произошедшего уже летом 2013 г. «шпионского скандала», связанного с публикацией информации о массовой прослушке американцами союзников в рамках программ Агентства национальной безопасности. Так, тогдашний министр иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле заявил о недопустимости «непродуманного антиамериканского ответа» и призвал к продолжению переговоров по ТТИП [NSA revelations., 2013]. Во-вторых, инициатива ТТИП стала, по сути, евро-атлантической версией другого партнерства – Транстихоокеанского, к тому времени продвигаемого США в АТР уже несколько лет. Запуск нового, во многом аналогичного проекта в Евroatлантике служил своего рода демонстрацией того, что аме-

риканский «разворот в Азию» не означает отказа США от стратегических отношений с ЕС, который сохраняет свою значимость как ключевой глобальный партнер Вашингтона.

Нужно отметить, что сам по себе проект всеобъемлющего экономического соглашения между США и ЕС не нов. Еще в Трансатлантической декларации 1990 г., очертившей первые контуры политических и институциональных механизмов взаимодействия между США и ЕС, указывалось на необходимость углубления сотрудничества по таким вопросам, как «технические и нетарифные барьеры в торговле промышленной и сельскохозяйственной продукцией, сектор услуг, регулирование рыночной конкуренции, транспортная политика, стандарты, телекоммуникация, технологии и другие сферы» [Transatlantic declaration., 1990].

При администрации У. Клинтона эти идеи попытались развить в виде проекта Трансатлантической зоны свободной торговли (ТАФТА), которая, по аналогии с НАФТА, должна была стать второй большой ЗСТ, опоясывавшей США [Михеев, 2013]. Однако неготовность американского и европейского бизнеса к взаимному открытию рынков в рамках двустороннего соглашения, а также общая ориентация Вашингтона на развитие глобального режима торговли на долгие годы отбросили американо-европейские переговоры в торговой сфере на уровень ВТО. В 2000-е годы основной площадкой, посредством которой Вашингтон стремился добиться уступок со стороны европейцев по вопросам трансатлантического режима торговли и инвестиций, являлся Дохийский раунд обсуждения реформы ВТО, в рамках которого противоречия между промышленно развитыми странами были едва ли не более значительными, чем традиционные противоречия между глобальным Севером и глобальным Югом [Стиглиц, Чарлтон, 2006, с. 62–70].

Несмотря на то что при администрации Дж. Буша-мл. Дохийский раунд продолжал формально оставаться главной площадкой переговоров в рамках реформы международного режима торговли, его неудача, ставшая очевидной к 2005 г., дала импульс к возникновению новых инициатив в трансатлантических отношениях. В 2007 г. был создан Трансатлантический экономический совет, призванный стимулировать сотрудничество между США и ЕС

по широкому кругу вопросов экономических отношений, а также играть роль институциональной площадки для подготовки американо-европейского соглашения по ЗСТ. Появление инициативы ТТИП, таким образом, является логическим продолжением американской политики предшествующих лет.

Заключение соглашения по ТТИП на данном этапе с точки зрения американских интересов является особенно своевременным и позволит США добиться следующих результатов.

Во-первых, одним из последствий вступления в силу соглашения о ТТИП станет еще большее закрепление геополитической и геоэкономической ориентации европейских союзников на Вашингтон и сохранение атлантической солидарности в то время, как США переориентируются в сторону АТР. Как пишет известный эксперт по трансатлантическим отношениям Дж. Демпси, «ЕС не сможет самостоятельно влиять на правила торговли, слабый и расколотый Запад не будет способен вовлечь Китай в свой миропорядок» [Dempsey, 2015]. Консолидация США и ЕС облегчит задачу каждого из союзников в вопросах взаимодействия с растущим Китаем и его вовлечения в западный миропорядок.

Скорее всего, связывая ЕС и США посредством экономического регулирования, ТТИП также будет способствовать военно-политическому единению сторон. Обеспечивая международную безопасность в Западной Европе, американская сторона создает условия для перманентной зависимости европейских стран НАТО и ЕС от США. Сейчас, даже в условиях украинского кризиса, европейские страны НАТО не идут на существенное увеличение расходов на оборону. Только три страны НАТО, являющиеся одновременно членами ЕС, выполняют согласованные на саммите альянса рекомендации о выделении не менее 2% ВВП на военные нужды [Bendavid, 2015]. Вероятно, ТТИП сделает ЕС еще более зависимым от США в вопросе обеспечения европейской безопасности. Но, безусловно, ТТИП также привнесет позитивный психологический аспект в процесс экономической интеграции Евроатлантики. Соглашение ЕС и США будет символизировать начало новой эпохи в развитии двусторонних отношений. Таким образом, подписав соглашение о ТТИП, США намерены добавить еще одно основание в

фундамент двусторонних отношений – скрепить взаимодействие союзников не только сотрудничеством по линии НАТО, но и институционализированным экономическим взаимодействием.

Во-вторых, новое соглашение, обладающее огромным торгово-экономическим потенциалом, установит новые нормы и стандарты экономического взаимодействия в Евроатлантике, которые в дальнейшем могут быть распространены и на других участников международного сообщества [Hamilton, Blockmans, 2015]. Эксперты характеризуют ТТИП не столько как договор, предоставляющий экономические преимущества (существование которых оспаривается некоторыми учеными – первые заметные изменения произойдут не ранее, чем через несколько лет), но и как соглашение, сулящее безусловные стратегические выгоды обоим партнерам, прежде всего США.

На фоне усиления соперничества великих держав в условиях изменения баланса сил в мире союзники намерены создать новые правила регулирования торговой и инвестиционной областей сотрудничества. Вашингтону принципиально важна поддержка европейских союзников в деле преобразования глобальных правил игры в экономической сфере [Korteweg, 2015]. США видят в ЕС защитника и сторонника буквы и духа идеи о либерализации торговли. Соглашение позволит США и ЕС укрепить свою мощь и конкурентные преимущества в соперничестве с Китаем. Отстаивая либерально-демократические ценности, включающие в себя приверженность демократии и верховенству закона, подотчетность, политическую и финансовую прозрачность, США и их европейские союзники рассчитывают удержать лидерские позиции [Bishop, 2015], так как, с их точки зрения, ни Китай, ни РФ, ни страны Персидского залива не смогут создать более совершенные стандарты. Таким образом, инициатива ТТИП вкупе с направленным в Азию ТТП фактически является попыткой выхода «через черный ход» из тупика, в котором оказалась ВТО.

В-третьих, ТТИП способно существенно облегчить доступ США на европейский рынок. В настоящий момент европейские товары на едином европейском рынке защищены от иностранной конкуренции высокими стандартами качества, установленными

Европейской комиссией (ЕК) для продукции стран – членов объединения. Извне на европейский рынок могут попасть только те товары, которые удовлетворяют европейским нормам. Таким образом, ЕК защищает европейского производителя, не позволяя более дешевым, но менее качественным товарам проникать на рынок.

Однако в связи с тем, что США и ЕС намерены в рамках ТТИП отменить нетарифные барьеры и гармонизировать свои стандарты, приведя их к некому среднему знаменателю, европейцам придется пойти на значительные уступки, понизив для США порог качества товаров, имеющих законный доступ к европейскому рынку. ЕС предварительно согласился внести в ТТИП принцип взаимного признания для некоторых товаров, подразумевающий, что тот товар, который соответствует стандартам США, будет признан пригодным к продаже на территории 28 европейских государств. Одновременно все европейские товары, отвечающие европейским нормам, получают такой же полный доступ к американскому рынку.

Сложность состоит в том, что американские стандарты на порядок ниже европейских. Даже с учетом транспортировки большинство товаров, произведенных в США, априори будут дешевле, а следовательно, и более конкурентоспособны по сравнению со своими европейскими аналогами. Американские компании получают прямой доступ к рынку с полумиллиардным населением. Это может нанести ущерб целым отраслям экономики ЕС. К примеру, по предварительным оценкам, в результате заключения соглашения о ТТИП пострадает аграрный сектор ЕС.

Таким образом, ТТИП можно рассматривать как инструмент комплексной консолидации евро-атлантических связей. Основная цель США состоит в изменении существующих правил и стандартов экономического регулирования как на глобальном уровне, так и в рамках евро-атлантического пространства с помощью продвижения трансрегионального торгового объединения. При этом геополитическое значение ТТИП в американской внешней политике возрастает по мере углубления процесса перестройки международной системы, все дальше уходящей от эпохи «однополярного мира». Помимо получения заявленных экономических выгод, ско-

рее всего, ТТИП будет способствовать укреплению лидирующей роли США и консолидации Евроатлантики – США, ЕС и ассоциируемых с Европейским союзом стран.

Заключение

Создание ТТИП способно оказать комплексное воздействие на трансатлантические отношения, существенно упрочнив американские позиции в Европе и сформировав дополнительную – экономическую – институциональную опору влияния США на европейском континенте. В рамках новой глобальной стратегии США формирование американоцентричных объединений должно стать одним из столпов новой структуры мирового экономического порядка. Таким образом, возникновению мегаблоков способствует, с одной стороны, появление новых центров силы, стремящихся к обретению собственной, независимой роли на международной арене, а с другой – стремление США, инициировавших формирование мегаблоков ТТП и ТТИП, сохранить свое глобальное лидерство при помощи дальнейшей трансформации этих блоков в универсальный экономический режим. Отказ какого-либо государства от присоединения к такому трансрегиональному объединению может стать причиной дальнейшей маргинализации данной страны [Суслов, 2016].

Следует отметить, что и другие центры силы стараются не отставать от своих американских конкурентов. Непосредственным региональным соперником ТТП выступает сформировавшееся вокруг АСЕАН и также направленное на «перезагрузку» правил региональной торговли Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), одним из лидеров и апологетов которого является Пекин [Кадочников, Пономарева, 2014]. К инициативам подобного рода относится и китайский проект Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), объединившего как региональных (АТР), так и многих внерегиональных игроков под единым институциональным зонтиком с целью аккумуляции финансовых ресурсов и выработки единых правил и стратегий социально-экономического развития стран Азии.

При этом на пути заключения соглашения по ТТИП сохраняется много препятствий. К мощной внутривластной оппозиции соглашению по ТТИП, существующей в США и в странах ЕС, в настоящий момент добавился уже ставший знаковым «Brexit-фактор» – выход Великобритании из европейского интеграционного проекта, способный существенно замедлить переговоры по трансатлантической ЗСТ. Однако представляется, что эти препятствия могут лишь замедлить процесс заключения соглашения, но не могут его остановить или полностью отменить в силу большого стратегического значения, которое ТТИП имеет как для США, так и для их европейских союзников. Проект ТТИП способен дать мощный импульс динамике трансатлантических отношений в двух плоскостях: экономической (как инструмент обеспечения доступа на рынки) и геополитической (как фактор стратегической консолидации Запада в условиях стремительно меняющейся международной обстановки). Так, запуская в 2013 г. переговорный процесс, Б. Обама призвал рассматривать торговый блок с точки зрения «более широкой перспективы», отмечая, что «экономический альянс будет столь же силен, сколь и альянс безопасности», и упрочит уже имеющуюся оборонную связку [Remarks., 2013].

В этом контексте успешное достижение соглашения по ТТИП будет означать важную победу Вашингтона в плане институциональной фиксации влияния США в Европе. Однако даже в форме переговорного процесса ТТИП, по сути, уже выполнило задачу – минимум американской политики на европейском направлении, сформировав долгосрочную повестку трансатлантического диалога в торгово-экономическом измерении.

Список литературы

Гейтс Р. Долг: Мемуары министра войны / Пер. с англ. В. Желников. – М.: АСТ, 2014. – 800 с.

Глуценко Ю.Н. Состояние, проблемы и перспективы сотрудничества США и ЕС в экономической сфере // Проблемы национальной стратегии / МГИМО. – М., 2011. – № 4 (9). – С. 146–161. – Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/12.1.4_gluschenko.pdf (Дата обращения – 18.07.2016).

Кадочников П.А., Пономарева О.В. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства: Перспективы и последствия // Российский внешнеэкономический вестник / ВАВТ. – М., 2014. – № 10. – С. 3–10. – Режим доступа: [http://www.rfej.ru/rvv/id/40048B3BA/\\$file/3-10.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/40048B3BA/$file/3-10.pdf) (Дата обращения – 18.07.2016).

Михеев В. Пакт трансатлантической солидарности: Америка вспомнила о Европе благодаря Китаю // Вся Европа. – М., 2013. – № 2 (74). – Режим доступа: <http://alleuropalux.org/?p=4550> (Дата обращения – 18.07.2016).

Най Дж.С. Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век / Пер. с англ. В. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.

Портанский А.П. Мегарегиональный вызов: В поисках выхода из торговых лабиринтов новой эпохи // Россия в глобальной политике. – М., 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Megaregionalnyi-vyzov-17936> (Дата обращения – 18.07.2016).

Стент А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга: Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / Пер. с англ. Е. Лалаян. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.

Стиглиц Дж.Ю., Чарлтон Э. Справедливая торговля для всех: Как торговля может способствовать развитию / Пер. с англ. Н.В. Заборин, А.Д. Зверев, Л.С. Головина. – М.: Весь мир, 2006. – 280 с.

Суслов Д.В. Регионализация и хаос во взаимозависимом мире: Глобальный контекст к началу 2016 года // Валдайские записки / Международный дискуссионный клуб «Валдай». – М., 2016. – № 3 (43), январь. – 14 с. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/10063/> (Дата обращения – 18.07.2016).

Bendavid N. Just five of 28 NATO members meet defense spending goal, report says // The Wall Street J. – N.Y., 2015. – 22.06. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/nato-calls-for-rise-in-defence-spending-by-alliance-members-1434978193> (Дата обращения – 18.07.2016).

Bishop A.D. Standard power: The new geopolitical battle // The National Interest. – Wash., 2015. – 07.10. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017> (Дата обращения – 18.07.2016).

Dempsey J. The huge geopolitical and security implications of TTIP / Carnegie Europe. – Brussels, 2015. – 03.10. – Mode of access: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=61507> (Дата обращения – 18.07.2016).

Gilpin R. Global political economy: Understanding the international economic order. – Princeton, NJ: Princeton univ. press., 2001. – 440 p.

Griffith M.K., Steinberg R., Zysman J. Great power politics in a global economy: Origins and consequences of the TPP and TTI: Paper prepared for presentation at a conference entitled «Unpacking the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) negotiations». – Brussels, 2015. – 17.10. – 23 p. – Mode of access: URL: <http://www.brie.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/02/Great-Power-Politics-in-a-Global-Economy-Origins-and-Consequences-of-the-TPP-and-TTIP.pdf> (Дата обращения – 18.07.2016).

Hamilton D., Blockmans S. The geostrategic implications of TTIP // CEPS special report / Centre for European policy studies. – Brussels, 2015. – N 105, April. – 16 p. – Mode of access: <https://www.ceps.eu/system/files/SR105%20Geopolitics%20of%20TTIP%20Hamilton%20and%20Blockmans.pdf> (Дата обращения – 18.07.2016).

Korteweg R. It's the geopolitics, stupid: Why TTIP matters / Centre for European reform. – L., 2015. – 02.04. – Mode of access: [https://www.cer.org.uk/insights/it's-geopolitics-stupid-why-ttip-matters](https://www.cer.org.uk/insights/it-s-geopolitics-stupid-why-ttip-matters) (Дата обращения – 18.07.2016).

Mansfield E.D., Solingen E. Regionalism // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 2010. – Vol. 13. – P. 145–163.

National export initiative introduction // International trade administration. US Department of commerce. – Wash., 2010. – 27.01. – Mode of access: <http://www.trade.gov/nei/nei-introduction-state-of-the-union-012710.asp> (Дата обращения – 18.07.2016).

NSA revelations: Merkel rival calls for suspension of trade talks // Spiegel Online International. – Berlin, 2013. – 26.08. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/germany/merkel-challenger-says-free-trade-talks-with-us-should-be-frozen-a-918649.html> (Дата обращения – 18.07.2016).

Obama's Berlin speech: «A world that stands as one» // Spiegel Online International. – Berlin, 2008. – 24.07. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/international/germany/obama-s-berlin-speech-a-world-that-stands-as-one-a-567920.html> (Дата обращения – 18.07.2016).

Remarks by President Obama, UK Prime Minister Cameron, European Commission President Barroso, and European Council President Van Rompuy on the Transatlantic Trade and Investment Partnership // The White House. – Lough Erne, Northern Ireland, 2013. – 17.06. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/remarks-president-obama-uk-prime-minister-cameron-european-commission-pr> (Дата обращения – 18.07.2016).

Rosecrance R.N. The rise of the trading state: Commerce and conquest in the modern world. – N.Y.: Basic Books, 1986. – 268 p.

Transatlantic declaration on EC-US relations // European Union. External Action. – Brussels, 1990. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (Дата обращения – 18.07.2016).

И.Г. Ковалев

Между Сциллой и Харибдой: Британия в современном мире

Аннотация. В статье исследуется проблема поиска Великобританией современной внешнеполитической стратегии в условиях формирующейся системы многополярного мира. Анализируются исторический опыт и перспективы взаимоотношений Соединенного Королевства с США, ЕС и развивающимися странами, прежде всего с новыми центрами силы – Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии, а также с государствами Содружества. Особое внимание уделяется новейшим тенденциям во внешнеполитической стратегии страны – эволюции «особых отношений» с Вашингтоном и специфике участия Лондона в европейских интеграционных процессах.

Abstract. The article examines the problem how the UK is finding current strategy of foreign policy in the emerging multipolar world system. Author analyzes the historical experience and prospects of relations of the United Kingdom with the US, EU and developing countries, especially with new centers of power – China, India, Southeast Asia and Commonwealth States. Special attention is paid to the latest trends in the foreign policy of the country – the evolution of a «special relationship» with the US and the specificities of London participation in the European integration processes.

Ключевые слова: Великобритания, внешняя политика, Консервативная партия, Лейбористская партия, «особые отношения», европейская интеграция, Содружество, глобализация.

Keywords: United Kingdom, foreign policy, Conservative party, Labour Party, «special relationship», European integration, Commonwealth, globalization.

Современные международные отношения переживают сложный и во многом определяющий период своего развития, формирования новых и до конца еще непонятных тенденций усиления полицентричности, возникновения новых центров силы, способных оказывать существенное влияние на мировую политику и экономику. «Этот процесс, – отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, – проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым» [Концепция..., 2013]. В этих условиях проблема выработки адекватной современным реалиям и вызовам внешнеполитической стратегии приобретает особую актуальность и значимость. Без всестороннего анализа новейших тенденций межгосударственных отношений, четкого понимания того, как формирующаяся новая архитектура глобального взаимодействия оценивается ведущими полюсами нынешнего многополярного мира, формирование подобной стратегии вряд ли представляется возможным.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, давно утратив статус ведущей мировой державы и бывшее могущество, тем не менее по-прежнему играет важную и заметную роль в современной системе международных отношений. Статус члена «ядерного клуба» и серьезный военный потенциал, пятая позиция среди всех стран по объему ВВП в 2015 г. и роль одного из крупнейших финансовых центров мира, место постоянного члена Совета Безопасности ООН и членство в ведущих международных организациях универсального и регионального характера – все это позволяет отнести Великобританию к разряду тех стран, которые во многом определяют текущую политическую повестку дня, оказывают заметное влияние на процессы взаимодействия между государствами как на региональном, так и на глобальном уровне.

От мирового лидера к «великой державе второго ранга»

Исторически в формировании внешнеполитической стратегии Соединенного Королевства чрезвычайно важную роль играли традиции и преемственность. Британские политики всегда скептически относились к резким сменам курса, достаточно вспомнить их длительную приверженность доктрине «блестящей изоляции» и принципу постоянных глобальных интересов и временных союзников. Вместе с тем такая преемственность никогда не означала отказа от необходимости учета текущих реалий и пересмотра, казалось бы, незыблемых внешнеполитических догм и клише, тактического маневрирования и даже смены стратегических ориентиров в условиях очевидной трансформации международного ландшафта.

Как известно, современные ключевые векторы британской внешней политики сформировались вскоре после окончания Второй мировой войны и самым непосредственным образом были связаны с кардинальным изменением структуры и геометрии тогдашних международных отношений. Примечательно, что основную часть работы по определению приоритетов деятельности на международной арене в тот период времени выполняли находившиеся в оппозиции консерваторы. На наш взгляд, это, во-первых, было констатацией полного межпартийного консенсуса в этой сфере, а во-вторых, означало, что правящий лейбористский кабинет К. Эттли, осознавая свою недостаточную компетенцию во внешнеполитических делах, фактически перепоручил эту деятельность более опытным тори. Как следствие решающую роль в определении долгосрочных стратегических ориентиров страны в области международных отношений сыграл один из самых авторитетных политиков того времени – У. Черчилль, который сформулировал их в знаменитой серии своих послевоенных выступлений.

Наиболее известной из них, бесспорно, является Фултонская речь, которая не только инициировала начало холодной войны, но и ввела в политический лексикон целый ряд ярких образных выражений и идиом, а также зафиксировала главный внешнеполитический приоритет Соединенного Королевства – особые отношения с США. «Мне трудно представить, – отмечал патриарх британской политики, – что обеспечение эффективных мер по предотвраще-

нию новой войны и развитию тесного сотрудничества между народами было бы возможно без создания того, что я бы назвал братским союзом англоязычных стран. Под этим я имею в виду особые отношения между Великобританией и Британским Содружеством наций, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки – с другой... Такого рода братский союз означает не только всемерное укрепление дружбы и взаимопонимания между нашими двумя столь схожими политическими и общественными системами народами, но и продолжение тесного сотрудничества между нашими военными советниками с переходом в дальнейшем к совместному выявлению потенциальной военной угрозы, разработке схожих видов вооружений и инструкций по обращению с ними, а также взаимному обмену офицерами и курсантами военных и военнотехнических учебных заведений» [Черчилль, 2006, с. 472].

В условиях послевоенных реалий, разрухи и проблем восстановления хозяйства стран Западной Европы США, по сути, были единственным реальным возможным союзником для Великобритании в формирующейся Потсдамской системе межгосударственных связей. Вместе с тем, выступая с программной речью в Вестминстерском колледже провинциального американского городка, У. Черчилль демонстрировал очевидное стремление сохранить за своей страной лидерскую роль в новых исторических условиях. «Никто не должен недооценивать силу Великобритании и Британского Содружества наций... – подчеркивал он. – Если народы Великобритании и Британского Содружества наций объединят свои усилия с народом Соединенных Штатов Америки на основе тесного сотрудничества во всех областях и сферах – и в воздухе, и на море, и в науке, и в технологии, и в культуре, – то мир забудет о том беспокойном времени, когда пресловутое, но столь неустойчивое равновесие сил, могло провоцировать некоторые страны на проведение политики непомерных амбиций и авантюризма, и человечество наконец-то сможет жить в условиях полной и гарантированной безопасности» [Черчилль, 2006, с. 488–489]. Искушенный политик, блестящий оратор и лидер консерваторов надеялся, что, опираясь на союз с американцами, Соединенное Королевство сможет сохранить свою позицию одной из великих держав и по-

прежнему будет влиять на важнейшие процессы в международных отношениях новой эпохи.

Другим послевоенным стратегическим ориентиром Великобритании, предложенным У. Черчиллем в 1946 г., стала идея объединения Европы. В своем выступлении в Цюрихском университете он, неожиданно для многих, призвал европейцев к объединению. «Мы должны, – убеждал он слушателей, – построить нечто наподобие Соединенных штатов Европы. И только таким образом сотни миллионов трудящихся смогут вновь обрести простые радости и надежды, ради которых стоит жить» [Churchill, 1946, p. 2]. Вместе с тем и этот проект опытный политик рассматривал прежде всего как вариант сохранения лидерских позиций своей страны, отводя ей роль наставника и покровителя такого объединения.

Окончательные очертания британская стратегия на международной арене в новых исторических условиях обрела осенью 1948 г. Выступая 9 октября на партийной конференции в Уэльсе, У. Черчилль предложил знаменитую концепцию «трех сфер». Он заявил, что приоритетными направлениями внешней политики Великобритании должны стать, во-первых, Британская империя и Содружество, во-вторых, англоговорящий мир и США и, в-третьих, объединенная Европа. «Эти три величественные сферы тесно взаимодействуют, – отмечал лидер консерваторов, – и если они будут неразрывно связаны между собой, то не существует сил или коалиций, которые могли бы свергнуть их или даже бросить им вызов» [Churchill, 1950, p. 417]. Очевидно, что британская правящая элита, используя эту концепцию, надеялась не просто остаться в центре пересечения всех трех указанных сфер, но и добиться укрепления своей роли в мировой политике. Предполагалось, что, опираясь на общую историю, географическую близость, а также военный союз, Великобритания в качестве ядра империи и Содружества, лидера Европы и ближайшего союзника США прочно закрепит за собой возможность оказывать определяющее влияние на международные отношения.

Впрочем, стремление Соединенного Королевства сохранить лидерские позиции в послевоенном мире оказалось эфемерным. Маневрирование одновременно в трех сферах, попытки совместить

с наибольшей выгодой для себя интересы столь разных акторов мировых политических и экономических процессов оказались непосильной задачей даже для высокопрофессиональной и многоопытной британской дипломатии. Прежде всего первое послевоенное десятилетие было ознаменовано очевидным кризисом во взаимоотношениях метрополии с колониями и доминионами. Провозглашение Ирландии независимой республикой, предоставление независимости Индии, Бирме и Цейлону, отказ от мандата на Палестину, серьезные проблемы с сохранением английского влияния на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии стали очевидными свидетельствами начала распада Британской империи. Суэцкий кризис осенью 1956 г., когда Великобритания, столкнувшись с негативной реакцией со стороны СССР и США на свои попытки сохранить влияние в Египте, вынуждена была прекратить агрессию, стал одним из самых серьезных внешнеполитических провалов Соединенного Королевства в XX в. В этой связи деколонизация и окончательный распад империи превратились в неотвратимую реальность, а взаимоотношения с Содружеством перестали быть внешнеполитическим приоритетом. «Великобритания потеряла империю, – справедливо отмечал вскоре после суэцкой авантюры государственный секретарь США Д. Ачесон, – и пока не нашла для себя надлежащей роли» (цит. по: [Ball, 1968, p. 69]). Страна – победительница во Второй мировой войне и неотъемлемый элемент «большой тройки» была вынуждена признать свое фактическое превращение в «державу второго ранга» и начать поиск прагматической позиции в новой системе международных координат и набиравшей обороты холодной войны.

В условиях биполярного мира на длительный период времени абсолютным приоритетом для Лондона стали «особые отношения» с США. Можно с уверенностью утверждать, что, именно опираясь на военно-техническую и политическую поддержку Вашингтона, Великобритания на протяжении всей второй половины XX в. пыталась найти свое место в Потсдамской системе международных взаимодействий. Во многом благодаря этому сотрудничеству Соединенное Королевство смогло стать членом «клуба ядерных держав», согласилось на фактическое преобразование

сформированного во многом под его эгидой в 1948 г. Брюссельского пакта в НАТО, превратилось в ближайшего и наиболее последовательного военно-стратегического партнера США. При этом Лондон практически всегда, вне зависимости от того, какая партия находилась у власти, выступал в роли младшего партнера и послушно следовал в фарватере американской внешнеполитической стратегии. Например, правительство К. Эттли всецело поддержало доктрину Трумэна, предусматривавшую поддержку правых сил в Греции и Турции, согласилось на объединение американской и британской зон оккупации в Германии, отправило английских солдат для участия в Корейской войне. Сменившие лейбористов в 1951 г. у руля государственного управления консерваторы оказали существенную помощь США в реализации программы укрепления НАТО, приведшую к приему в состав блока ФРГ, подписали в 1957 г. совместную англо-американскую декларацию о «взаимозависимости» в военно-стратегической сфере. Премьер-министр Г. Макмиллан в 1962 г. в Нассау согласился с тем, что американцы будут поставлять для английских ядерных сил баллистические и крылатые ракеты «Поларис», системы наведения, а также информацию о возможности применения такого оружия. Фактически это решение означало утрату Британией самостоятельности в области дальнейшего развития потенциала ядерных вооружений.

В 1980-х годах, в период «консервативной революции», М. Тэтчер попыталась усилить позиции Соединенного Королевства на международной арене и даже добиться определенного выравнивания «особых отношений» с США, продемонстрировать наличие суверенных интересов. В 1982 г. «железная леди» неожиданно для Р. Рейгана отказалась поддержать американское эмбарго на поставки оборудования для строительства газопровода из СССР в Западную Европу. В октябре 1983 г. крайнее раздражение консервативного правительства вызвала американская интервенция в Гренаду, которая была расценена как ущемление традиционных британских интересов. Однако, несмотря на это, «особые отношения» в целом были сохранены, и Лондон усиливал свои позиции на международной арене, только опираясь на союз с Вашингтоном. В частности, М. Тэтчер смогла заручиться полной и безоговорочной

поддержкой американцев в период Фолклендской войны, а в 1980 г. подписала договор о замене ракет «Поларис» на более современные «Трайденнты» в процессе модернизации британских сил ядерного сдерживания. Соединенное Королевство полностью солидаризировалось с американцами в их политике на Ближнем и Среднем Востоке, предоставило в 1986 г. США свои аэродромы для нанесения бомбовых ударов по Ливии.

Вторая по значению сфера внешнеполитических интересов Соединенного Королевства – взаимодействие со странами континентальной Европы – также с началом холодной войны фактически приобрела особый характер. С одной стороны, Великобритания выступила инициатором процесса формирования своеобразной третьей силы в послевоенных международных отношениях – «Соединенных Штатов Европы». С другой стороны, английская политическая элита не без оснований опасалась, что не сможет сохранить за собой лидерство в разворачивавшихся интеграционных процессах и проиграет в условиях жесткой конкуренции с Францией и быстро преодолевшей тяжелые последствия Второй мировой войны ФРГ. В итоге Великобритания не вошла ни в созданное в 1951 г. Европейское объединение угля и стали, ни в сформированные в 1957 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Евратом. Попытка реализовать альтернативный интеграционный проект в лице Европейской ассоциации свободной торговли оказалась явно неудачной, и, как следствие, уже в 1961 г. правительство Г. Макмиллана подало первую заявку на вступление в Общий рынок.

Экономические проблемы 1960-х годов, переросшие в кризис 1970-х годов, превративший Великобританию в «больного человека Европы», побудили ее более настойчиво добиваться присоединения к доказавшему свою состоятельность и эффективность ЕЭС. Однако добиться этого удалось лишь после ухода с политической арены принципиального противника членства Великобритании в Общем рынке Ш. де Голля. С 1 января 1973 г. Соединенное Королевство стало членом ЕЭС, согласившись при этом на сокращение преференций в торговле со странами Содружества, на более обременительный по сравнению с ФРГ и Францией взнос в бюджет Общего рынка, а также смирившись с неблагоприятными условия-

ми для английских производителей сельскохозяйственной продукции. При этом важно отметить, что подключение Великобритании к магистральному направлению региональной интеграции преследовало еще одну важную задачу. Лондон всячески стремился стать своеобразным посредником во взаимоотношениях США и Европы, что окончательно закрепило эти сферы в качестве безусловного приоритета внешнеполитической стратегии страны.

При этом важно иметь в виду, что политика балансирования между двумя глобальными центрами с целью получения максимально возможной для Соединенного Королевства выгоды была сопряжена с определенными рисками и издержками. Она объективно вела к расколу британского истеблишмента по вопросу о ключевых приоритетах в международных отношениях, способствовала усилению противостояния между еврооптимистами и евроскептиками. Дело дошло даже до проведения в 1975 г. первого в истории Великобритании общенационального референдума по вопросу об участии страны в ЕЭС, на котором 67% избирателей высказались за сохранение членства в Общем рынке, а 33% проголосовали против этого [Bogdanov, 2014]. Такое решение избирателей, бесспорно, способствовало определенному укреплению евроцентричных тенденций в британской внешней политике и некоторому уменьшению роли атлантизма. Вместе с тем как лейбористские, так и консервативные премьер-министры в 1970–1990-х годах последовательно проводили политику особого участия своей страны в европейских интеграционных процессах. В результате Соединенное Королевство решило не участвовать в зоне евро, отвергло идею об отмене визового контроля на общих границах, зафиксированную в Шенгенских соглашениях, демонстрировало стремление максимально сохранить свою экономическую и политическую независимость.

Предельно четко приоритеты британской внешней политики в этом направлении в конце XX в. сформулировала М. Тэтчер в своей речи «Великобритания и Европа», произнесенной 20 сентября 1988 г. в европейском колледже в Брюгге. «Мы, британцы, – отмечала она, – даже в большей степени являемся наследниками достояния европейской культуры, чем любая другая нация. Наша

судьба в Европе» [Thatcher, 1988]. В то же время премьер-министр всячески подчеркивала необходимость сохранить лидирующую роль своей страны в регионе и крайне негативно относилась к проекту построения «федеративной Европы». По ее мнению, «Европа будет сильнее именно потому, что Франция остается Францией, Испания – Испанией, а Британия – Британией, со своими обычаями, традициями и национальным характером. Было бы большой глупостью впихнуть их всех в некую общую европейскую униформу» [Ibid.]. Иными словами, в условиях углубления интеграционных процессов Великобритания, действуя предельно прагматично, стремилась добиться доминирующего положения в западноевропейском центре силы. Кроме всего прочего, эта стратегия рассматривалась и как необходимый элемент для повышения роли страны в системе международных отношений в целом.

«Ударить сильнее своих возможностей»

Окончание холодной войны и крах биполярной системы международных отношений со всей очевидностью потребовали проведения модернизации британской внешнеполитической стратегии, ее приспособления к изменившемуся миру и трансформировавшимся условиям взаимодействия между государствами. «Новые лейбористы», прервавшие в 1997 г. 18-летний период доминирования консерваторов, в рамках своей концепции «третьего пути» среди прочих масштабных реформ попытались предложить и свое видение роли и места страны на международной арене в новых исторических условиях. Тони Блэр в программной речи «Принципы современной британской внешней политики», произнесенной 10 ноября 1997 г., значительное место уделит проблемам влияния глобализации на современные международные отношения и задаче усиления позиций страны в ключевых сферах мировой политики. Он определил роль Великобритании как «региональной державы с глобальной ответственностью», призвал к отказу от силовых инструментов решения международных конфликтов в пользу дипломатических, поддержал тезис о необходимости для Лондона искать возможность «ударить сильнее своих возможностей». Вместе с тем он подтвердил приоритетное значение трансатлантического

и европейского направлений внешней политики и выступил за то, чтобы Соединенное Королевство стало своеобразным «мостом между Европой и США» [Lunn, Miller, Smith, 2008, p. 20].

Несмотря на сохранение стратегических ориентиров во внешней политике Лондона, ее результативность в значительной мере отличалась от предшествовавшего периода тэтчеризма. В рамках «особых отношений» с США кабинет Э. Блэра с самого начала встал на путь полной и безоговорочной поддержки Вашингтона практически во всех важнейших вопросах мировой политики. Соединенное Королевство выступило в качестве стратегического союзника США в вопросе применения силы в отношении Ирака, оказалось вовлеченным в военную кампанию в Афганистане, активно участвовало в бомбардировках Югославии, полностью поддержало намерение американских властей создать новую систему противоракетной обороны. В итоге это привело вовсе не к укреплению позиций Великобритании на международной арене, а к признанию ее очевидной полной зависимости от США и употреблению по отношению к лично Э. Блэру обидного прозвища «пудель мистера Буша» [Watson, 2003].

Патетические призывы Э. Блэра, провозглашавшего, что Соединенное Королевство должно вернуться «в сердце европейской политики» и стать мостом между США и ЕС, также оказались иллюзорными. В отличие от консерваторов, «новые лейбористы» попытались существенно усилить роль Великобритании в Европе при помощи более активного включения в интеграционные процессы. «Я абсолютно убежден, – подчеркивал Э. Блэр в своем интервью сотруднику Би-би-си Дж. Паксману, – что место нашей страны и ее судьба связаны с Европой. Это – экономический союз, и мы не должны отказываться от него по политическим соображениям. Я убежден, что это было бы предательством наших национальных интересов» (цит. по: [Литвинова, 2015]). Следствием такого подхода стал курс на лидерство в Европейском союзе и присоединение к тем интеграционным проектам, в которых Великобритания ранее не участвовала. Уже в июне 1997 г. на саммите в Амстердаме лейбористы согласились на присоединение к социальной главе Маастрихтского договора, устанавливавшей общеевропейские нормы по

условиям труда и заработной плате. Кроме этого, Э. Блэр и его министры принимали самое деятельное участие в модернизации Договора о Европейском союзе и инициировали обсуждение проблемы проведения общей европейской внешней политики в области безопасности и обороны, всячески поддерживали планы расширения ЕС, а также проекты проведения институциональных и структурных реформ [Ambitions..., 2001, p. 38].

В рамках заявленного курса на достижение лидерских позиций в европейской интеграции лейбористы даже подняли вопрос о возможности присоединения Великобритании к зоне евро. Однако, учитывая масштабы евроскептических настроений и значимость финансового сектора для экономики страны, Казначейство сформулировало пять предварительных критериев, выполнение которых могло позволить Великобритании присоединиться к Экономическому и валютному союзу ЕС. Для этого было необходимо: синхронизировать экономический цикл Соединенного Королевства со странами континентальной Европы, провести подготовительные мероприятия для работы с евро, принять соответствующее законодательство, определить способность европейских рынков эффективно реагировать на экономические кризисы, а также четко понять, как валютный союз повлияет на инвестиционный климат [UK membership..., 2003]. В 1999 г. Э. Блэр возглавил межпартийное объединение «Великобритания в Европе», которое развернуло масштабную пропагандистскую кампанию за присоединение к зоне евро. Однако сломить сопротивление евроскептиков так и не удалось. В итоге обещание провести референдум по данному вопросу оказалось нереализованным. В 2005 г. лейбористское правительство было вынуждено признать, что переход к общеевропейской валюте противоречит национальным интересам страны [Financial..., 2005, p. 598]. В условиях начавшегося в 2008 г. мирового финансового кризиса и развития негативных тенденций в экономическом развитии данная проблема окончательно была снята с политической повестки дня.

Не удалось «новым лейбористам» добиться серьезного укрепления роли Великобритании и в других направлениях развития европейской интеграции. В рамках работы Конвента по разработке

текста Конституции ЕС британские представители активно препятствовали включению в нее федералистских принципов, настоятельно требовали проведения серьезных институциональных реформ, ратовали за усиление принципа субсидиарности [Miller, 2003]. Лондону благодаря искусным маневрам и тактике противопоставления «новых» и «старых» членов ЕС даже удалось привлечь на свою сторону такие страны, как Чехия, Венгрия, Кипр, Мальта и Польша. Воодушевленный этим успехом, Э. Блэр в апреле 2004 г. заявил о вынесении вопроса об Основном законе ЕС на референдум. Этим решением он пытался придать европейской Конституции большую легитимность, а также надеялся ослабить своих политических оппонентов из консервативного лагеря и нейтрализовать евроскептиков в рядах собственной партии. В предвыборном манифесте 2005 г. лейбористы характеризовали Конституцию ЕС как «хороший договор для Великобритании и Европы», обещали провести кампанию в ее поддержку с целью «сохранения Великобритании в качестве ведущей нации в Европе» и внести соответствующий законопроект для проведения плебисцита [Britain forward..., 2005, p. 83–84].

Однако негативные результаты референдумов по данному документу во Франции в мае 2005 г. и в Нидерландах в июне того же года внесли коррективы в планы кабинета Блэра. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Стро 6 июня 2005 г. заявил в Палате общин, что данный вопрос будет отложен до лучших времен и отозвал уже внесенный Билль о референдуме по Конституции ЕС [EU Constitutional..., 2005]. После этого европейская проблематика в политическом курсе лейбористов отошла на второй план, а британская дипломатия вернулась к привычной тактике продавливания особых условий для Соединенного Королевства в общеевропейских правовых нормах. В целом можно с уверенностью утверждать, что новые вызовы и реалии первого десятилетия XX в. не привели к серьезным переменам в основных внешнеполитических ориентирах Великобритании. Она по-прежнему продолжала балансировать между США и Европейским союзом, прибегая время от времени лишь к определенной тактической корректировке этих двух своих стратегических сфер в международной политике.

Британия в современном многополярном мире

Важным рубежом в политической жизни Великобритании стал 2010 г. На всеобщих парламентских выборах 6 мая избиратели подвели черту под рекордно продолжительным 13-летним периодом доминирования лейбористов в политической жизни страны. Примечательно, что причинами отказа в доверии прежнему руководству стали не только проблемы в социально-экономическом развитии, вызванные мировым финансовым кризисом, но и очевидные просчеты во внешнеполитическом курсе, в частности участие в иракской войне. С этого времени полномочия по выработке новой стратегии в сфере международных отношений, причем как коалиционного правительства консерваторов и либеральных демократов, так и сформированного в мае 2015 г. однопартийного кабинета Д. Кэмерона, перешли в руки тори.

В первой же программной речи новый министр иностранных дел и бывший лидер консерваторов У. Хейг 1 июля 2010 г. отмечал: «Мир изменился, и, если мы не скорректируем в связи с этим роль Великобритании, это приведет к ее снижению во всем: от возможностей нашего влияния на мировые процессы до негативных последствий для нашей безопасности и нашей экономики» [Hague, 2010]. Основными новыми трендами мирового развития, по его мнению, стали: серьезное усиление экономического потенциала развивающихся стран Востока и Юга, очевидное расширение списка центров принятия важных международных решений, возникновение новых международных угроз и трансформация природы региональных конфликтов, а также формирование так называемого «сетевого мира» [Ibid.]. Учитывая, что все эти современные вызовы для Великобритании означали необходимость совместных и скоординированных действий с надежным союзником, «особые отношения» с Вашингтоном, бесспорно, остались основным приоритетом внешнеполитической стратегии консерваторов. «Наша общая история, ценности и интересы, прочная взаимосвязь наших экономик, традиция совместной работы на всех уровнях, – отмечал У. Хейг, – являются гарантом того, что США будут оставаться нашим важнейшим партнером в деле достижения наших международных целей» [Ibid.].

Вместе с тем консерваторы всячески стремились продемонстрировать британцам, что, в отличие от «новых лейбористов», они не собираются безоглядно следовать в фарватере внешнеполитических интересов США и будут прежде всего отстаивать национальные интересы собственной страны. Дело дошло до того, что Комитет по иностранным делам Палаты общин в специальном докладе, посвященном двусторонним отношениям, призвал отказаться от употребления давно ставшего устойчивым понятия «особые отношения» в силу его несоответствия текущим реалиям. «Мы пришли к выводу, – говорилось в документе, – что Великобритания имеет очень тесные и ценные отношения с США в конкретных областях сотрудничества, например в области разведки и безопасности, что исторические, торговые и культурные связи между двумя странами глубокие, что обе страны разделяют общие ценности и демонстрируют приверженность свободе, демократии и верховенству закона. Тем не менее использование фразы “особые отношения” в ее историческом контексте для описания всей совокупности постоянно меняющихся американо-британских отношений может ввести в заблуждение, и мы рекомендуем избегать этого» [Global security.., 2010, p. 3].

В этой связи можно говорить о стремлении британского истеблишмента на протяжении всего текущего десятилетия сохранить прочные привилегированные союзнические отношения с США, но при безусловном приоритете национальных интересов. Как следствие, за последние годы Великобритания не раз демонстрировала, что ее поддержка США отнюдь не является автоматической и гарантированной. В частности, в конце августа 2013 г. депутаты Палаты общин 285 голосами против 272 отвергли предложение о гуманитарной интервенции в Сирию [Syria crisis.., 2013]. В результате американцы потеряли стратегически важного союзника в планировавшейся операции по свержению правительства Б. Асада.

Важным представляется и то обстоятельство, что и для администрации президента Б. Обамы «особые отношения» с Великобританией также стали менее значимыми. Подтверждением этого является определенное сокращение взаимодействия США со странами Западной Европы и все более очевидное усиление их внеш-

неполитической активности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором позиции Соединенного Королевства не очень сильны, а также неоднократные заявления американских политиков о приоритетных отношениях с другими государствами. Серьезные опасения в Вашингтоне вызвало снижение на 9% за период с 2010 по 2015 г. расходов Великобритании на оборону и сокращение ее вооруженных сил [Goldberg, 2016]. Это поставило под вопрос целесообразность продолжения тесного сотрудничества двух стран в этой традиционной сфере «особых отношений». В этой связи интерес представляет эволюция позиции президента США. В мае 2011 г. во время своего официального визита в Лондон Б. Обама еще надеялся придать новый импульс двусторонним отношениям. Выступая перед британскими парламентариями, он заявил: «Я пришел сюда сегодня, чтобы подчеркнуть значение одного из старейших и самых сильных альянсов из известных когда-либо миру. Как было ранее сказано, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство связывают особые отношения» [Obama's speech., 2011]. Спустя всего пять лет, фактически подводя итоги своего внешнеполитического курса, Б. Обама отметил, что «Великобритания не сможет рассчитывать на особые отношения с нами, если не будет тратить на оборону хотя бы 2% своего ВВП» [Goldberg, 2016].

Вместе с тем, несмотря на определенную корректировку трансатлантического вектора во внешнеполитической стратегии Великобритании в текущем десятилетии, представляется, что тесное партнерство с США в обозримой перспективе сохранит свое приоритетное значение. Это обуславливается целым рядом факторов. Во-первых, очевидной зависимостью Соединенного Королевства от старшего партнера в сфере оборонной политики и стратегических ядерных вооружений. Не случайно, что в Стратегии национальной безопасности и Стратегическом обзоре в области обороны и безопасности Великобритании, которые были опубликованы 23 ноября 2015 г., прямо указывается: «Наши особые отношения с США по-прежнему имеют важное значение для нашей безопасности. Они основаны на общих ценностях, исключительно тесном взаимодействии в области обороны, сотрудничестве в сфере дипломатии, безопасности и разведки» [National security., 2015,

р. 14]. Кроме того, можно отметить полную и безусловную поддержку Лондоном действий США в отношении Ирака, самое тесное сотрудничество в борьбе с «Исламским государством», активное участие в санкциях против России, общую позицию по украинскому кризису и согласованные действия по целому ряду других ключевых вопросов международной повестки дня.

Важную роль в обеспечении длительного и прочного исторического англо-американского союза, на наш взгляд, продолжает играть однотипность социально-экономических моделей двух государств и масштабная взаимозависимость их хозяйственных комплексов. Так, например, Великобритания уже длительное время является лидером по прямым иностранным инвестициям в финансовый сектор США, нефтяную и химическую промышленность, оптовую торговлю. В 2015 г. они превысили показатель в 500 млрд долл. В свою очередь, американские прямые инвестиции составили треть от подобных вложений в экономику Соединенного Королевства [УКТИ inward., 2015]. По мнению известного отечественного экономиста профессора Е.С. Хесина, именно подъем в экономике США во многом способствовал и преодолению рецессии в Великобритании [Хесин, 2015, с. 17].

Одновременно нельзя не отметить очевидную и нарастающую европеизацию хозяйственных связей Соединенного Королевства. В 2015 г. на долю 28 стран Европейского союза пришлось 44% британского экспорта и 53% импорта товаров и услуг, около половины прямых иностранных инвестиций в хозяйство Великобритании. Эти прочные торговые связи обеспечивают работой более 3 млн подданных Елизаветы II [Webb, Keep, 2016, p. 3]. В этих условиях проявившиеся в последние годы объективные и субъективные проблемы в реализации «особых отношений» Соединенного Королевства с США, на первый взгляд, должны были привести к выдвиганию задачи укрепления взаимоотношений с Европейским союзом. Участие в самом успешном и далеко зашедшем интеграционном проекте в теории должно было привести и к упрочению глобальных позиций Великобритании как одного из лидеров этого регионального объединения. Но реальная жизнь в очередной раз опровергла умозрительные построения. Прежде всего можно констатировать оче-

видное снижение эффективности ЕС. Сложный выход из рецессии, кризис еврозоны, отсутствие согласованной политики в отношении мигрантов, институциональные проблемы, рост евроскептицизма и радикализма – все это способствует тому, что значительная часть британского истеблишмента считает необходимым проведение более самостоятельной политики.

Апофеозом особого участия Великобритании в европейских интеграционных процессах стало решение о проведении референдума о членстве страны в ЕС. В качестве причин, заставивших кабинет Д. Кэмерона пойти на такой шаг, следует, во-первых, выделить широкое распространение евроскептических настроений на Британских островах, приведшее к началу оттока торийского электората в ряды Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК). Во-вторых, свою роль сыграло и традиционно настороженное отношение англичан к попыткам дальнейшего углубления интеграционных процессов и усиления полномочий наднациональных структур. В частности, в сентябре 2012 г. группа из 11 министров иностранных дел стран еврозоны в поисках стратегии по преодолению финансово-экономического кризиса предложила проект реформ «Будущее Европы». В нем предлагались шаги по усилению федералистских начал, формированию общеевропейской идентичности, укреплению и расширению экономического, финансового и политического сотрудничества стран ЕС [Future of Europe., 2012].

Фактическим ответом Д. Кэмерона на эти инициативы европейских партнеров и усиление позиций евроскептиков внутри страны стала его речь в Блумберге, произнесенная 23 января 2013 г. В ней премьер-министр предложил свою программу реформирования ЕС и выдвинул идею подготовки нового базового договора. Одновременно с этим лидер консерваторов пообещал инициировать референдум о членстве своей страны в ЕС в том случае, если его партия победит на следующих парламентских выборах и проведет переговоры по серьезному реформированию объединения [Cameron, 2013]. В тот период мало кто из серьезных политиков и экспертов мог предположить, что эти условия будут соблюдены. Многие предсказывали сохранение «подвешенного парламента» и

после выборов 2015 г., указывали на практически непреодолимые сложности в переговорах с высшим руководством в Брюсселе, сетовали на то, с каким трудом идет процесс институциональной модернизации ЕС.

Наконец, и сам премьер-министр не являлся сторонником выхода Соединенного Королевства из интеграционного проекта. «Национальный интерес Великобритании, – заявил он, – наилучшим образом реализуется в гибком, меняющемся и открытом Европейском союзе» [Cameron, 2013]. Иными словами, обещание проведения референдума о членстве Великобритании в ЕС Д. Кэмерон изначально рассчитывал использовать, во-первых, как средство нейтрализации ПНСК, а во-вторых, как инструмент давления на сторонников дальнейшей федерализации в Брюсселе и странах континентальной Европы. В этой связи показательным является упоминание плебисцита о выходе из ЕС британским премьер-министром летом 2014 г., когда он попытался не допустить назначения на пост председателя Европейской комиссии известного сторонника углубления интеграции и одного из главных архитекторов Маастрихтского договора – Жана-Клода Юнкера [Cameron, 2014].

Триумфальный и для многих неожиданный успех Консервативной партии на выборах в мае 2015 г. тем не менее заставил ее лидера приступить к выполнению своего обещания о проведении референдума, которое мгновенно превратилось в серьезную проблему. Премьер-министр прекрасно помнил, с каким трудом ему удалось добиться нужного результата и сохранить Шотландию в составе единого государства в предыдущем году, и понимал, насколько непредсказуемыми могут стать итоги всенародного опроса в Великобритании, в которой евроскептицизм имеет серьезную и широкую поддержку. К этому времени неологизм Brexit, образованный в результате соединения двух слов Britain и exit, прочно вошел в заголовки ведущих средств массовой информации, а проблема взаимоотношений с Европой заняла центральное место в политической повестке дня.

Параллельно с подготовкой необходимого законопроекта о проведении референдума правящий кабинет активизировал свои

действия по выполнению второго важного обещания – переговоров с Брюсселем по вопросам пересмотра условий членства Соединенного Королевства в ЕС. Они продолжались с ноября 2015 г. по февраль 2016 г. и завершились принятием лидерами стран Евросоюза требований Д. Кэмерона. Великобритания согласовала возможность не участвовать в политической и военной интеграции, добилась расширения полномочий национальных парламентов, получила право сокращать пособия для мигрантов из других стран ЕС, настояла на устранении ряда бюрократических процедур, а также защитила свою финансовую систему от наднационального регулирования и получила гарантии того, что она не будет участвовать в программах по поддержанию стабильности евро [EU reform., 2016]. С одной стороны, данное соглашение явно демонстрировало стремление сторон к компромиссу, с тем чтобы исключить даже гипотетическую возможность выхода из ЕС одного из ключевых его участников. Однако, с другой стороны, оно стало, бесспорно, опасным прецедентом, подрывающим общие основополагающие принципы европейских интеграционных процессов и способным вызвать нарастающую волну похожих требований от других стран-участниц.

Сразу после достижения соглашения о реформах с лидерами стран Европейского союза референдум о будущем Великобритании в этом объединении был назначен на 23 июня 2016 г., а 15 апреля стартовали агитационные кампании как еврооптимистов, так и евроскептиков. В их рамках приводились не только аргументы в пользу того или иного решения, но и оценивались возможные последствия итогов волеизъявления народа для экономики Соединенного Королевства, благосостояния ее граждан, а также для ее роли на международной арене. Предстоящий плебисцит дал новый импульс и старой дискуссии о способности Великобритании в рамках ее постоянного балансирования между США и ЕС сохранять роль одного из ведущих игроков мировой политики и эффективно защищать свои национальные интересы.

На наш взгляд, победа на референдуме сторонников Brexit привела к целому комплексу негативных последствий для находящейся в стадии трансформации современной системы междуна-

родных отношений и всех ее участников. Прежде всего, колоссальной силы репутационный ущерб нанесен Европейскому союзу. Выход из его состава одного из лидеров не только существенно ослабил все объединение как политически, так и экономически, но и создал губительный прецедент. Не секрет, что свое недовольство диктатом европейской бюрократии кроме Великобритании неоднократно высказывали и другие страны, например Италия и Венгрия. В связи с этим вполне может возникнуть «эффект домино» с непредсказуемыми последствиями для будущего всего объединения. Так, например, премьер-министр Чехии Б. Сobotка в феврале 2016 г. заявил, что в случае выхода Великобритании в его стране также будут инициированы дебаты по этому вопросу [Holehouse, 2016]. Кроме того, исключение из европейского интеграционного проекта Соединенного Королевства означает существенное укрепление и без того лидерских позиций ФРГ, что вряд ли является целью Лондона.

Вместе с тем ряд исследователей, признавая негативные последствия такого развития событий, считают, что их не стоит драматизировать. Выход Великобритании, по мнению профессора Лондонской школы экономики и политических наук Тима Оливера, «будет иметь серьезные последствия и издержки для Великобритании, причем гораздо большие, чем для ЕС. Тем не менее остальные государства ЕС окажутся перед фактом такого беспрецедентного события, как выход из союза государства-члена, причем в случае с Великобританией – выхода одного из крупнейших членов. Это приведет к значительным трансформациям в ЕС. Для некоторых потеря одного из самых экономически либеральных членов может стать импульсом для поворота к протекционизму, вызвать кризис европейской интеграции, которые приведут к распаду ЕС. Другие же видят в этом потенциал для ЕС, возможность избавиться от самого неудобного члена, что облегчит продвижение вперед, поможет преодолеть кризис в еврозоне и, в свою очередь, укрепит основы более тесного союза между народами Европы» [Oliver, 2013, p. 5]. Важным представляется и то, что сам факт проведения референдума заставил традиционных союзников Соединенного Королевства, таких как США, Швеция, Нидерланды и Япония, как минимум

задуматься о надежности и прагматичности британцев в современных международных отношениях. В результате Великобритания все чаще оценивается как «неудобный партнер», стремящийся получить односторонние выгоды.

Для самого Соединенного Королевства потеря членства в ЕС будет означать серьезное снижение авторитета, потерю поддержки со стороны европейских союзников и способности эффективно действовать на международной арене. Кроме того, такое развитие событий приведет к негативным последствиям и для англо-американских отношений. Президент США Б. Обама еще в июле 2015 г. высказался по этому вопросу предельно четко. «Присутствие Великобритании в ЕС, – заявил он в интервью Би-би-си, – дает нам гораздо больше уверенности в силе трансатлантического союза и является частью основополагающих институтов, построенных после Второй мировой войны, что сделало мир более безопасным и более процветающим. Мы хотим быть уверенными в том, что Соединенное Королевство и дальше будет играть эту роль» (цит. по: [Sparrow, 2015]). В контексте современных международных проблем и задач Вашингтон опасается, что выход Великобритании из ЕС серьезно осложнит достижение договоренностей о создании трансатлантической зоны свободной торговли, а также ослабит позиции европейских стран в НАТО.

Не случайно уже в рамках разворачивающейся агитационной кампании президент США в ходе своего двухдневного визита в Лондон настойчиво рекомендовал британцам высказаться в пользу сохранения членства страны в Европейском союзе. «Сильная Европа, – отмечал он, – не является угрозой для глобального лидерства Великобритании. США видят, как ваш весомый голос в Европе обеспечивает Лондону сильную позицию в мире, а также сохраняет ЕС открытым, заинтересованным в поддержании контактов с другими странами и тесно связанным со своими союзниками по другую сторону Атлантики» [Barack Obama., 2016]. Кроме того, Б. Обама фактически пригрозил евроскептикам резким ухудшением торгово-экономических отношений с Вашингтоном. «Если Великобритания выйдет из ЕС, – подчеркнул президент, – то она окажется в хвосте очереди, в том что касается заключения торговых

сделок с США... У Великобритании не получится договориться с США быстрее, чем это удастся ЕС. Мы не откажемся от обсуждения торгового соглашения с нашим крупнейшим партнером, европейским рынком. В то же время может потребоваться пять, десять лет на то, чтобы договориться о чем-то существенном с Лондоном» [Barack Obama., 2016].

Еще одним важным последствием Брекзита для Великобритании и ее внешней политики стало очередное обострение сепаратистских тенденций. В частности, шотландские националисты, придерживающиеся твердых проевропейских позиций, не исключают возможности проведения повторного плебисцита о независимости Шотландии в случае выхода Соединенного Королевства из ЕС [Simons, 2016]. Премьер-министр Ирландской Республики Э. Кенни выразил опасение, что подобное развитие событий нанесет ущерб мирному процессу в Северной Ирландии. «С нашей точки зрения, – заявил он после встречи с Д. Кэмероном 25 января 2016 г., – это приведет к серьезным осложнениям для Северной Ирландии. Мы работаем для достижения позитивного результата процесса связи Севера и Юга, потенциал которого и будущие выгоды зависят от Ирландии и сильной Великобритании, являющейся частью сильной Европы» (цит. по: [Watt, 2016]).

Наконец, большинство серьезных экспертов предсказывают серьезные негативные последствия возможного выхода Великобритании из ЕС как для национального хозяйства, так и для мировой экономики. В феврале 2016 г. директор-распорядитель Международного валютного фонда Кристин Лагард предупредила, что такое развитие событий самым худшим образом повлияет на выход из кризиса и «обязательно будет негативным на всех направлениях» [Business leaders., 2016]. Практически одновременно и в унисон с К. Лагард министры финансов ведущих экономик мира на встрече G-20 в Шанхае пришли к выводу, что выход Соединенного Королевства из ЕС спровоцирует «шок в мировой экономике» [UK EU exit., 2016]. Согласно оценкам Конфедерации британской промышленности, страна в случае разрыва существующих связей с европейскими партнерами за период до 2020 г. потеряет около

100 млрд ф. ст., 5% ВВП и столкнется с ростом уровня безработицы на 2–3% [Kollewe, 2016].

Используя многовековой опыт британской дипломатии, следуя проверенным временем традициям консервативного подхода к новым тенденциям, Великобритания стремится всегда иметь альтернативу и возможность сменить курс. В условиях углубления глобализации и многополярности она пытается обрести необходимые опоры и союзников для сохранения своей, пусть уже и не решающей, но все еще заметной роли в мировых процессах.

На сегодняшний день «особые отношения» с США и европейская сфера остаются бесспорными доминантами для Великобритании и ее политических лидеров вне зависимости от их партийной принадлежности. Вместе с тем все большее внимание уделяется и новым центрам силы – Китаю, Индии, Бразилии, странам Юго-Восточной Азии. Активизировалась в последние годы и политика в отношении Содружества. Очевидно, что Великобритания не сможет в обозримой перспективе превратиться в экономического или политического лидера глобального уровня и даже в рамках Западной Европы ей придется отчаянно конкурировать с Германией и Францией. Вместе с тем, несмотря на то что ее хозяйственные, финансовые, дипломатические и оборонные ресурсы перманентно снижаются в относительном выражении на фоне других великих держав, тем не менее она по-прежнему остается достаточно крупным игроком в Западной Европе и сохраняет серьезные рычаги влияния на международном уровне.

Список литературы

Концепция внешней политики Российской Федерации / СБ РФ. – М., 2013. – 12.02. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (Дата обращения – 16.07.2016).

Литвинова Я. Британия и ЕС: Долгая дорога в Европу // ВВС. Русская служба. – Л., 2015. – 26.06. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/uk/2015/06/150626_britain_eu_history_immigration (Дата обращения – 16.07.2016).

Хесин Е.С. Контуры новой экономической политики // Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выборов 2015 г. в Великобритании / РАН. Институт Европы. – М., 2015. – С.15–25. – Режим доступа:

<http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/319.pdf> (Дата обращения - 16.07.2016).

Черчилль У. Мыскулы мира. - М.: Эксмо, 2006. - 523 с.

Ambitions for Britain: The Labour party manifesto 2001 / Labour party. - L., 2001. - 44 p. - Mode of access: <http://www.politicsresources.net/area/uk/e01/man/lab/ENG2.pdf> (Дата обращения - 16.07.2016).

Ball G.W. The discipline of power: Essentials of a modern world structure. - Boston, MA: Bodley Head, 1968. - 363 p.

Barack Obama: As your friend, let me say that the EU makes Britain even greater // The Telegraph. - L., 2016. - 23.04. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/21/as-your-friend-let-me-tell-you-that-the-eu-makes-britain-even-gr/> (Дата обращения - 16.07.2016).

Bogdanor V. The referendum on Europe, 1975 / Gresham college. - L., 2014. - 15.04. - Mode of access: <http://www.gresham.ac.uk/lectures-and-events/the-referendum-on-europe-1975> (Дата обращения - 16.07.2016).

Britain forward not back: The Labour party manifesto 2005 / Labour party. - L., 2005. - 112 p. - Mode of access: <http://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/tutorial/labour%20manifesto%202005.pdf> (Дата обращения - 16.07.2016).

Business leaders take sides in EU debate // Sky News. - L., 2016. - 29.02. - Mode of access: <http://news.sky.com/story/1647411/business-leaders-take-sides-in-eu-debate> (Дата обращения - 16.07.2016).

Cameron D. European Council June 2014 speech / HM Government. Prime Minister's office. - L., 2014. - 27.06. - Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/european-council-june-2014-david-camerons-speech> (Дата обращения - 16.07.2016).

Cameron D. EU speech at Bloomberg / HM Government. Prime Minister's office. - L., 2013. - 23.01. - Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (Дата обращения - 16.07.2016).

Churchill W. Speech at a Conservative mass meeting at Llandudno, 9 October 1948 // Europe Unite / R.S. Churchill (Ed.). - L.: Cassell, 1950. - P. 416-418.

Churchill W. Speech at Zurich university, 19 September 1946 // Archive of European integration. - X/6075/61-E. - 5 p. - Mode of access: <http://aei.pitt.edu/14362/1/S2-1.pdf> (Дата обращения - 16.07.2016).

EU Constitutional treaty / UK Parliament. House of Commons. Commons hansard debates. - L., 2005. - 06.06. - Vol. 434, Part 81, Col. 991. - Mode of access: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200506/cmhansrd/v0050606/debindx/50606-x.htm> (Дата обращения - 16.07.2016).

EU reform deal: What Cameron wanted and what he got // BBC. – L., 2016. – 20.02. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35622105> (Дата обращения – 16.07.2016).

Financial Times world desk reference 2005 / C. Jagger, R. East (Eds.). – L.: Darling Kindersley, 2005. – 656 p.

Future of Europe group plans closer EU integration // BBC. – L., 2012. – 18.09. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-europe-19638337> (Дата обращения – 16.07.2016).

Global security: UK-US relations / UK Parliament. House of Commons. Foreign affairs committee. – L., 2010. – 28.03. – 240 p. – Mode of access: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmaff/114/114.pdf> (Дата обращения – 16.07.2016).

Goldberg J. The Obama doctrine: The US president talks through his hardest decisions about America's role in the world // The Atlantic. – Wash., 2016. – April. – Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (Дата обращения – 16.07.2016).

Hague W. Britain's foreign policy in a networked world / HM Government. Foreign and commonwealth office. – L., 2010. – 01.07. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-s-foreign-policy-in-a-networked-world--2> (Дата обращения – 16.07.2016).

Holehouse M. Czech Republic «will follow Britain out of EU» // The Telegraph. – L., 2016. – 23.02. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/czechrepublic/12170994/Czechs-will-follow-Britain-out-of-EU.html> (Дата обращения – 16.07.2016).

Kollewe J. Brexit could cost £100 bn and nearly 1 m jobs, CBI warns // The Guardian. – L., 2016. – 21.03. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/politics/2016/mar/21/brexit-could-cost-100bn-and-nearly-1m-jobs-cbi-warns> (Дата обращения – 16.07.2016).

Lunn J., Miller V., Smith B. British foreign policy since 1997 / UK Parliament. House of Commons. – L., 2008. – 23.06. – 123 p. – Mode of access: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP08-56/RP08-56.pdf> (Дата обращения – 16.07.2016).

Miller V. The convention on the future of Europe: Proposals for a European Constitution / UK Parliament. House of Commons. – L., 2003. – 18.03. – 92 p. – Mode of access: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP03-23/RP03-23.pdf> (Дата обращения – 16.07.2016).

National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom / HM Government. Prime Minister's office. – L., 2015. – November. – 96 p. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/47

8936/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_PRINT_only.pdf (Дата обращения - 16.07.2016).

Obama's speech to UK Parliament, in full, with analysis // BBC. - L., 2011. - 25.05. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-13549927> (Дата обращения - 16.07.2016).

Oliver T. Europe without Britain: Assessing the impact on the European Union of a British withdrawal / Stiftung Wissenschaft und Politik; German institute for international and security affairs. - Berlin, 2013. - September. - 30 p. - Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP07_olv.pdf (Дата обращения - 16.07.2016).

Simons N. Nicola Sturgeon denies she has «machiavellian» wish for Brexit in order to engineer Scottish independence // The Huffington Post. - N.Y., 2016. - 24.01. - Mode of access: http://www.huffingtonpost.co.uk/2016/01/24/nicola-sturgeon-denies-she-has-machiavellian-wish-for-brexit_n_9063372.html (Дата обращения - 16.07.2016).

Sparrow A. Britain must stay in EU «to make world more prosperous», says Obama // The Guardian. - L., 2015. - 24.07. - Mode of access: <http://www.theguardian.com/politics/2015/jul/23/barack-obama-britain-remain-eu-world-more-prosperous> (Дата обращения - 16.07.2016).

Syria crisis: Cameron loses Commons vote on Syria action // BBC. - L., 2013. - 30.08. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-23892783> (Дата обращения - 16.07.2016).

Thatcher M. Speech to the College of Europe («The Bruges speech») // Margaret Thatcher foundation. - L., 1988. - 10.09. - Mode of access: <http://www.margareththatcher.org/document/107332> (Дата обращения - 16.07.2016).

UK EU exit would be global economy «shock» - G20 leaders // BBC. - L., 2016. - 27.02. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35677385> (Дата обращения - 16.07.2016).

UK membership of the single currency: An assessment of the five economic tests / HM Treasury. - L., 2003. - 09.06. - Mode of access: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130129110402/http://www.hm-treasury.gov.uk/euro_assess03_repindex.htm (Дата обращения - 16.07.2016).

UKTI inward investment report 2014 to 2015 / HM Government. UK Trade and investment department. - L., 2015. - 17.06. - Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/ukti-inward-investment-report-2014-to-2015/ukti-inward-investment-report-2014-to-2015-online-viewing> (Дата обращения - 16.07.2016).

Watson R. Blair battles «poodle» jibes // BBC. - L., 2003. - 03.02. - Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_politics/2721513.stm (Дата обращения - 16.07.2016).

Watt N. Northern Ireland would face «serious difficulty» from Brexit, Kenny warns // The Guardian. - L., 2016. - 25.01. - Mode of access: <http://www.theguardian.com/politics/2016/jan/25/northern-ireland-irish-republic-eu-referendum-enda-kenny> (Дата обращения - 16.07.2016).

Webb D., Keep M. In brief: UK-EU economic relations / UK Parliament. House of Commons. - L., 2016. - 13.06. - 20 p. - Mode of access: <http://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/SN06091#fullreport> (Дата обращения - 16.07.2016).

А.П. Юд

После Брекзита: Десять тезисов о настоящем и будущем Европы

Аннотация. Выход Великобритании из числа стран Европейского союза стал большим потрясением для мирового сообщества: сложившееся политическое равновесие в Европе нарушилось. Статья посвящена размышлению о возможных путях будущего развития Европы после Брекзита. Вопросы о независимости Европы от политики Вашингтона, конце лидерства Германии и выходе Франции из ЕС остаются открытыми.

Abstract. Brexit became the world's great upheaval: European political stability was disturbed. This article is devoted to the consideration of potential ways of Europe's future development after Brexit. Questions about European independence from Washington policy, end of Germany's leadership and withdrawal of France from the EU remain unsolved.

Ключевые слова: Брекзит, политика, Великобритания, Европейский союз, политическое будущее Европы.

Keywords: Brexit, politics, Great Britain, European Union, political future of Europe.

Голосование по Брекзиту является одним из самых важных исторических событий со времени падения Берлинской стены. Пришло время оценивать/мерить/определять его важность и значение. Брекзит разрушает статус-кво в Европе, заставляет задавать вопросы по европейскому строительству, которых мы давно избегали, и открывает перед нашим континентом

новый, неизвестный и полный риска период. Попытаемся порассуждать об этом с абсолютной интеллектуальной честностью.

Во-первых, следует спросить: будет ли вообще применен мандат, данный правительству народом Великобритании. Конечно, преимущество сторонников Брексита при голосовании было небольшим, но оно выше, например, того, что показали результаты французского референдума по Маастрихтскому договору (51%). Будут ли действия по этому мандату сведены на нет в результате парламентских маневров, как это произошло с негативными результатами референдума во Франции по вопросу о ратификации Конституции ЕС в 2005 г.? Сумеет ли правящий класс Великобритании найти убедительные аргументы, которые позволят ему не применять ст. 50 Договора о ЕС? Посмеют ли европейские правительства в очередной раз проигнорировать волю народа и обойтись с английским народом, как обошлись с греками в 2014 г.?

Следующий вопрос открывает нам реальный смысл европейского строительства – смысл, который кампания Brexit/Remain (Великобритания выходит / остается. – *Перев.*) совсем не затронула: хотят ли европейские страны вообще сохранить демократию? Мы предполагаем, что прямая демократия фильтруется через представительную демократию. Однако если так называемая представительная демократия целиком противоречит решениям прямой демократии, то не остается никаких оснований, чтобы говорить о представительной демократии и, следовательно, о демократии вообще. В Европе демократия существует в рамках государств, причем сегодня – только в рамках государств. Европейский парламент имеет очень мало реальной власти; и даже если бы он обладал большей властью, его работа вряд ли содействовала бы демократии: это чрезвычайно непрямо демократический институт, который неоднократно способствовал тому, чтобы препятствовать народным волеизъявлениям, не отвечающим желаниям отдельных элит. Конечно, можно предположить, что европейская нация с одним народом (демосом), с более однородной культурой, с одним национальным чувством и демократическими институтами еще возникнет в долгосрочной перспективе. Но сегодня в Европе демократия невозможна, так как не существует европейского

народа, и он не появится по крайней мере еще в течение нескольких поколений. А потому развитие Европейского союза будет еще в течение 70 или 100 лет делом его лидеров, у которых, впрочем, могут быть вполне благородные намерения. Но разумно ли сегодня, во имя разума, разрушать демократию? Вот в чем вопрос – не в том, стоит ли оставить Европейский союз, – нет, вопрос в том, стоит ли оставить демократию. Не следует ли считать, что европейский человек нуждается в новом режиме – режиме просвещенного и мягкого деспотизма?

Справедливо утверждают, что Европа разнообразна и насчитывает десятки народов с разными культурами и разными интересами. Для демократии же необходим суверенитет. Проще говоря, народ, лишенный суверенитета, не может иметь демократии. Люди, лишенные суверенитета, могут иметь права и жить счастливо, не опасаясь ни за личную безопасность, ни за свою собственность, но они не являются гражданами. Они подданные. Они подчиняются законам, установленным властью, в которой они не участвуют, и подчиняются руководителям, которые не несут перед ними ответственности. Французы были подданными своих королей на протяжении восьми веков. Не надо забывать, что говорить о гармонии и общих интересах легко, пока в Европе все хорошо. Но, например, во время мощного финансово-экономического кризиса интересы европейских народов будут так же противоречивы, как интересы кредиторов и должников, и общих интересов не будет, а речь пойдет о соблюдении интересов наиболее сильных.

Таким образом, объединение национальных суверенитетов означает разрушение национальных демократий в пользу европейской государственной власти, о которой можно иллюзорно и/или ошибочно думать, что она сможет стать демократической по крайней мере через несколько поколений, и всякие экономические или финансовые соображения в данном случае вторичны.

Европейское строительство достигло того рубежа, который Римская республика перешагнула в эпоху Цезаря. Пришло осознание того, что для объединения столь разных народов и культур режим соблюдения гражданских свобод недостаточен, нужна более сильная и централизующая власть. Цезарь был человеком, пожерт-

вовавшим Римской (аристократической) республикой ради создания империи. А Европейский союз сейчас по своим размерам сопоставим с империей. Но империя может выстоять только в том случае, если она в состоянии (I) обеспечить безопасность и удовлетворить экономические и культурные потребности народов, у которых она отнимает политическую свободу, (II) бороться с центробежными силами, каковыми являются суверенитет и национальные традиции. Таким образом, сегодня, если Брюссель хочет продемонстрировать свою способность построить политический союз, он должен продемонстрировать способность (I) обеспечить надежное благосостояние и хорошо оплачиваемые рабочие места для всех европейцев, которых он лишает демократических прав, одновременно оставаясь в состоянии (II) сломить волю к национальной независимости.

Идея, согласно которой в ближайшем будущем Европейский союз демократизируется, несмотря на свою решимость по-прежнему считать недействительными демократические изъявления народов, – несостоятельная идея. Пример греческого референдума 2014 г. показывает, как трудно оказалось при первом же серьезном испытании примирить демократию и европейское единство, а кроме того, показывает, каким будет выбор европейских властей, когда возникнет такой вопрос.

И если ЕС, лишая народы их реальных демократических прав, оказывается не в состоянии доказать свою экономическую полезность, а также выполнить свои обязанности по обеспечению безопасности, то у политического союза нет иного будущего, кроме диктатуры.

Так какво же будущее Европейского союза как политической структуры? Ответ на этот вопрос зависит от ответов на предыдущие вопросы. Конечно, Европа может довольствоваться общим рынком, с которого она начинала, и ограничиться союзом суверенных демократий, который объединит их потенциалы при ведении совместных переговоров перед лицом великих держав. Но этот путь, возможный для экономики Европы, далек от той линии, которой следуют европейские государства.

Во-вторых, Брекзит – это декларация независимости Великобритании по отношению к Вашингтону. Лондон был самым ста-

рым, естественным, надежным и верным союзником Вашингтона в Европе. Вашингтон отстранился. Последствия? Вашингтон, как известно, располагает достаточными военными средствами, чтобы действовать в одиночку, но не обладает полной свободой политического действия. Он ничего не может предпринять без дипломатической и военной поддержки Лондона и во вторую очередь – Парижа. Даже если предположить, что военные соглашения не изменятся, Брекзит означает ослабление блока НАТО в Европе, в любом случае – снижение его способности принимать участие в организации и проведении действий на Ближнем Востоке и против России.

Таков результат «наполеоновского» размаха политики Вашингтона, не обращавшего должного внимания на своего лучшего союзника в Европе и долгое время сторонившегося его. Брекзит – не только начало конца либерализма, но также начало конца мира, находящегося под господством американской империи. Как ни парадоксально, это может стать избавлением от англосаксонского влияния в мире.

В-третьих, под шум достаточно жалкой избирательной кампании, за пределами попавших на авансцену вялых дебатов по проблеме иммиграции, Брекзит может знаменовать выход лондонского финансового центра из сферы американского влияния. Это означает возвращение Англии в разряд сильнейших мировых держав.

Это только догадка, а не уверенность. Чтобы понять, насколько она верна, необходимо знать, о чем сговорились Уолл-стрит и Франкфурт в ходе недавней попытки установить власть ЕЦБ над Сити. Ни мнения богатых жителей Лондона, ни реакция крупных американских, французских или немецких банков не позволяют понять, какой была оценка Брекзита со стороны самых влиятельных британцев из Сити. Лондон соглашался на «особые отношения» с Вашингтоном, пока они способствовали развитию крупной британской промышленности. Возможно, слишком сильное сближение Вашингтона с Берлином подтолкнуло Лондон к подобному шагу самообороны, по крайней мере достаточно предсказуемому, в отличие от реакции народа на ничем не ограниченный либерализм. Действительно, в мире, где недемократические режи-

мы вызывают беспокойство их состоятельных граждан, где Вашингтон позволяет себе налагать финансовые санкции (Россия) или огромные штрафы на предприятия («Фольксваген») и банки (БНП «Париба») тех стран, которые не хотят следовать его указаниям, Лондон становится самым безопасным местом, чтобы вкладывать свои деньги.

Таким образом, Брекзит может обозначать выбор Сити, желающего стать привлекательным валютным рынком для стран, имеющих прохладные отношения с Соединенными Штатами, в первую очередь для Китая, юань которого стремится стать будущей мировой валютой. Подобное враждебное позиционирование по отношению к доллару невозможно для сателлитов США. Поэтому, с точки зрения британской элиты, Брекзит является дискуссией об иммиграции, имеющей целью переложить ответственность за разрыв на «популистов».

В-четвертых, внутриевропейские отношения в каком-то смысле возвращаются к ситуации, существовавшей до подписания Римского договора. В самом деле, Брекзит – это также независимый поступок Великобритании, демонстрирующий враждебность по отношению к Берлину. В своем мощном символическом акте Великобритания словно повторяет важные слова, сказанные когда-то Клемансо в Национальной ассамблее: «Мы не согласны с актом отречения, подписанным за нас нашими соседями. Мы великая нация, и мы рассчитываем таковой остаться». Вашингтон с помощью Брюсселя постепенно заменил Лондон на Берлин в роли привилегированного союзника, обеспечивающего – от его имени и по его поручению – контроль над Европой. Англичане не смирились с этим. Таким образом, Брекзит оставляет контроль над Европой лишь за Германией совместно с полностью пассивной Францией, управляемой беспомощным президентом. Возможно, в ближайшие месяцы будущее ЕС будет определяться интересами Германии, в частности, из-за ослабления позиций Франции. И это действительно серьезная проблема, вызывающая беспокойство Европы, усматривающей в таком положении дел своеобразное возрождение немецкого империализма в парадоксальной форме.

На самом же деле в случае удачного выхода Великобритании из ЕС судьба Германии представляется довольно мрачной. Возможный возврат США к изоляционизму отрежет ее от Европы и мира. Европейская независимость по отношению к Вашингтону и разложение Брюсселя оставят Евросоюзу в собственности лишь трудноопределимую национальную идентичность и кредиторскую задолженность в отношении неплатежеспособных стран.

В-пятых, лояльное и честное выполнение Великобританией решения о выходе из ЕС может привести к осознанию во Франции, в ретроспективе, незаконности Лиссабонского договора. В 2009 г. этот договор закрепил явное нарушение воли французского народа, выраженной на референдуме 2005 г. Вне зависимости от того, какую приверженность ощущают подписавшие договор по отношению к европейскому проекту, это нарушение является ошибкой, имеющей смертоносный потенциал для европейского строительства во Франции. По мере того как французы будут постепенно осознавать случившееся, это может привести к очень жесткой дискуссии о недействительности парламентского акта, узурпировавшего суверенитет французского народа. Трудно представить, как можно будет демократически выйти из подобного тупика без нового референдума во Франции. Его вероятным результатом будет Фрекзит (выход Франции. – *Перев.*) или, как минимум, заморозка европейского проекта во Франции. Действительно, любой референдум станет для правящего класса вотумом доверия, который он не получит. А если правящий класс не предложит никакого референдума, все предстоящие президентские выборы рискуют фактически стать референдумом о сохранении демократии или отказе от нее, с неисчислимыми последствиями. Наша страна живет в состоянии чрезвычайного положения из-за исламистского терроризма. Однако предстоящие дебаты по вопросу Лиссабонского договора могут нанести единству нашей страны более серьезный удар, чем теракты.

В-шестых, Фрекзит, не решая ни одной внутренней проблемы нашей страны, может иметь интересные дипломатические последствия. Европа, как справедливо полагал генерал де Голль, – это союз между Францией и Германией на равных. Но сегодня, по-

сколькx Франция не может соперничать с Германией, обретающей все более и более имперские черты, а также потому, что европейский проект становится все менее популярным, альтернативой ЕС представляется новая Антанта, союз с Англией, вышедшей из Европейского союза. В этом случае обе нации, с богатыми традициями и развитыми отношениями за пределами Европы, могли бы вновь проводить блистательную согласованную политику. Они даже могли бы логически дополнить свой Договор о согласии, подав руку России, а также создать европейский терминал китайского Шелкового пути.

Европейский союз – это Европа, переживающая конец Истории, чтобы под контролем США превратиться в огромную Швейцарию, только лишенную идентичности, в которой Германия играет традиционную роль кантона Берн. Но это, вероятно, – лишь этап в жизни наций.

В-седьмых, муки Европейского союза – это только один из аспектов краха либерализма, погибающего из-за своей несправедливости. Социальной несправедливости, которой народы больше не хотят; политической несправедливости, т.е. из-за пренебрежения тем, что народы желают иметь минимальную демократию и разделение властей; духовной несправедливости, т.е. из-за того, что деньги лишают народы памяти, идентичности, а из людей делают зомбированных нигилистов, подчиненных власти денег и преступлений. Либерализм постепенно превращается в нигилистическую аристократию, подобную той, какую – в гораздо более преступной и откровенно жестокой форме – являл собой национал-социализм. Большой моральный и духовный вопрос заключается в том, что может прийти на смену угасшему Просвещению и устаревшим идеологиям. Именно в такой перспективе надо интерпретировать, в частности, политику папы Франциска.

Историческая миссия Европы заключается в том, чтобы по-рвать с нигилистским хаосом, в соответствии со своей историей придумать культуру, которая придет после него, и превратить ее в целостную политику, выражающую глобальное возрождение цивилизации.

В-восьмых, и в этом контексте, – какое будущее ждет Европейский союз? Оно туманно. То, что было сделано без четкого мандата народов, не устоит перед восстанием народов, которое ожидается в ближайшие годы. Утопично было претендовать на построение Европы вопреки ее традиции свободы. А свобода народов – это не просто свобода элит, которые хладнокровно заявляют, что, по определению, воплощают демократию, при необходимости действуя даже против народа.

Таким образом, понятно, что происходит. Политически Европа представляет собой европейское сверхгосударство, которое постепенно отменяет национальные суверенитеты, – сверхгосударство со своей системой управления, парламентом, судами, нормативной властью, которое выходит далеко за рамки необходимого регламентирования единой валюты. Восстание народов против этой политической Европы должно стать одним из основных сценариев любой политической партии.

Теперь мы должны рассмотреть возможность краха европейского строительства. «Экстремизм» для нас не лозунг, а концепция. Действительно, нетрудно представить себе реакцию на абстрактный универсализм, которая в потерявшей память и идентичность Европе проявляется в виде произвольных и скрытых сепаратистских устремлений, где каждый отвечает лишь за себя, по-новому возрождая логику мировых сил накануне 1914 г.

Партии и политические руководители, заботящиеся об общем благе, должны обязательно избавиться от двух симметричных крайностей: от консервативного радикализма ЕС и от крайностей революционного экстремизма. Нужно руководствоваться реалистичной логикой. Бывшие сторонники политического союза должны принять документ о его фактическом роспуске, потому что за пределами красивых кварталов и телевизионных студий он работает исключительно против демократии и всей европейской традиции свободы. Международные катастрофы могут вновь стать возможными, если за демократию, национальный суверенитет и консультации с населением выступают лишь экстремистские партии, в то время как умеренные партии, похоже, стремятся раство-

ритель нации в бюрократической, неэффективной и несправедливой конструкции.

В ходе дебатов в преддверии референдума в Великобритании, явившегося грозным предзнаменованием перемен, противники Брежневского союза не смогли ответить на законный вопрос: «Для чего нужен Европейский союз, кроме уничтожения нашего национального суверенитета?»

Таким образом, либо Брюссель и Берлин вместе со своими соратниками в Париже, Риме и т.д. должны принять меры исторического масштаба, сопоставимые с народным восстанием, либо им остается, как Наполеону в 1813 г., надеяться на сохранение лишь самого главного из того, что у них есть.

Будем уповать на то, что власти понимают, что политическая Европа не состоялась, и сумеют пожертвовать ею в пользу экономической Европы, которая была первоначальной идеей. Тогда Европа станет проявлять себя в тех сферах, где она в полной мере легитимна: (I) таможенный союз для внутриевропейской торговли, легитимность которого и прибыли не вызывают сомнений; (II) политика инвестирования в промышленность и европейскую инфраструктуру, которая будет использовать кредиты от ЕЦБ для финансирования экономики; (III) сотрудничество государств по ряду ключевых моментов, использование возможностей европейского рынка в таких областях, как энергетическая безопасность, защита европейской торговли и права Европы торговать с кем она хочет. Ведь только безумец станет отрицать наличие выгод от совместной деятельности в Европе перед лицом великих держав.

Конечно, такой шаг будет сопряжен со значительным изменением прежнего курса и станет с точки зрения европейского идеала, возвратом к прошлому. Но он позволит умеренным лидерам предупредить, вероятно, неизбежное движение в эту сторону, а также продемонстрировать народам, что они поняли причины отторжения Европы и перенацеливают европейский проект на экономическое развитие и службу народам. Правда, не исключено, что взять на себя ответственность и свернуть с проторенного пути невозможно, если лошади тянут назад: кто-то из них символизирует технократию, кто-то бессилие, а кто-то нарушение демократии.

Однако без такого стратегического отступления всякая идея европейского строительства обречена, за исключением бегства (к счастью, невозможного) в сторону жесткого деспотизма, который всех отказавшихся объявит экстремистами.

В-девятых, нас спросят: не смогут ли экстремистские партии во время конца либерализма воспользоваться ситуацией? Да, это вероятно, но прежние идеологии уже не смогут остаться такими, как раньше, поскольку очевидно, что ни политики-технократы, ни обанкротившиеся либералы, ни оппозиционные политики-непрофессионалы не могут управлять так, как надо, сохранить доверие народа и привести к процветанию. Несомненно, что должен появиться совершенно новый *нелиберальный* правящий класс (но *капиталистический* и тем не менее *справедливый*). Соединение между собой в пока еще доминирующей культуре, логически и с необходимостью, трех столь противоречивых терминов позволяет оценить меру требуемого культурного возрождения, зарождающегося в недрах европейского гуманизма.

В-десятых, наконец, спросят: а что остается от Европы в этих условиях?

Я отвечаю: то, что осталось от России после распада Советского Союза, т.е. все основное: народы, содержательная культура, промышленность и изобретательная гениальность. Также остался драматический исторический опыт, который может применяться в терминах гегелевской диалектики следующим образом.

Тезис: противоречия имперских национализмов, история на основе борьбы за империю и за результаты двух европейских гражданских войн (1914–1918, 1939–1945).

Антитезис: сумасшедшая попытка уничтожения наций и выход из истории посредством подчинения глобальному империализму с целью предотвратить возвращение имперских национализмов.

Синтез: отрицание отрицания наций, отказ от перспективы подчинения империи, **СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ И ПРАГМАТИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ОБНОВЛЕННЫМИ НЕИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ НАЦИЯМИ** и, соответственно, возврат в историю.

Перевел с французского языка к. филос. н. А.В. Соловьев

Е.А. Канаев, А.С. Земляная

АСЕМ в современной мировой политике

***Аннотация.** Деятельность Форума «Азия – Европа», отмечающего в 2016 г. свое 20-летие, является первым и на сегодняшний день единственным опытом институализированного сотрудничества на пространстве Евразии. Использование опыта АСЕМ в процессе становления Евразии в качестве одного из глобальных полюсов может придать импульс укреплению тенденций к сотрудничеству между влиятельными мировыми игроками и становлению устойчивой и сбалансированной системы глобальной безопасности. Немалый вклад в это могла бы внести Российская Федерация, притом что значимость России и АСЕМ в приоритетах друг друга объективно возрастает.*

***Abstract.** The ASEM Forum has been the only platform to promote cooperation in the entire Eurasia for the last 20 years. Linking this experience to the current Eurasian bid for becoming a global center of gravity can stimulate cooperative trends in relations between the global actors and the establishment of a stable and balanced global security system. A significant contribution to that might be made by the Russian Federation, all the more so since Russia and ASEM are gaining increasingly higher ranks in each other's priorities.*

***Ключевые слова:** АСЕМ, АСЕАН, ЕЭС/ЕС, ЕАЭС, Евразия, Россия, наращивание взаимосвязей, континентальная безопасность.*

***Keywords:** ASEM, ASEAN, EEC/EU, EAEU, Eurasia, Russia, connectivity, continental security.*

В 2016 г. диалоговая площадка Форум Азия – Европа (АСЕМ) отметила свое 20-летие. Круглые даты всегда дают повод для проведения ретроспективы событий, подведения итогов и вынесения оценок. Однако в современных условиях хочется пойти дальше дежурного анализа эволюции, проблем и перспектив Форума АСЕМ.

Основная причина этого очевидна: стремительное падение управляемости системы международных отношений усугубило то предвоенное состояние, в котором мир находится уже почти десятилетие [Караганов, 2016 б]. Часть усилий по предотвращению наихудшего сценария – ревизия ранее наработанного опыта сотрудничества с целью адаптации его отдельных компонентов к современным реалиям. В этом смысле потенциал АСЕМ дает немало пищи для размышлений.

Истоки и эволюция АСЕМ

Институционализация сотрудничества между диалоговыми площадками Европы и Азии, по крайней мере – ее азиатско-тихоокеанской части, произошла в годы холодной войны, когда АСЕАН и ЕЭС установили отношения диалогового партнерства. Однако к началу постбиполярной эпохи такое сотрудничество, при всех его бесспорных выгодах, обнаружило свои объективные пределы. Суммируя их основные проявления с асеановского и европейского треков, выделим следующие.

Для АСЕАН играли роль следующие факторы. Малоприятным сюрпризом стала попытка ЕЭС/ЕС увязывать отношения с ассоциацией с соблюдением как ее отдельными странами, так и АСЕАН как единым целым «универсальных ценностей» в их западной трактовке. Европейцы критиковали действия Индонезии во время волнений в Восточном Тиморе в 1991 г., после того как индонезийские силы правопорядка открыли огонь по безоружным демонстрантам для восстановления политической управляемости в беспокойной провинции. Для АСЕАН это означало нарушение одного из ее ключевых принципов: невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Не меньшую досаду ассоциации вызвала критика ЕС ее политики «конструктивного вовлечения» в отношении Мьянмы. И хотя на заседании саммита АСЕАН–ЕС в

Карлсруэ осенью 1994 г. стороны приняли решение разделять вопросы экономического сотрудничества и политического диалога и принимать во внимание цивилизационные особенности друг друга, прагматичные асеановцы не питали иллюзий: рецидивы подобной практики ЕС будут происходить и впредь.

Постепенно снижался интерес АСЕАН к изучению интеграционного опыта ЕЭС/ЕС. Первоначальная эйфория сменилась четким пониманием фундаментальных различий между двумя интеграционными моделями. В Европе и Юго-Восточной Азии изначально были диаметрально противоположные стартовые условия сотрудничества. Перед подписанием Римского договора между европейскими странами не было острых политических противоречий, регион развивался в условиях мира и стабильности. В ЮВА же перед образованием АСЕАН была конфронтация между Индонезией и Малайзией, а Бангкокская декларация была подписана в разгар американской агрессии против ДРВ. ЕЭС изначально замышлялось как экономическое объединение, ставившее акцент на отраслевом сотрудничестве, а ассоциация виделась ее отцам-основателям прежде всего как антикоммунистический блок. Экономическая повестка внутриасеановской кооперации, если не считать отдельных и, в общем, не слишком успешных проектов, в целостном виде сформировалась лишь в постбиполярную эпоху. Все это подталкивало асеановцев к единственно возможному выводу: европейский опыт или даже его отдельные компоненты могут быть перенесены на почву азиатского Юго-Востока лишь после их тщательной адаптации к местным реалиям.

Но главным «раздражителем» для ассоциации было иное. На фоне эйфории первых постбиполярных лет Запад стал рассматривать свою победу в холодной войне сквозь призму категорий не только «капитализм–социализм», но и «Запад–Восток». В диалоге с АСЕАН ЕС стал все чаще примерять позицию ментора относительно того, как АСЕАН надлежит осуществлять региональную интеграцию. Асеановцы же, имевшие веские основания как идти собственным путем, так и гордиться достигнутыми результатами, воспринимали такие нравоучения европейцев как проявления неокOLONIALИЗМА и культурно-цивилизационной экспансии.

Нельзя сказать, что эти моменты особенно тяготили АСЕАН. В первые постбиполярные годы ей хватало, чем заниматься: ассоциация видела себя движущей силой многостороннего сотрудничества уже не только Юго-Восточной Азии, но и АТР в целом. Однако применительно к отношениям с Европой АСЕАН не могла не задумываться о том, что их предыдущую модель – диалоговое партнерство с ЕС – было бы желательно дополнить таким форматом, в котором бы присутствовали «тяжеловесы» азиатского Северо-Востока.

Со своей стороны, ЕС тоже имел ряд стимулов расширить такое взаимодействие. В опубликованном Европейской комиссией программном документе «К новой азиатской стратегии» подчеркивалась необходимость активизировать сотрудничество ЕС с азиатскими странами [Communication., 1994]. Основная причина заключалась в стремлении ЕС освоить азиатские рынки, прежде всего – стран Северо-Восточной Азии. Для достижения мультиплицирующего эффекта такому взаимодействию был необходим не двусторонний, а именно многосторонний формат.

У европейцев и азиатов были и общие мотивы. И тех и других тревожила перспектива образования замкнутых торгово-экономических блоков. Инициировав образование АТЭС и выступив резко против предложения М. Махатхира о возможности запуска восточноазиатского трека экономического регионализма, США активизировали переговоры о формировании НАФТА, намереваясь в перспективе сомкнуть североамериканскую и азиатско-тихоокеанскую зоны свободной торговли в единый транстихоокеанский ареал повышенной проницаемости для своих экономических интересов. Это подтолкнуло государства Европы и Азии к ответным шагам, а именно – созданию и институционализации параллельного трека для развития экономических обменов.

Результатом такого объективного запроса на формирование трансрегиональной диалоговой площадки между европейскими и азиатскими странами стало создание Форума АСЕМ. Его первое заседание состоялось в 1996 г. в Бангкоке. На этой встрече европейцы и азиаты заручились принципиальным согласием друг друга развивать сотрудничество в рамках азиатско-европейского парт-

нерства для ускоренного роста. Задавая параметры такого взаимодействия, стороны особо оговорили, что оно будет комплексным, а не секторальным. Была подчеркнута комплементарность возможностей Азии и Европы для поддержания условий устойчивого развития и определена повестка первоочередных мероприятий [New comprehensive..., 1996]. В целом дух и решения Бангкокской сессии АСЕМ свидетельствовали о серьезности намерений европейских и азиатских партнеров развивать сотрудничество и Форум АСЕМ как его институциональный каркас.

Тем не менее в течение долгого времени сотрудничество в АСЕМ не было приоритетным ни для европейских, ни азиатских участников. Отсюда – отсутствие сколь-либо убедительных результатов его деятельности. В уточнении нуждается ниша АСЕМ в трансрегиональных экономическом и политическом диалогах. Все больше расходятся ценностные установки участников АСЕМ – европейская либеральная демократия малопонятна азиатским странам, принимая во внимание низкие темпы экономического роста Евросоюза и еврозоны, очевидный кризис европейской иммиграционной политики и практики мультикультурализма и как следствие падение социальной и политической управляемости. Институциональная основа деятельности АСЕМ пока явно не соответствует тем грандиозным ожиданиям, которые изначально возлагались на форум. В целом АСЕМ представляет собой очередной «клуб президентов», но никак не диалоговую площадку, в рамках которой проводится работа по формированию евразийской безопасности, сотрудничества и соразвития.

Парадоксально, но именно сейчас, в момент, возможно, наибольшей слабости АСЕМ, на него складывается объективный и очень сильный запрос.

Большая Евразия и АСЕМ

В 2014–2015 гг. началась новая фаза глобализации. Ее специфика и основные черты уже достаточно полно исследованы в научной литературе. Не пересказывая соответствующие публикации и отсылая читателя к наиболее ярким и содержательным из них [Караганов, 2016 а; Суслов, 2016; Лукьянов, 2016], подчеркнем глав-

ное: усиление экономической взаимозависимости сопровождается падением управляемости международной системы и слабостью поддерживающих ее институтов. Отсюда – тенденция к хаотизации международных отношений и перспектива нарастания элементов неопределенности в их дальнейшей эволюции.

Одновременно все более отчетливо проявляется процесс становления Большой Евразии в качестве второго глобального полюса. Это происходит на примере как активизации евразийского вектора основных азиатско-тихоокеанских игроков, так и перспективы институциональной смычки между различными частями Евразии, прежде всего ее азиатских регионов и субрегионов. Тенденция к сопряжению азиатской и европейской частей Евразии пока выражена слабее.

Процесс создания консолидированного евразийского пространства, по определению, не будет проходить безболезненно. Европа находится в затяжном экономическом, политическом, а главное – культурно-цивилизационном кризисе. Обострились противоречия между «старожилами» и «новичками» ЕС в принципиальных вопросах его политики, связанных, в первую очередь, с регулированием иммиграционных потоков и энергетическим сотрудничеством [Wenden, 2016; Nowak, 2015]. Как отмечал президент Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер, события, связанные с восстановлением физических барьеров между государствами ЕС, – прямая угроза функционированию внутреннего рынка, исторической основы европейской интеграции. Этого, однако, недостаточно для преодоления взаимных обид и нежелания разделять ответственность в решении общих проблем гражданами и политиками ряда европейских стран [Bordachev, 2016].

Далеко не лучшие времена переживают отношения между Россией и ЕС. В основе нынешних противоречий – разновекторность траекторий исторического развития. По образному выражению С.А. Караганова, «Россия идет староевропейским бисмарковским или деголлевским путем, Европа Брюсселя – постевропейским» [Караганов, 2015 а]. Отсюда – заведомо низкий уровень взаимного доверия и готовности к конструктивному диалогу. Даже в такой, казалось бы, бесспорно востребованной сфере, как энергетика,

дело дошло до того, что распространенным среди высших политических и академических кругов стало именование ОАО «Газпром» «политическим оружием Москвы», притом что реализация проекта «Северный поток-2» могла бы позволить ЕС сэкономить на строительстве 39 ядерных электростанций [Sharples, 2014; Enhancing..., 2016].

Но главное – для успеха столь грандиозного проекта пока отсутствует соответствующий его масштабу институциональный каркас. Таковой, с одной стороны, послужил бы связкой между европейской и азиатской частями евразийского пространства, а с другой – развивал бы сотрудничество на основе сильной консолидирующей повестки в конструктивном, деидеологизированном ключе.

Совокупность этих факторов определяет объективный запрос на АСЕМ. Выделим его основные составляющие.

Во-первых, АСЕМ может придать ощутимый импульс наращиванию взаимосвязей на евразийском пространстве. С этой точки зрения показателен интерес экспертов, отслеживающих текущие приоритеты форума. Подчеркивается необходимость увязать европейский и асеановский опыт – мероприятия по линии Трансъевропейской транспортной сети (Trans-European Network), объединяющей объекты инфраструктуры в сфере транспорта, энергетики и информационно-коммуникационных технологий, – с направлениями сотрудничества стран АСЕАН по линии реализации Генерального плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей, а также китайского проекта «Один пояс, один путь». Подчеркивается, что АСЕМ является естественной институциональной платформой для наращивания взаимосвязанности между Европой и Азией, предоставляя своим участникам практический опыт реализации необходимых мероприятий и экспертную поддержку (см., напр.: [Asselborn, 2016]).

На официальном уровне тематика наращивания взаимосвязанности между Европой и Азией получила освещение во время заседаний ряда рабочих групп и министерских встреч АСЕМ, в том числе на саммите глав государств и правительств в Милане в 2014 г. Формирование инфраструктурной, институциональной и межче-

ловеческой основы для свободного перемещения людей, товаров, инвестиций, информации было напрямую увязано с перспективой сохранения условий для экономического роста и устойчивого развития [Chair's statement., 2014].

Во-вторых, АСЕМ представляет собой то, чего лишены другие предложения о наращивании трансконтинентальной взаимосвязанности – всеобъемлющего членства, позволяющего сомкнуть европейскую и азиатскую части Евразии. Тем самым может быть устранен дисбаланс между темпами евразийской интеграции, осуществляемыми в разноскоростном режиме.

В Азии такая смычка уже выстраивается. Происходит организационное и инфраструктурное усиление ШОС, АСЕАН рассматривает возможности расширения и диверсификации партнеров по диалогу. Недавнее предложение В.В. Путина, озвученное в послании Федеральному Собранию в декабре 2015 г. о наращивании сотрудничества между АСЕАН, ШОС и ЕАЭС [Послание Президента., 2015], в случае надлежащей реализации может значительно ускорить интеграцию азиатского ареала евразийского материка.

Несмотря на свою очевидную востребованность, институционализация сотрудничества между ЕС и ЕАЭС – дело будущего, причем не ближайшего. Причин тому множество. Основная из них – превалирующие в ЕС антироссийские настроения. С началом украинского кризиса проведение ежегодных саммитов ЕС – Россия было приостановлено (подробнее см.: [Timeline., 2016]). Потенциал кооперации в ЕАЭС, ее коммерческая и геостратегическая отдача для Европы, а следовательно, резоны выстраивать сотрудничество с ЕАЭС на устойчивой и долгосрочной основе пока не вполне понятны Евросоюзу.

В-третьих, и это главное, по мере выполнения первых двух задач АСЕМ мог бы содействовать становлению всеобъемлющей архитектуры безопасности на евразийском пространстве. В современных условиях велением времени становится формирование эффективной системы уже не региональной, а континентальной безопасности. Преимущество АСЕМ – в уровне представительства его заседаний, в которых участвуют главы государств и правительств. Отсюда – возможности формировать повестку безопасно-

сти и соразвития на его мероприятиях. Тем более что в настоящее время на первый план выходят вопросы, связанные с восстановлением жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности различных стран после конфликтов или природных бедствий. Подключение АСЕМ к таким мероприятиям – давно назревший шаг.

Результаты юбилейного саммита АСЕМ, состоявшегося в Улан-Баторе в июле 2016 г., дают основания считать, что отклик на такой запрос будет внятным, адекватным и своевременным. Формулировки принятых по итогам саммита документов выдержаны в подчеркнuto нейтральной, деидеологизированной тональности, конкретные мероприятия сотрудничества концентрируются вокруг повестки наращивания взаимосвязей «по всем направлениям» (*enhancing connectivity in all dimensions*) и противодействия нетрадиционным угрозам безопасности. Примечателен акцент на необходимости адаптировать инструментарий АСЕМ к реалиям нового этапа глобализации, повысив отдачу от заседаний участников форума на всех уровнях [11 th ASEM summit., 2016; Ulaanbaatar declaration., 2016].

Таким образом, идет формирование объективного запроса на АСЕМ, отклик на который даст форуму возможность не только провести «перезагрузку» своей деятельности, но и даже придать качественно новый смысл своему существованию.

Интересы и политика России

Будучи евразийской державой в прямом смысле этого слова, географически расположенной в Европе и Азии, Россия заинтересована в оформлении консолидированного евразийского пространства, в том числе посредством содействия со стороны АСЕМ. Выделим основные причины этой заинтересованности.

Россия стремится к нормализации отношений с европейскими странами. Россия и Европа – естественные партнеры, которые могут и должны выстраивать сотрудничество на основе принципов равенства и уважения друг друга. Нас связывает слишком многое, чтобы от этого отказываться под влиянием эмоций или ради сиюминутной и, к сожалению, примитивно понимаемой многими европейскими лидерами выгоды. И уж куда как неразумно жертво-

вать ради нее многообещающими экономическими проектами, особенно в такое время, когда маячит перспектива нового глобального кризиса.

Осознавая это, а также собственные интересы в сотрудничестве с европейскими странами, Россия призывает Европу к конструктивному диалогу [Послание министра., 2016]. Отрадно, что некоторые европейские лидеры демонстрируют в этом вопросе не зашоренность и политический популизм, а здравый смысл и стратегический подход (см., напр.: [Штайнмайер: Россия и Европа., 2016]).

Россия заинтересована в интеграции евразийского и азиатско-тихоокеанского направлений своей внешней политики. Заключение соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом рассматривается как шаг к аналогичному соглашению между ЕАЭС и АСЕАН [Лавров: Идея либерализации., 2015]. Планы России и Китая по сопряжению Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза имеют отчетливое трансрегиональное измерение. Веление времени – подключение западных и центральных территорий Сибири к рынкам Китая и Южной Азии посредством строительства меридиональных путей сообщения [Караганов, 2015 б].

Россия приветствовала бы оформление Евразии в качестве одного из полюсов современной системы международных отношений, сделавшего бы эту систему более сбалансированной, прочной и ориентированной на развитие. Тем более что сама Евразия является своеобразной «мини-проекцией» полицентричного мира, состоящего из государств с различными экономическими возможностями, политическим системами, этническими и конфессиональными особенностями, которые сотрудничают друг с другом на основе принципов равенства и уважения норм международного права.

С этой точки зрения Россия заинтересована в диалоговой площадке АСЕМ. В пользу АСЕМ говорит его длительная история, географический охват, а главное – подчеркнуто деидеологизированный характер сотрудничества. В современных условиях, несмотря на объективность формирования консолидированного евразийского пространства, создание новых диалоговых площадок

проблематично. Соответственно, нужно разрабатывать потенциал тех, которые уже работают и зарекомендовали себя с положительной или, как минимум, с нейтральной стороны. Именно это есть в активе АСЕМ.

Участие России в двух заседаниях АСЕМ – в 2012 и 2014 гг. – продемонстрировало ее готовность развивать консолидирующую повестку сотрудничества. Среди его основных направлений – энергетическая и продовольственная безопасность, борьба с пиратством и финансированием международного терроризма, развитие межкультурного и междивизиационного диалога. Обладая рядом конкурентных преимуществ во многих из этих сфер, Россия нацелена на максимально широкое взаимодействие в интересах всех его участников. Но исключительно на правах равного, а не ведомого игрока [Дмитрий Медведев выступил..., 2012; Саммит АСЕМ, 2014].

Нацеленность России на продвижение в АСЕМ объединительной повестки проявилась и в год его 20-летия. Выступая на Улан-Баторской сессии АСЕМ, прошедшей в июле 2016 г., Д.А. Медведев подчеркнул необходимость укрепления взаимосвязанности на евразийском пространстве с точки зрения наращивания экономического сотрудничества и оптимизации его институциональной основы, а также интенсификации контактов между людьми. Глава российского правительства увязал такие меры с совместной борьбой с террористической угрозой, актуальность которой возросла для европейских и азиатских стран [11-й саммит..., 2016].

Вероятное развитие тематики наращивания взаимосвязей в повестке АСЕМ будет встречать с российской стороны позитивный отклик. Это направление сотрудничества отменно вписывается как в международные приоритеты России – в частности, в отношениях с Китаем, государствами ЕАЭС, АСЕАН и др., – так и во внутренние, нацеленные на развитие Сибири и Дальнего Востока. Показательным примером служит евразийско-тихоокеанская инициатива по наращиванию взаимосвязей, выдвинутая и обоснованная российскими экспертами в год председательства России в АТЭС. Инициатива предлагает реализацию такого мегапроекта, который, с одной стороны, стимулировал бы развитие собственно АТР и Рос-

сии как его части, а с другой – встроил бы его в процессы на геоэкономическом пространстве Евразии [Интересы России..., 2012; Азиатско-тихоокеанские ориентиры..., 2013].

С оформлением Евразии как полюса современного мира – при содействии этому со стороны АСЕМ – нынешние проблемы в отношениях между Россией и Европой будут помещены в принципиально иной контекст. Установка на конфронтацию сменится установкой на диалог. В условиях ожидаемой глобальной экономической и инвестиционной неопределенности и роста нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке важными условиями решения этих проблем станут мероприятия по наращиванию взаимосвязанности и формированию континентальной системы безопасности. Осознавая общность интересов, Россия и Европа будут под давлением объективных обстоятельств стремиться к сотрудничеству. Нельзя исключать, что инициатором выступит Евросоюз. Прецедентов решения спорных вопросов ради важных, стратегических по своему характеру приоритетов в истории ЕС достаточно. Само начало европейской интеграции – создание Европейского объединения угля и стали – было в немалой степени обусловлено необходимостью разрешить давний франко-германский спор из-за Эльзаса и Лотарингии.

Именно российское участие способно придать реальный импульс дискуссиям о наращивании взаимосвязей в АСЕМ, а присутствие на этих заседаниях глав государств и правительств позволит ретранслировать эти решения на уровень практической политики.

Наращивание взаимосвязей естественным образом стимулирует дискуссии об интеграции российского Дальнего Востока в ткань интеграционных процессов АТР, и здесь АСЕМ и азиатско-тихоокеанские диалоговые площадки, прежде всего – АТЭС, будут действовать в унисон. Ожидаемый синергетический эффект будет таков, что выгоду получают все участники сотрудничества.

Наконец, без России не состоится оформление многополярного мира – а ведь именно эту задачу ставили перед собой «отцы – основатели» АСЕМ в 1996 г., и она остается актуальной по сей день. Только если в начале-середине 1990-х годов европейцы и азиаты – и те и другие в силу собственных причин – полагали, что многопо-

лярный мир может быть создан без российского участия, то сейчас очевидно обратное.

Таким образом, Россия и АСЕМ объективно нужны друг другу. Хаотизация современных международных отношений и непредсказуемость их перспектив дают веские основания ожидать, что в будущем такая взаимная заинтересованность станет нарастать.

Выводы

В современной мировой политике наступает так называемый «момент Евразии». Евразийское геополитическое и геоэкономическое пространство становится одним из полюсов мирового развития. Этот процесс может быть ускорен усилиями Форума АСЕМ.

Ценность Форума АСЕМ состоит не в том, что он добился впечатляющих успехов, а в том, что он застолбил за собой нишу одного из «якорей» стабильности, характеризовавшей предшествующую – эволюционную – парадигму мирового развития. И если сотрудничество между участниками АСЕМ было лишено драматических прорывов (и остается таковым по сей день), это не означает, что потенциал форума не может быть адаптирован к новой – уже революционной – эпохе, снизив градус глобальной международной турбулентности. Такая миссия могла бы придать новый смысл существованию самого АСЕМ, значительно повысив его значимость в приоритетах входящих в него стран, включая Российскую Федерацию.

Список литературы

11-й саммит Форума «Азия-Европа» (АСЕМ) // Правительство России. – М., 2016. – 15.07. – Режим доступа: <http://government.ru/news/23837/> (Дата обращения – 26.07.2016).

Азиатско-тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: К итогам Второго Азиатско-Тихоокеанского форума / И.С. Иванов (гл. ред.); В.В. Сумский (рук.) и др.; РСМД. – М.: Спецкнига, 2013. – 32 с. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/common/upload/asiapacific2.pdf> (Дата обращения – 12.07.2016).

Дмитрий Медведев выступил на втором пленарном заседании саммита Форума АСЕМ в Лаосе // Правительство России. – М., 2012. – 06.11. –

Режим доступа: <http://government.ru/news/6322/> (Дата обращения - 12.07.2016).

Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Безопасность и развитие: Итоги Первого Азиатско-Тихоокеанского форума / И.С. Иванов (гл. ред.); В.В. Сумский, Е.А. Канаев, Е.В. Колдунова (сост.); РСМД; РЦИ АТЭС. - М.: Проспект, 2012. - 33 с. - Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_ATR.pdf (Дата обращения - 12.07.2016).

Караганов С. Европа: Можно ли избежать поражения? // Российская газета. - М., 2015 а. - 18.02. - Режим доступа: <http://rg.ru/2015/02/19/karaganov.html> (Дата обращения - 12.07.2016).

Караганов С. Контуры перемен // Россия в глобальной политике. - М., 2016 а. - 06.03. - Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kontury-peremen-18020> (Дата обращения - 12.07.2016).

Караганов С. Мир находится в предвоенном состоянии // Россия в глобальной политике. - М., 2016 б. - 17.02. - Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Mir-nakhoditsya-v-predvoennom-sostoyanii-17999> (Дата обращения - 12.07.2016).

Караганов С. Обещание Евразии // Российская газета. - М., 2015 б. - 26.10. - Режим доступа: <http://rg.ru/2015/10/26/karaganov.html> (Дата обращения - 12.07.2016).

Лавров: Идея либерализации торговли с ЕАЭС нашла поддержку стран АСЕАН // РИА Новости. - М., 2015. - 05.08. - Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150805/1164380869.html> (Дата обращения - 12.07.2016).

Лукьянов Ф. Спор об унификации // Россия в глобальной политике. - М., 2016. - 27.01. - Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Spor-ob-unifikatsii-17951> (Дата обращения - 12.07.2016).

Послание министра иностранных дел России С.В. Лаврова Генеральному секретарю Совета Европы Т. Ягланду по случаю 20-летия членства России в Совете Европы // МИД РФ. - М., 2016. - 24.02. - Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2106003 (Дата обращения - 12.07.2016).

Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. - М., 2015. - 03.12. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (Дата обращения - 12.07.2016).

Саммит АСЕМ // Президент России. - М., 2014. - 17.10. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46818> (Дата обращения - 12.07.2016).

Суслов Д. Регионализация и хаос во взаимозависимом мире: Глобальный контекст к началу 2016 года // Россия в глобальной политике. – М., 2016. – 29.01. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Regionalizatsiya-i-khaos-vo-vzaimozavisimom-mire-globalnyi-kontekst-k-nachalu-2016-goda-17955> (Дата обращения – 12.07.2016).

Штайнмайер: Россия и Европа должны объединиться против терроризма // ТВЦ. – М., 2016. – 23.03. – Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/88963> (Дата обращения – 12.07.2016).

11 th ASEM summit «20 years of ASEM: Partnership for the future through Connectivity»: Chair's statement // Asia-Europe Meeting 11. – Ulaanbaatar, Mongolia, 2016. – 15–16.07. – 26 p. – Mode of access: http://asem11.mn/wp-content/uploads/2016/03/ASEM11-Chair27s-Statement_Final_Draft_July-16.pdf (Дата обращения – 26.07.2016).

Asselborn J. Connectivity as the key feature of ASEM's third decade // Asia-Europe Foundation. – Singapore, 2016. – 28.03. – Mode of access: <http://www.asef.org/press/corporate/news-3798-connectivity-as-the-key-feature-of-asems-third-decade> (Дата обращения – 12.07.2016).

Bordachev T. Not-so-united Europe and Greater Russia // Valdai discussion club. – 2016. – 27.01. – Mode of access: <http://valdaiclub.com/news/not-so-united-europe-and-greater-eurasia/> (Дата обращения – 12.07.2016).

Chair's statement of the Tenth Asia-Europe meeting // Council of the European Union. – Milan, 2014. – 16–17.10. – 19 p. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/145154.pdf (Дата обращения – 12.07.2016).

Communication from the Commission to the Council: Towards a new Asia strategy / Commission of the European Communities. – Brussels, 1994. – 13.07, COM (94) 314 final. – 32 p. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/2949/1/2949.pdf> (Дата обращения – 12.07.2016).

Enhancing the EU natural gas market // Nord Stream 2. – Zug, 2016. – 3 p. – Mode of access: http://www.nord-stream2.com/media/documents/pdf/en/2016/04/20160413_nord-stream-2_pamphlet_online-pdf_dreiseitig_en.pdf (Дата обращения – 12.07.2016).

New comprehensive Asia-Europe partnership for greater growth: 1st ASEM Summit. Final chair statement / ASEM. – Bangkok, 1996. – 1–2 March. – 7 p. – Mode of access: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1996%20-%20ASEM1%20-%20Chair%20Statement.pdf> (Дата обращения – 12.07.2016).

Nowak B. Relations and prospects for development of security and solidarity policy on the European gas market // J. of US-China public administration. – N.Y.: David publishing company, 2015. – Vol. 12, Issue 7. – P. 517–527. –

Mode of access: <http://www.davidpublisher.org/Public/uploads/Contribute/56259ecea7834.pdf> (Дата обращения - 12.07.2016).

Sharples J.D. A critical analysis of Russian state and Gazprom conceptions of natural gas as a strategic resource and Russia's gas exports to the European Union during the Medvedev presidency (2008–2012): Abstract / University of Glasgow. - Glasgow, 2014. - Mode of access: <http://theses.gla.ac.uk/5205/> (Дата обращения - 12.07.2016).

Timeline: EU restrictive measures in response to the crisis in Ukraine / European Council; Council of the European Union. - Brussels, 2016. - Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/ukraine-crisis/history-ukraine-crisis/> (Дата обращения - 12.07.2016).

Ulaanbaatar declaration on Asia-Europe Meeting (ASEM) into the third decade. - Ulaanbaatar, Mongolia, 2016. - 15-16.07. - 3 p. - Mode of access: <http://asem11.mn/wp-content/uploads/2016/03/Ulaanbaatar-Declaration-ASEM11.pdf> (Дата обращения - 26.07.2016).

Wenden C.W. L'Europe et la crise des réfugiés // Études / Société d'édition de revues. - P., 2016. - N 3. - P. 7-16.

III. СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ И СТРАНОВЫЕ ВОПРОСЫ

Ф.О. Трунов

ФРГ как центр влияния в многополярном мире: Особенности подхода к использованию силы

Аннотация. Одним из влиятельных акторов в формирующемся многополярном миропорядке становится ФРГ. Ее превращение в оперирующую на глобальном уровне державу было бы невозможно без активного использования не только экономических и политических, но и военных инструментов в различных регионах. В данной статье анализируется подход Германии к вопросам применения своего военного потенциала на мировой арене с целью утверждения страны в качестве одного из новых центров влияния.

Abstract. Germany becomes one of the most influential actors in the emerging multipolar world order. Its transformation into the power operating on the global level would not be possible without the active use of not only economic and political, but also of military tools in different regions. This article analyzes Germany's position on the use of its military potential on the world stage with a goal of becoming one of the new influential powers.

Ключевые слова: Германия, держава, фактор силы, бундесвер, боевые операции, деятельность по поддержанию мира, конфликты, борьба с терроризмом.

Keywords: Germany, power, factor of force, Bundeswehr, military operations, peacekeeping activity, conflicts, struggle against terrorism.

При изучении процесса формирования и развития архитектуры многополярного миропорядка традиционно значительное внимание исследователей отводится КНР, Индии, РФ, Брази-

лии, ЮАР. По логике правил «игры с нулевой суммой», укрепление позиций данных держав, расположенных за пределами коллективного Запада¹, ведет к соответствующему постепенному уменьшению его роли, доминирующей после окончания холодной войны, в деле решения международных проблем. Признавая научную обоснованность данного подхода, следует также отметить, что перераспределение влияния на мировой арене происходит не только между Евроатлантическим сообществом и внешними акторами, но и внутри него самого. Показательно в этой связи усиление позиций Федеративной Республики Германия, чья роль и место в международной системе координат после ее объединения (1990) и окончания холодной войны заметно изменились.

«Державность» государства определяется его способностью самостоятельно и эффективно использовать весь спектр инструментов внешней политики, в том числе военных. Наличие данной характеристики у государств видный отечественный ученый-международник А.А. Кокошин обозначил термином «реальный суверенитет» [Кокошин, 2006]. В годы холодной войны «старая ФРГ» не обладала реальным суверенитетом. С одной стороны, Федеративная Республика являлась «локомотивом интеграции» в рамках ЕЭС и, обладая развитой промышленной базой, имела с 1970-х годов разветвленные торгово-экономические связи с большинством государств мира, в том числе в Азии, Африке и Латинской Америке. С другой – в военно-политической области Федеративная Республика играла подчиненную по отношению к западным державам (США, Великобритания, Франция) роль. В связи с этим подход официального Бонна к использованию своих вооруженных сил имел две характерные особенности.

Во-первых, процесс их воссоздания проходил под контролем партнеров ФРГ по НАТО. Свыше 80% военнослужащих бундесвера были интегрированы в Североатлантический альянс [Dames, Bötzel, 2015], т.е. подчинены его военным и военно-политическим органам управления. Данный показатель продолжил оставаться на очень

---

¹ Под коллективным Западом и Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств – членов Европейского союза и Североатлантического альянса.

высоком (несопоставимом с Францией или Великобританией) уровне и в постбиполярную эпоху, что подчеркивал российский исследователь-германист А.М. Кокеев [Кокеев, 2009, с. 23–26]. Это положение определяло возможность применения бундесвера преимущественно под эгидой НАТО или иных военно-политических механизмов коллективного Запада, основным из которых стал к середине 2000-х годов институт Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ ЕС).

Во-вторых, учитывая расположение страны «на передовой» НАТО в период холодной войны, усилия вооруженных сил Федеративной Республики были сосредоточены исключительно на обеспечении территориальной обороны страны и ее партнеров по блоку. Соответственно, впервые за многие века своей истории Германия («Боннская республика») отказалась на длительный исторический срок от использования военной силы на мировой арене, а соответствующий запрет был зафиксирован в Основном законе ФРГ (1949). Это положение трактовалось большинством немецких политологов и отечественных германистов в качестве «ненормальности» внешней политики Федеративной Республики [Павлов, 2005, с. 63–65].

Обретение реального суверенитета и превращение в один из центров влияния в складывающейся архитектуре многополярного мира было бы невозможно для «новой ФРГ» без демонстрации возможности использовать бундесвер при решении международных проблем различного характера. В этой связи *задача* настоящей статьи – изучить подход Федеративной Республики к применению своего военного потенциала в постбиполярном мире.

Использование силы как фактор обретения «нормальности» во внешней политике ФРГ

12 сентября 1990 г. по итогам переговорного процесса по «германскому вопросу» ФРГ и ГДР и четырьмя державами – победительницами во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания, Франция) был подписан договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Объединенная Федеративная Республика принимала на себя добровольные обязательства по

значительному сокращению своих вооруженных сил (до уровня не выше 370 тыс. военнослужащих) и отказу от производства ядерного, биологического, бактериологического и химического видов оружия. Вместе с тем «новая ФРГ» признавалась в качестве полноправного члена международного сообщества, способного проводить суверенную внешнюю политику [Договор., 1990, с. 34–37]. Это открывало возможность для использования вооруженных сил страны на мировой арене (в соответствии с нормами международного права), которая практически сразу стала реализовываться.

Уже в апреле 1991 г. правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера (блок ХДС / ХСС и СвДП) выделило оперативную военно-морскую группу для осуществления миротворческой деятельности в зоне Персидского залива после окончания второй иракской войны (1991) [Zeittafel, 1993, S. 13–14]. В 1992–1993 гг. военнослужащие бундсвера привлекались для оказания медицинской и гуманитарной помощи, а также деятельности по поддержанию мира в Камбодже, на территории распадавшейся Югославии и в Сомали. В последнем случае действия «черно-желтого» кабинета были одобрены Бундестагом [The Bundeswehr., 2009, p. 52–53, 58]. Хотя во всех рассмотренных случаях бундсвер выполнял лишь небоевые по своему характеру задачи, федеральное правительство своими прецедентными решениями поставило в практической плоскости вопрос пересмотра статей Основного закона ФРГ о запрете использования бундсвера вне зоны ответственности НАТО.

Уже в январе 1993 г. кабинет Г. Коля / К. Кинкеля разработал соответствующий законопроект. После длительного предварительного обсуждения по нему удалось достичь положительного консенсуса трех ветвей власти. 12 июля 1994 г. Федеральный конституционный суд Германии одобрил внесение поправок в Основной закон страны. В его решении отмечалось, что «с целью обеспечения мира ФРГ должна включиться в коллективную систему безопасности» [Ibid., p. 38] и, действуя в рамках ООН и НАТО, может использовать свои вооруженные силы не только в Европе, но в остальных регионах мира. В каждом конкретном случае планируемого применения бундсвера федеральное правительство должно было запросить разрешение Бундестага. Парламент определял задачи, сроки и

максимальное число военнослужащих, действующих за пределами Германии под эгидой международных структур в области безопасности. 22 июля 1994 г. депутаты Бундестага подавляющим большинством голосов (86,7% присутствовавших на заседании) одобрили расширение возможностей по использованию германских вооруженных сил [The Bundeswehr., 2009]. Тем самым на национальном уровне руководство Германии продемонстрировало стремление вернуть возможность использования вооруженных сил как инструмента внешней политики на глобальном уровне.

Перед правящей коалицией Г. Коля / К. Кинкеля, сохранившейся у власти после выборов 1994 г., встала задача на практике продемонстрировать обретенную юридическую возможность эффективного и легитимного использования вооруженных сил на мировой арене. В 1994 г. бундесвер был задействован под эгидой ООН в деятельности по поддержанию мира и оказанию гуманитарной помощи мирному населению в зоне межплеменного вооруженного конфликта в Руанде. И хотя масштаб германского участия был небольшим (30 солдат и офицеров) [Ibid., p. 53], показателен сам факт применения вооруженных сил ФРГ в южной части Африки.

С начала 1990-х годов официальный Бонн оказывал заметное влияние на ход вооруженных конфликтов на территории распадавшейся Югославии, изначально предпочитая использовать дипломатические и экономические возможности. В 1992–1995 гг. в Боснии разрастался вооруженный конфликт между сербскими ополченцами и военизированными формированиями местных мусульман и хорватов. 28 августа 1995 г. государства – члены НАТО, в том числе Германия, заявили о готовности оказать силовое давление на официальный Белград и его сторонников в Боснии с целью принуждения их к перемирию. Уже 30 августа 1995 г. была начата военно-воздушная операция «Обдуманная сила» (Deliberate Force), в которой приняли участие германские ВВС. Согласие Бундестага было получено еще 30 июня 1995 г. (60,6% парламентариев высказались «за») [Plenarprotokoll 13/48., 1995], что свидетельствовало о предварительной и тщательной проработке законодательной и исполнительной ветвями власти вопроса о первом боевом исполь-

зовании германских вооруженных сил после окончания Второй мировой войны. ФРГ, равно как и ее партнеры по НАТО, рассматривали авиаудары в качестве ключевого фактора, способствовавшего вскоре проявленной официальным Белградом готовности к переговорам. После выработки положений Дейтонского соглашения и его подписания 14 декабря 1995 г. на территории Боснии и Герцеговины (БиГ) в составе сил НАТО по поддержанию мира IFOR (Implementation Force; с 1996 г. – SFOR, Stabilization Force) был размещен трехтысячный германский контингент, ответственный за поддержание мира в зоне прекращенного вооруженного конфликта [Antrag., 1998, S. 2]. В 2004 г. управление военным присутствием стран Запада в БиГ перешло от НАТО к ЕС, развернувшему операцию «Althea». В ее проведении продолжили принимать активное участие и военнослужащие ФРГ. Помимо выполнения задач по поддержанию мира и правопорядка они также активно участвовали в восстановлении разрушенной социально-экономической инфраструктуры [Antrag., 2004, S. 2-4].

В конце 1990-х годов пристальное внимание коллективного Запада было сосредоточено на развитии вооруженного конфликта между отрядами албанцев и югославскими войсками в Косово. 8 и 13 октября 1999 г. страны – участницы НАТО заявили о своей готовности осуществить силовое вмешательство с целью принуждения официального Белграда к прекращению огня. Германские парламентарии 16 октября 1999 г. подавляющим большинством голосов (86%) одобрили боевое использование бундесвера под эгидой НАТО без резолюции Совета Безопасности ООН, проект которой был заблокирован РФ. Несмотря на фактическое нарушение норм международного права, в поддержку применения вооруженных сил ФРГ как члена альянса выступили представители как уходящей в отставку после поражения на выборах 1998 г. «черно-желтой» коалиции, так и лидеры одержавших победу СДПГ (Г. Шрёдер) и Союза 90 / «Зеленые» (Й. Фишер) [Plenarprotokoll 13/248., 1998]. Вновь созданное «красно-зеленое» правительство продолжило последовательный курс на силовое давление на официальный Белград. В условиях отказа югославского руководства от подписания соглашения Рамбуйе, подготовленного при ведущем

участии держав НАТО, ФРГ и ее партнеры по альянсу в ночь с 24 на 25 марта 1999 г. начали военно-воздушную операцию. Вопреки ожиданиям правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера операция затянулась, и продолжение бомбардировок было чревато нарастанием критики действий властей ФРГ внутри страны. Лишь при посредничестве РФ удалось достичь политического решения в виде принятой 11 июня 1999 г. резолюции Совета Безопасности № 1244. Уже на следующий день в Косово были введены международные силы KFOR (Kosovo Force), в том числе 8,5-тысячный контингент бундесвера [Antrag., 2000, S. 1], выполняющий функции по поддержанию мира в зоне замороженного конфликта вплоть до настоящего момента.

Факт боевого использования Германией своей мощи без санкции ООН и лишь на основе решения НАТО, т.е. весьма ограниченного числа членов международного сообщества, продемонстрировал окончательное возвращение внешней политики ФРГ в «нормальное» состояние. Показав способность к использованию рычагов «жесткой силы», Федеративная Республика продемонстрировала свое стремление стать «полноценной» глобально оперирующей державой. В этой связи возникает вопрос: почему именно на территории бывшей Югославии Германия впервые пошла (причем дважды) на демонстративное применение своего военного потенциала? Первая причина является *геополитической*. Балканы исторически (как минимум с последней трети XIX в.) были одним из приоритетных регионов для распространения германского влияния. ФРГ, используя широкий спектр инструментов, поддерживала образование новых, возникавших на территории бывшей Югославии государств, а в дальнейшем стремилась обеспечить их максимально тесное сближение с Евро-Атлантическим сообществом и дальнейшее вступление в ЕС и НАТО. Вторая причина носит *конъюнктурный* характер. На Балканах Германия осуществляла силовое вмешательство в ход вооруженных конфликтов и в последующем принимала участие в деятельности по поддержанию мира под эгидой НАТО, т.е. в теснейшем взаимодействии со своими партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В середине – второй половине 1990-х годов у внешних по отношению к коллек-

тивному Западу акторов отсутствовали реальные возможности (исключая апокалипсический сценарий применения ядерного оружия) по предупреждению его намерений. РФ была политически и экономически ослаблена, а о каком-либо серьезном влиянии Китая или Индии на процессы в Юго-Восточной Европе речь в тот момент вообще не шла. В этой ситуации Германия, позиционируя себя в качестве государства – члена коллективного Запада, использовала возможность для постепенного утверждения себя в качестве глобально оперирующей державы. Заметно возросло влияние Федеративной Республики в НАТО, в том числе в отношении других держав альянса. Именно благодаря активному использованию собственного военного потенциала на Балканах во второй половине 1990-х годов (для решения как боевых, так и небоевых задач) Германия стала одним из центров притяжения в НАТО, чьи позиции заметно укрепились благодаря дальнейшему курсу правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера.

Превращение Германии в параллельный США центр притяжения в НАТО: Значение фактора силы

События 11 сентября 2001 г. на территории США привели к образованию международной антитеррористической коалиции с ведущим участием государств Запада. «Красно-зеленый» кабинет практически немедленно заявил о своей готовности участвовать в ней. Бундесвер был задействован в трех направлениях деятельности проведенных коалицией: «Enduring Freedom» (ОЕФ, операция «Несокрушимая свобода»), «Active Endeavour» (ОАЕ, операция «Активные усилия») и деятельности миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ (ISAF)).

В рамках операции ОЕФ боевые единицы ВМФ ФРГ, тесно взаимодействуя с кораблями стран – партнеров по НАТО, обеспечивали охрану гражданских судов от возможных атак со стороны структур международного терроризма (в первую очередь, «Аль-Каиды») в акваториях Красного моря, Оманского и Аденского заливов, прибрежных водах Сомали [The Bundeswehr., 2009, p. 76]. Кроме того, во второй половине 2000-х годов подразделения германских сил специального назначения использовались в боях с

боевиками «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане. В первой половине 2000-х годов в рамках операции ОАЕ надводные и подводные корабли германских ВМС привлекались к мониторингу и возможному предотвращению террористической угрозы в Средиземном море и прилегающих акваториях (особенно в период подготовки и проведения Олимпийских игр в Афинах (2004)) [The Bundeswehr., 2009, p. 76].

Наиболее масштабным стало использование бундесвера на территории Афганистана. Численность военнослужащих ФРГ в 2002–2011 гг. поэтапно возросла с 1,2 тыс. [Antrag., 2002, S. 1] до 5 тыс. [Antrag., 2011, S. 3]. Германский контингент был третьим по количеству войск среди стран – участниц МССБ (после США и Великобритании). Это сопровождалось, во-первых, расширением географии применения германских солдат и офицеров: помимо района Кабула уже с 2002–2003 гг. военнослужащие ФРГ играли ключевую роль в поддержании мира на территории северо-восточных афганских провинций Бадахшан и Кундуз. Во-вторых, помимо мониторинга ситуации, охраны жизненно важных объектов и нейтрализации отдельных боевиков и их мелких групп бундесвер привлекался к восстановлению социально-экономической инфраструктуры и подготовке национальных сил безопасности (подразделения и части армии и полиции). Кроме того, сотрудники Министерства обороны ФРГ участвовали в межведомственных командах реконструкции провинций [The Bundeswehr., 2009, p. 81–83], однако их деятельность не привела к полному достижению поставленных целей.

Чем было обусловлено столь активное участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом? С нашей точки зрения, прежде всего это объяснялось стремлением Германии «дореализовать» линию на утверждение себя в статусе глобально оперирующей державы. Если в 1990-е годы значительное по масштабу применение бундесвера было только на территории распадавшейся Югославии, то в 2000-е годы на фоне сохранения военного присутствия на Балканах ФРГ стала использовать бундесвер в широком географическом диапазоне от Средиземного моря и Африканского Рога до Афганистана. При этом необходимо обратить внимание, что рассматри-

ваемое задействование бундесвера не только осуществлялось в строгом соответствии с нормами международного права (в первую очередь, на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 1368, 1373, 1386), но и встречало официальную поддержку широкого круга акторов за пределами коллективного Запада, включая РФ. Фактически в контексте борьбы с международным терроризмом Германия как глобально оперирующая держава заявила о своих интересах в Афганистане и Северо-Восточной Африке и продемонстрировала готовность отстаивать их посредством широкого набора инструментов, в том числе военных.

Активно используя бундесвер под эгидой международной антитеррористической коалиции на протяжении всего периода ее деятельности (2001–2014), одновременно правительство ФРГ последовательно выступало против «глобализации» военной деятельности НАТО. В 2002–2003 гг. администрация Дж. Буша-мл. стала настаивать на превращении альянса из организации с задачами в основном регионального масштаба в структуру, обеспечивающую выполнение целей преимущественно глобального характера. Очевидно, одним из факторов, повлиявших на формирование данного подхода, стала атлантическая солидарность, проявленная ФРГ и другими партнерами США по НАТО, после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. Однако она не означала безальтернативной готовности Германии следовать в военной сфере в фарватере Соединенных Штатов, как это было в годы холодной войны.

Первым показателем расхождений в вопросе определения границ применения силы под эгидой НАТО стала критика «красно-зеленым» кабинетом проекта создания СБР – сил быстрого реагирования альянса (NATO Response Forces (NRF)), которые рассматривались руководством США в качестве инструмента превентивных силовых действий на глобальном уровне. После острой полемики внутри НАТО «красно-зеленый» кабинет в итоге согласился на использование частей и соединений бундесвера в составе СБР [Varwick, 2007, S. 771–772]. Однако вплоть до настоящего момента СБР НАТО не применялись в качестве военного превентивного механизма глобального характера, чему в немалой степени способствовала линия Германии на сохранение Североатлантиче-

ского альянса в качестве организации с целями регионального характера в области международной безопасности.

Еще более углубились противоречия между ФРГ и США во время подготовки администрацией Дж. Буша-мл. военного вторжения в Ирак, когда в качестве псевдопредлога было названо наличие оружия массового поражения у режима Саддама Хусейна. «Красно-зеленый» кабинет не только отверг возможность использования бундесвера в военной кампании, но (совместно с Францией и рядом средних западноевропейских государств) выступил против использования механизма НАТО для ее проведения. Более того, правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера в рамках «тройки» РФ–ФРГ–Франция стремилось урегулировать возникший военно-политический кризис [Mommesen, 2003, S. 173], используя для этого возможности ООН и МАГАТЭ – глобальных, а не евро-атлантических структур в области международной безопасности. Показательно, что после начала США и их партнерами по «коалиции желающих» силовой операции (20 марта 2003 г.) правительство ФРГ не отказалось от проводимой линии, тем самым снимая с себя ответственность за последующую дестабилизацию в Ираке.

С 2003 г. помимо использования под эгидой НАТО и ООН бундесвер стал применяться вне зоны ответственности альянса в рамках деятельности механизма ОВПБ ЕС (преимущественно в зонах замороженных конфликтов и конфликтов низкой интенсивности). С этого момента он стал рассматриваться руководством ФРГ в качестве дополняющей Организацию Североатлантического альянса структуры международной безопасности. Данная диверсификация объективно способствовала укреплению позиций Германии как вновь возникающего центра притяжения на мировой арене.

Развитием линии правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера стало выдвижение в докладе федерального канцлера от 12 февраля 2005 г. на 41-й Мюнхенской конференции проекта по реформированию НАТО. Документ предполагал перефокусирование альянса с решения преимущественно военных на политические вопросы. В докладе Г. Шрёдера подчеркивалась необходимость увеличения самостоятельности института ОВПБ ЕС в отношении НАТО и параллельного укрепления в нем позиций европейских стран-

участниц. Этому, как справедливо полагал канцлер, должно было способствовать сокращение (в перспективе – полное свертывание) американского военного присутствия в Европе, в первую очередь на территории ФРГ [Schröder, 2005]. И хотя положения доклада не были в значительной степени реализованы, они способствовали постепенному превращению Германии во второй, *параллельный США центр притяжения* в Североатлантическом альянсе. Двумя отличительными чертами политики ФРГ в качестве такого центра было ориентирование альянса на решение задач регионального характера и сдержанный подход к применению силы вне зоны ответственности НАТО.

С нашей точки зрения, в «эру Шрёдера»¹ де-факто выкристаллизовался германский подход к использованию бундесвера. С одной стороны, это отмеченный взвешенный подход к собственно силовому применению вооруженных сил страны за пределами европейского континента. Частным исключением являлась борьба с международным терроризмом как транснациональной угрозой, однако и в этом случае масштаб прямого вовлечения бундесвера непосредственно в боевые действия был незначительным. С другой стороны, руководство ФРГ последовательно расширяло географический диапазон и масштаб вовлечения бундесвера в два теснейшим образом связанных процесса: деятельность по поддержанию мира и помощь в воссоздании института государства (в том числе посредством восстановления социально-экономической инфраструктуры). Этот подход позволял Федеративной Республике не только сохранять, но и укреплять позиции как глобально оперирующей державы, при этом позволяя избежать значительных внутри- и внешнеполитических издержек, связанных с прямым применением военной силы на мировой арене.

---

¹ В немецкой политологии принято называть длительные периоды пребывания конкретного политика на посту канцлера термином «эра».

Особенности подхода ФРГ к использованию бундесвера на мировой арене в «эру Меркель»

В 2005 г. по итогам досрочных парламентских выборов ведущей партией в Бундестаге стал блок ХДС/ХСС. Его представители во главе с А. Меркель составляли большинство в двух правительствах «большой коалиции» (2005–2009; 2013 – н.в.) и «черно-желтом» кабинете (2009–2013). Однако, несмотря на изменение партийно-политического ландшафта в ФРГ, избранная линия официального Берлина в вопросе применения силы осталась неизменной.

Во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов Германия продолжала сохранять значительное военное присутствие в зонах замороженных вооруженных конфликтов на территории Боснии и Косово, пошла на временное наращивание масштабов использования бундесвера для решения «афганской проблемы» [Antrag., 2011, S. 3]. После вывода основных сил МССБ (к концу 2014 г.) ФРГ, как и США, сохранила в Афганистане на период 2015–2016 гг. часть подразделений и группы военных инструкторов и советников, предельная численность которых была установлена Бундестагом в 980 военнослужащих [Der Einsatz., 2016] (что составляло 10% от количества сохраненных администрацией Б. Обамы войск в этом регионе). Достаточно высока вероятность использования Германией бундесвера на афганской территории и после 2016 г. Тем самым Германия демонстрирует свое последовательное стремление сохранить военное присутствие на долгосрочную перспективу и на Балканах (сочетая использование бундесвера под эгидой механизма ОВПБ ЕС и НАТО), и в Центральной Азии (в рамках деятельности Североатлантического альянса).

В Африке бундесвер активно привлекался к деятельности по поддержанию мира в операциях под руководством ООН и особенно ЕС (с 2003 г.). Масштаб наземного применения германской армии в зонах межплеменных вооруженных конфликтов был небольшим (обычно в пределах 150–200 военнослужащих), однако показательно широкий географический диапазон использования бундесвера (Демократическая Республика Конго, Мали, Судан, Сомали, Эфиопия и Эритрея) [The Bundeswehr., 2009, p. 55–57, 89] говорит сам за себя. Не располагая к середине 2010-х годов значи-

тельными практическими военными возможностями (в том числе достаточным количеством баз бундесвера) в Африке южнее Сахары, ФРГ тем не менее демонстрировала интерес к решению проблем безопасности континента с использованием силовых средств.

Значительно более масштабным являлось использование межвидовой (преимущественно морской) группировки бундесвера в акваториях, прилегающих к Африканскому Рогу. С 2002 г. германские боевые корабли привлекались здесь для борьбы со структурами международного терроризма (операция «Активные усилия»), а с 2008 г. – для противодействия пиратам (кампания EUFOR Atalanta (под эгидой ЕС)), причем предельная численность контингента бундесвера была установлена в 1,4 тыс. солдат и офицеров [Antrag., 2010, S. 5]. Столь значительный интерес к использованию военных инструментов в данном регионе был обусловлен его геополитической и геоэкономической значимостью: через Красное море и Аденский залив проходят основные транзитные пути, связывающие Европу и Азию. Используя бундесвер в данном регионе, ФРГ стремилась на долгосрочную перспективу сохранить за собой право свободного захода (сопряженного с обслуживанием) боевых кораблей в ряд военно-морских баз региона, в первую очередь в Джибути [The Bundeswehr., 2009, p. 76]. Пребыванию войск ФРГ в регионе на длительной основе способствовали сохранение здесь напряженности, в первую очередь из-за «сомалийской проблемы», и активизации деятельности структур международного терроризма («Исламское государство», «Аш-Шабаб») в Африканском Роге.

К середине 2000-х годов в условиях приближения структур Евро-Атлантического сообщества (ЕС, НАТО) к постсоветскому пространству актуализировался вопрос вхождения в Североатлантический альянс Грузии и Украины. Нарастившая объемы сотрудничества с ними в политической и экономической сферах, ФРГ выступала против присоединения двух данных государств к Вашингтонскому договору. С точки зрения американских исследователей Р. Менона и Ю. Румера, прежде всего этот подход объяснялся опасностью перерастания возможного военного конфликта этих стран с Россией в полномасштабное противостояние России с НАТО с неконтролируемыми последствиями в случае расширения

альянса [Menon, Rumer, 2015, p. 138–141]. Понимание данного обстоятельства лежало в основе подхода официального Берлина к вопросу об использовании бундесвера в ходе «августовской войны» 2008 г. и украинских событий 2014–2015 гг. Во время Бухарестского саммита НАТО (2008) А. Меркель, поддержанная французским руководством, открыто выступила против распространения альянса на Украину и Грузию [Кокеев, 2009, с. 23–27]. Непосредственно в период развязывания официальным Тбилиси агрессии против Южной Осетии и российской операции по принуждению Грузии к миру германская сторона (в первую очередь МИД ФРГ во главе с Ф.-В. Штайнмайером) прилагала самые активные усилия к быстрой разрядке напряженности. Совместно с Францией правительство «большой коалиции» сыграло от лица коллективного Запада основную роль в выработке «плана Медведева–Саркози». Показательно, что боевые корабли ФРГ в составе оперативной военно-морской группы НАТО появились в Черном море лишь 21 августа 2008 г., т.е. уже после окончания боевых действий [Краткая хронология..., 2008]. Продемонстрировав атлантическую солидарность, официальный Берлин стремился свести к минимуму возможность эскалации в зоне прекращенного конфликта.

Аналогичным был подход кабинета «большой коалиции» к вопросу использования силы и в ходе украинских событий. С одной стороны, ФРГ, жестко критикуя РФ за действия по воссоединению с Крымом и поддержку ополченцев на юго-востоке Украины, последовательно наращивала меры политического и экономического давления на российскую сторону. С другой – кабинет А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера стремился весной – летом 2014 г., т.е. в период острой фазы вооруженного конфликта на востоке Украины, минимизировать участие бундесвера в военных учениях НАТО на территории государств Прибалтики и Восточной Европы, которые могли спровоцировать военное столкновение. Лишь после заключения «Минска-1» и особенно «Минска-2», когда уровень военно-политической напряженности стал снижаться, Германия согласилась наращивать масштабы практического участия в деятельности НАТО в Европе. В частности, кабинет «большой коалиции» пошел на увеличение числа своих военнослужащих и еди-

ниц техники в составе СБР альянса в период своего очередного срока предоставления контингентов в их состав (сентябрь 2014 – сентябрь 2015) [НАТО., 2016]. Таким образом, на постсоветском пространстве ФРГ проявляла стратегическую сдержанность, минимизировав возможность использования военной силы в этом регионе для отстаивания своих интересов.

В условиях возникновения вооруженных конфликтов в ряде государств Ближнего Востока (как следствие «арабского пробуждения») появилась вероятность военного вмешательства в эти конфликты государств коллективного Запада. В ходе голосования в Совете Безопасности ООН 18 марта 2011 г. по проекту резолюции № 1973, направленной на установление бесполетной зоны над втянутой в гражданскую войну Ливией, Германия стала единственной из стран Запада, которая демонстративно воздержалась. С этого момента правительство А. Меркель / Г. Вестервелле начало проводить линию на отказ от боевого использования бундесвера на ливийском театре военных действий [Арзаманова, 2011, с. 11–14].

В ходе начавшейся гражданской войны в Сирии правительство Германии в 2011–2013 гг., участвуя в мерах по укреплению турецко-сирийской границы, последовательно выступало против боевого использования бундесвера в зоне конфликта. Особенно отчетливо приверженность этой линии проявилась в ходе военно-политического кризиса, последовавшего за применением химического оружия в районе Дамаска 21 августа 2013 г. Бездоказательно обвинив в применении химического оружия правительство Б. Асада, США объявили о необходимости военного вмешательства в ситуацию в Сирии. В своем выступлении перед Бундестагом от 3 сентября 2013 г. канцлер А. Меркель объявила о возможности использования германских военнослужащих только под эгидой ООН, НАТО или ЕС [Merkel, 2013]. Де-факто это означало отказ от применения силы Германией, поскольку первый вариант был невозможен из-за несогласия РФ и КНР как постоянных членов Совета Безопасности ООН с курсом США на интервенцию, два вторых – из-за запрета парламента Великобритании на применение ее войск в планируемой операции. Принятие администрацией Б. Обамы плана В.В. Путина по уничтожению арсенала сирийского химиче-

ского оружия в обмен на отказ от проведения военной кампании избавило ФРГ от давления атлантических партнеров в вопросе предоставления бундесвера для выполнения боевых задач.

В условиях нарастания прямой угрозы безопасности со стороны «Исламского государства» для Германии и ее партнеров по ЕС (особенно после актов мегатеррора в Париже 13 ноября 2015 г.) правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера приняло решение использовать военную силу против ИГ. Бундестаг ФРГ 4 декабря 2015 г. одобрил направление контингента бундесвера численностью 1,2 тыс. военнослужащих на Ближний Восток [Plenarprotokoll 18/144., 2015]. Однако применение бундесвера имело две особенности, которые де-факто нивелировали его «боевой» характер. Во-первых, ФРГ присоединилась к международной антитеррористической коалиции лишь год спустя после ее образования (в отличие от ситуации 2001 г.), оттягивая оказание реальной военной помощи партнерам по НАТО. Во-вторых, согласно мандату, германские военнослужащие не должны были непосредственно участвовать в боевых действиях, а могли участвовать только в осуществлении разведки и охране тылов союзников по НАТО, при этом действуя в основном за пределами Сирии и Ирака [Ibid.]. Это показывает, что к прямому применению силы на Ближнем Востоке ФРГ относилась очень осторожно, рассматривая его в качестве средства поддержки прилагаемых политических и экономических усилий (в данном случае – в рамках участия в общесирийском диалоге). В этой связи обращает на себя внимание и ширококомасштабное использование бундесвера в операции по поддержанию мира в зоне конфликта Израиля и «Хизбаллы» (2006) [The Bundeswehr., 2009, p. 92], главной целью которого, по нашему мнению, является политическое желание продемонстрировать свое возрастающее влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Решение вопроса о применении национальных вооруженных сил за пределами традиционной зоны ответственности НАТО в значительной степени определяло роль и место Германии в новой политической системе координат, складывавшейся после окончания холодной войны. В 1990-е годы, стремясь доказать обретение

состояния «нормальности» во внешней политике страны, руководство «новой ФРГ» стремилось продемонстрировать возможность своих вооруженных сил решать задачи как небоевого (по поддержанию мира), так и боевого характера на мировой арене. Данная задача была решена посредством использования ВВС Германии в военно-воздушных операциях НАТО против Югославии (1995; 1999). При этом Федеративная Республика была далека от возвращения к милитаризации своей внешней политики – собственно военный вклад ФРГ в осуществление кампаний НАТО был значительно ниже возможностей бундесвера и потому рассматривается нами в качестве *одного из, но далеко не единственного* инструмента реализации державных политических амбиций.

В 2000-е – начале 2010-х годов Германия, с одной стороны, продолжала увеличивать масштаб и региональный диапазон операций по поддержанию мира с участием бундесвера, приняв также участие в двух антитеррористических коалициях (образованы в 2001 и 2014 гг.). С другой стороны, – с начала XXI в. правительство ФРГ, вне зависимости от его партийного состава, последовательно проводило курс на отказ от силового использования бундесвера за пределами Европы. *Первая* причина этого состояла в том, что на Ближнем Востоке, в Северной и Центральной Африке геополитические интересы ФРГ были менее четко выражены, а позиции слабее, чем в Европе. В этой связи Германия стремилась избежать использования своего военного потенциала по прямому «классическому» назначению, снимая с себя ответственность за будущую возможную дестабилизацию ситуации, в том числе – в представлении региональных игроков. На постсоветском пространстве – одном из приоритетных географических направлений во внешней политике ФРГ – отказ от применения силы обуславливался стремлением не допустить прямой военной конфронтации с РФ с непредсказуемыми последствиями.

Отказываясь от неограниченного и часто осуществляемого в нарушение норм международного права применения военной силы за пределами Европы, ФРГ де-факто утверждалась в качестве нового, параллельного США, центра притяжения как в НАТО, так и в Евро-Атлантическом сообществе в целом. В этом мы видим *вто-*

рую причину курса Федеративной Республики, направленного на стратегическую сдержанность.

Проведенный анализ подхода ФРГ к применению своего военного потенциала на мировой арене показывает, что в 1990-е годы («эра Коля») Германия посредством тесного сотрудничества с США стремилась обрести статус глобально оперирующей державы. В первой половине 2000-х годов («эра Шрёдера») Федеративная Республика уверенно утверждалась в этом качестве, при этом дистанцируясь в военно-политической сфере от официального Вашингтона, а с середины 2000-х годов («эра Меркель») уже твердо позиционировала себя в качестве одного из новых центров влияния в мире.

Список литературы

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса–2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 26 (42). – С. 11–15.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации / МИД РФ. – М.: Международные отношения, 1994. – Вып. 47: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года. – С. 34–37.

Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2009. – № 7. – С. 21–27.

Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. – М.: Европа, 2006. – 140 с.

Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру // МИД РФ. – М., 2008. – 30.09. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e00504f75!OpenDocument> (Дата обращения – 22.07.2016).

Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: Новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2005. – № 2. – С. 63–75.

Antrag der Bundesregierung: Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation «ALTHEA» zur weiteren Stabilisierung des Friedensprozesses in Bosnien und Herzegowina im Rahmen der Implemen-

tierung der Annexe 1-A und 2 der Dayton-Friedensvereinbarung sowie an dem NATO Hauptquartier Sarajevo und seinen Aufgaben, auf der Grundlage der Resolution 1575 (2004) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 22.11.2004 / Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/4245. – Berlin, 2004. – 22.11. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/042/1504245.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Deutsche Beteiligung an der von der NATO geplanten Operation zur weiteren militärischen Absicherung des Friedensprozesses im früheren Jugoslawien über den 19. Juni 1998 hinaus (SFOR-Folgeoperation) / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Drucksache 13/10977. – Bonn, 1998. – 17.06. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/109/1310977.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) vom 20. Dezember 2001 und 1413 (2002) vom 23. Mai 2002 und 1444 (2002) vom 27. November 2002 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/128. – Berlin, 2002. – 03.12. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/001/1500128.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 1943 (2010) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402. – Berlin, 2011. – 13.01. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/044/1704402.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias auf Grundlage des Seerechtsübereinkommens der Vereinten Nationen von 1982 und der Resolutionen 1814 (2008) vom 15. Mai 2008, 1816 (2008) vom 2. Juni 2008, 1838 (2008) vom 7. Oktober 2008, 1846 (2008) vom 2. Dezember 2008, 1897 (2009) vom 30. November 2009 und nachfolgender Resolutionen des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen in Verbindung mit der Gemeinsamen Aktion 2008/851/GASP des Rates der Europäischen Union vom 10. November 2008, dem Beschluss 2009/907/GASP des Rates der Europäischen Union vom 8. Dezember 2009, dem Beschluss 2010/437/GASP des Rates der Europäischen Union vom 30. Juli 2010 und dem erwarteten Beschluss des Rates der Europäischen Union vom 13. Dezember 2010 /

Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/3691. – Berlin, 2010. – 10.11. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/036/1703691.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der deutschen Beteiligung an einer internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo zur Gewährleistung eines sicheren Umfeldes für die Flüchtlingsrückkehr und zur militärischen Absicherung der Friedensregelung für das Kosovo auf der Grundlage der Resolution 1244 (1999) des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen vom 10. Juni 1999 / Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/3454. – Berlin, 2000. – 25.05. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/034/1403454.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Dames M., Bötzel F. Armee im Kalten Krieg // Bundeswehr. – Berlin, 2015. – 24.09. – Mode of access: http://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/!ut/p/c4/DcgxDoAgDADAt_iBdnfzF-pWoJQGUg1U_b7ktsMTJ6NXhVwvo4Y7HlHX8EH4EsPwzuq1E2dnkP5YaiRsIDxi0VjmkmViE8a7bssPcobChA!/ (Дата обращения – 22.07.2016).

Der Einsatz in Afghanistan // Bundeswehr. – Berlin, 2016. – 07.04. – Mode of access: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/!ut/p/c4/LcgxDoAgDEbhs3gBurt5C3UhP1q0gRQTqiScXgfzpu_RSl-KRw6YFEWm mZZNxtBcaDt7Fq2w_hHJbs75X2ydHeJxQqUa1InG4qUi0pWm4QWiPd-F/ (Дата обращения – 22.07.2016).

Menon R., Rumer E. Conflict in Ukraine: The unwinding of the post-Cold War order. – Cambridge, MA: MIT press, 2015. – 221 p.

Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag // Die Bundesregierung. – Berlin, 2013. – 03.09. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010-2015/2013/09/87-1-bk-bt.html> (Дата обращения – 22.07.2016).

Mommsen M. Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht. – München: C.H. Beck, 2003. – 260 S.

NATO Response Force / NATO. – 2016. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 13/48: Stenographischer Bericht / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode, 48. Sitzung. – Bonn, 1995. – 30.06. – S. 3953–4044. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/13/13048.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 13/248: Stenographischer Bericht / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode, 248. Sitzung. – Bonn, 1998. – 16.10. – S. 23127–23176. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/13/13248.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 18/144: Stenografischer Bericht / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode, 144. Sitzung. - Berlin, 2015. - 04.12. - S. 14105-14272. - Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18144.pdf> (Дата обращения - 22.07.2016).

Schröder G. Die strategischen Herausforderungen erfordern primär keine militärischen Antworten: Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik // AG Friedensforschung. - Berlin, 2005. - 12.02. - Mode of access: <http://www.agfriedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (Дата обращения - 22.07.2016).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad / Federal ministry of defense. - Berlin, 2009. - 120 p.

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). - Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. - S. 763-778.

Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1990 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990-1993 / Auswärtigen Amt. - Bonn, 1993. - S. 13-18.

А.К. Иванова

Постсанкционное восстановление экономики на примере торгово-экономических отношений Германии и Ирана

Аннотация. Применяемые в мировой политике экономические механизмы давления сделали возможным формирование нового типа «постсанкционных» экономических систем. Иран, находящийся в процессе снятия международных санкций, представляется наиболее показательным примером восстановления позиций страны на глобальном рынке. Данный анализ позволяет не только оценить эффективность экономической стратегии, но и выявить препятствия, сопряженные с ее реализацией. Исследование проводится на примере ирано-германского торгово-экономического взаимодействия.

Abstract. An economic pressure mechanism in global politics launched discussion on a new type of economy systems – post-sanctions economies. Iran, which is in process of the implementation of sanctions lifting, could be an illustrative example of returning and integration into global markets. This analyze allows to consider an effectiveness of the economic strategy and identify the obstacles it faces. The research is carried out in the context of German-Iran trade relations.

Ключевые слова: Иран, санкции, ирано-германские отношения, Германия.

Keywords: Iran, sanctions, Iranian-German relations, Germany.

В политической науке все чаще поднимается вопрос о наличии тенденции к усилению роли экономической и энергетической дипломатии, что подразумевает рост значения экономиче-

ского фактора в исследовании международных отношений. Сложно поспорить с тем, что современная государственная внешнеполитическая стратегия значительно больше связана с народным хозяйством и макроэкономической политикой, чем это наблюдалось чуть более полувека назад.

Сегодня в качестве основных рычагов воздействия во внешней политике государства и международные организации чаще прибегают к использованию экономических инструментов давления на другие субъекты международных отношений (санкции, эмбарго, перекрытие доступа к ресурсам). В ряде случаев экономическая дипломатия оказывается значительно эффективнее демонстрации силы или становится важным элементом военно-политической стратегии. Так, торговые войны с применением инструментов экономического давления превращаются в стандартизированный механизм ведения дел, становясь *не новым явлением, но новой реальностью* современных международных отношений.

Практика санкционного давления на политический субъект, попытки отрезать «провинившуюся» страну от мирового рынка направлены на то, чтобы спровоцировать изменения во внутренней или внешней политике этого государства, избегая при этом формального вмешательства в его внутренние дела. Все более частое применение таких практик и работа над повышением их эффективности позволяют говорить о наличии новых тенденций в ведении политической игры. Так, наряду с «оштрафованными» странами в международных экономических отношениях появился новый тип государства «постсанкционного» / «послесанкционного» (государство, с которого сняты международные штрафные ограничения или находящееся в процессе снятия ограничений). В первую очередь, категорию постсанкционных стран составляют такие экономики, которые претерпели существенные изменения в период санкционного давления. Развитие торгово-экономических отношений с подобными странами или государственными образованиями осложняется рядом тормозящих факторов, связанных с *изменением делового климата в стране, меняющимся настроением инвесторов, политической нестабильностью, отсутствием богатого практического опыта и теоретических знаний по выстраиванию экономиче-*

ских отношений с державой, на которую распространяются санкции или односторонние ограничения по неэкономическим причинам. Таким образом, в изучении экономик, составляющих категорию постсанкционных, особое значение приобретают такие понятия, как «постсанкционное восстановление», «возвращение на рынок», «возобновление разрушенных экономических связей», «досанкционные тенденции в экономике», «результаты импортозамещения» и др.

Категория постсанкционных экономик

Некоторые общие факторы, влияющие на процесс постсанкционного восстановления экономики, которые отличают его от послекризисного восстановления в условиях санкций, можно выделить на теоретическом уровне:

1) вероятность возвращения экономических ограничений и высокая чувствительность экономической политики к изменениям на мировой политической арене;

2) плохо предсказуемое поведение экономики: после снятия санкций и в зависимости от их характера велика вероятность активизации новых внутренних тенденций и процессов (миграция, поведение потребителя), которые, в свою очередь, могут повлечь за собой дальнейшие изменения в экономической конъюнктуре (курс валюты, динамика производства и потребления и т.д.);

3) необходимость предоставления постсанкционной страной специальных гарантий защиты инвестиционного капитала;

4) недоверие и выжидательная позиция инвесторов;

5) разрушенные экономические связи с «досанкционными» партнерами и необходимость восстановления или обновления институциональной платформы внешнеэкономической кооперации;

6) потребность в создании исследовательского потенциала.

Сотрудники Института экономики РАН О.О. Архипова и В.В. Комолов в статье «Развитие международных санкционных режимов: Исторический аспект» предлагают условно выделить три типа влияния международных ограничений на экономику «оштрафованных» стран: минимальный, умеренный и максимальный эффект. Иран относится к экономике, понесшей значительные потери от санкционного давления, но не катастрофичные, в отличие

от Ирака [Архипова, Комолов, 2016, с. 67]. Границы такого ранжирования достаточно размыты ввиду собирательного характера самого понятия «ограничения», тем не менее очевидно, что для того, чтобы страна попала в выделенную нами категорию постсанкционных экономик, необходимо применение к ней на протяжении нескольких лет комплексных ограничений, чтобы это повлекло за собой существенное падение экономических показателей и какие-либо значимые изменения в экономической политике страны. Практический опыт Исламской Республики Иран по восстановлению экономического состояния после снятия санкций представляет значительную ценность и требует глубокого и продолжительного изучения. В данной работе рассматриваются вопросы восстановления Германией торгово-экономических отношений с Ираном после снятия с него санкций.

Развитие торгово-экономического сотрудничества Германии и Ирана

К концу XIX столетия ирано-германская торговля достигла относительно высокого уровня. В этот период немецкие специалисты и предприниматели активно подключились к развитию иранской инфраструктуры. Налаживание путей сообщения, почты, телекоммуникаций, методов и систем управления на производстве, в армии и в строительстве, а также активное взаимодействие в сфере подготовки высококвалифицированных кадров – так оценивает немецкое руководство свой вклад в развитие иранской экономики [40 Jahre..., 2015, S. 8].

После окончания Второй мировой войны сотрудничество партнеров возобновилось, и в 1952 г. Западная Германия установила дипломатические отношения с шахским Ираном. Немецкий бизнес, «подогреваемый» экономическим чудом 1950–1960-х годов, увеличивал свое присутствие на внешних рынках, в том числе и в Иране. Расширение экономического взаимодействия на уровне частного предпринимательства привело к тому, что в середине 1970-х годов немецкие экспортеры выступили с инициативой создания в Иране торгового представительства в системе немецких институтов поддержки внешнеэкономической деятельности. К началу Ислам-

ской революции Иран стал для немецкой экономики вторым по важности рынком сбыта среди неевропейских государств.

Однако, несмотря на достигнутый прогресс, ирано-германские экономические отношения вошли в фазу стагнации ввиду ряда исторических событий, произошедших в Иране. В ходе Исламской революции 1979 г. Внешнеторговую палату ФРГ в Иране (ВТП) покинули многие участники, а последовавшая затем Ирано-иракская война 1980–1988 гг. существенно ограничила функционал палаты. В 2003 г. ирано-германским отношениям вновь пришлось пройти через тяжелые испытания, прервавшие поступательное развитие торгово-экономического взаимодействия.

Обеспокоенность западных держав развитием иранской атомной программы и политическая напряженность, порожденная в том числе внешнеполитической линией президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада (2005–2013), позволили перевести односторонние ограничения, прежде введенные рядом держав (например, США и Великобританией), в новую плоскость: отказ Ирана от моратория на конверсию урана, наряду с тем что меджлис так и не ратифицировал в 2006 г. дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, позволявший инспекторам МАГАТЭ проверять любой иранский объект, придал санкционному режиму легитимность с точки зрения международного права.

К основным отраслям иранской экономики до и во время санкционного режима ООН и ЕС относились нефтегазовая, нефтехимическая и автомобильная промышленность, сельское хозяйство и металлургия. В структуре экспорта в Германию до 2013 г. преобладало энергетическое сырье (с 2008 г. 43–53% экспорта приходилось на сырую нефть) [What does Germany..., 2013].

Что касается немецкого экспорта, то в период с 2008 по 2013 г. поставки технологической продукции в Иран существенно сократились – с 2,16 млрд долл. до 817 млн долл. [What does Iran..., 2013]. При этом в 2015 г. техническое оборудование и продукты химического производства составляли более половины объема всего экспорта в Иран [100 Fragen..., 2016, S. 9], т.е. соотношение основных статей экспорта осталось прежним при сокращении объемов поставок.

Внешняя торговля Ирана с ФРГ начала восстанавливаться в 2015 г.¹ (положительный тренд в торговле с ФРГ можно было наблюдать с 2013 г.) [Wert der deutschen., 2016]. Покинув рынок ИРИ в период охлаждения отношений, немецкие фирмы освободили его для восточноазиатских компаний. После встречи с иранскими партнерами в июле 2015 г. Ф. Трайер, глава департамента внешней торговли Торгово-промышленной палаты Германии, признал: «Китайские и корейские компании заняли наше место под солнцем. Китайские коллеги достигли торгового оборота с Ираном более чем в 50 млрд долл. – мы далеки от этой цифры» (цит. по: [Kaiser, 2015]). На немецкие товары приходится лишь 6,3% иранского импорта, 15% – на импорт из Китая. Несмотря на изменение сил на иранском рынке, Союз немецких предпринимателей, как и Торгово-промышленная палата Германии, прогнозирует увеличение немецкого экспорта от 2,5 млрд до 10 млрд евро в течение нескольких следующих лет [Brüggmann, 2016]. Кроме того, немецкий бизнес имеет перспективы роста в области экологии².

Новые условия бизнеса в Иране

Иран быстро отреагировал на перспективы снятия международных санкций и продемонстрировал западным партнерам свое желание вернуться к тесному экономическому взаимодействию. Министр нефти ИРИ Б. Зангене заявил, что страна планирует привлечь более 180 млрд долл. инвестиций на восстановление нефтяной, нефтегазовой и нефтехимической промышленности к 2022 г. [Iran plans., 2015]. Правительство Х. Рухани согласилось с необходимостью структурных изменений и поставило целью новых экономических реформ уменьшение доли государства в экономике,

---

¹ В 2015 г. ВВП Ирана составил около 405 млрд долл. После снижения валового внутреннего продукта в 2012 и 2013 гг. (на -6,6% и на -1,9% соответственно) в 2014 г. рост экономики впервые за период составил положительное значение (+3%) [Iran: Wirtschaftspolitik, 2016].

² Помимо того что Иран страдает от загрязнения воздуха, в стране ощущается дефицит пресной воды – в этом контексте весьма актуален немецкий проект «German Water Partnership», нацеленный на развитие методов эффективного использования водного ресурса.

совершенствование законодательства и защиту прав предпринимателей.

Для привлечения в экономику страны крупных объемов иностранных инвестиций ИРИ пошла на существенное смягчение условий ведения бизнеса для потенциальных инвесторов. Еще в рамках программ экономического развития на четвертую (2005–2010) и пятую (2010–2015) пятилетки был предусмотрен комплекс экономических реформ, включавший внесение поправок в законы о налогообложении, тарифном режиме, едином курсе обмена валюты, создании частных банков и финансовых учреждений. Важную роль в улучшении делового климата сыграло внесение изменений в закон 2002 г. «О поощрении и защите иностранных инвестиций в Иране» (FIPPA – Foreign investment promotion and protection act)¹, который в новой редакции предусматривает защиту всех форм иностранных инвестиций (в частности, ПИИ) и введение различного рода льгот при размещении капитала, значительно упрощающих процедуру осуществления инвестиций; кроме того, закон устанавливает новые формы и методы государственного инвестирования, определяет меры по обеспечению безопасности инвесторов за счет принятия государством прямых гарантийных обязательств, предусматривает расширение специализированной инфраструктуры поддержки бизнеса (например, создание Центра по оказанию услуг в области иностранных инвестиций) и законодательно закрепляет официальное признание основных прав иностранных инвесторов [Иванова, Федотушкина, 2016, с. 88].

Немаловажной частью реформы стало создание семи свободных экономических зон (СЭЗ)² на юге страны, в прикаспийском регионе и близ турецкой и иракской границ. Размещая производство в этих зонах, предприниматели получают гарантию соответствующего денежного возмещения в случае национализации, а также налоговые послабления, в частности они освобождаются от уплаты

---

¹ Первый закон «О привлечении и защите иностранных инвестиций» был принят в Иране в 1965 г.; в 2002 г. был утвержден новый закон, получивший название «Закон о поощрении и защите иностранных инвестиций» [Закон и Инструкция к применению., 2002].

² Реорганизация шести прежних СЭЗ.

подоходного налога и налога на предпринимательскую деятельность (корпоративного налога) на 20 лет; кроме того, в СЭЗ будут действовать гарантии неограниченного возмещения дохода и капитала, а также упрощенное трудовое законодательство [Свободные экономические..., 2016; 40 Jahre..., 2015, S. 8]. Стоит добавить, что наряду с зонами свободной торговли в Иране существует еще 17 специальных экономических зон, главной задачей которых является поддержка наименее развитых регионов. В этих зонах также действуют особые правила для иностранного бизнеса, касающиеся таможенных тарифов и налогообложения [Иванова, Федотушкина, 2016, с. 89].

С 16 января 2016 г., в рамках частичного снятия санкций, ЕС значительно сократил список санкционных товаров и «черный список» юридических и физических лиц, снял ограничения на финансовые расчеты. США также освободили от санкций часть фирм. В силе по-прежнему остается постановление Совета ЕС 267/2012 в сокращенной форме [Council Regulation..., 2012], включающее список санкционных товаров и два сокращенных «черных списка». По сути неизменным осталось постановление 359/2011 в новой редакции 548/2015 [Council Implementing..., 2015].

Следовательно, фирме, желающей закрепиться на иранском рынке, в процессе формирования своей стратегии необходимо учитывать все установленные ограничения. Ситуация вокруг Ирана остается сложной, и, хотя следующее ослабление санкций ЕС предполагается через восемь лет, нельзя игнорировать вероятность нового временного усиления санкционного режима, например расширения списков. Более того, в зависимости от сферы деятельности предпринимателей ожидают риски разной степени интенсивности, что затрудняет выход на рынок малому и среднему бизнесу. К. Фридрих, эксперт по внешнеэкономическим связям Союза машиностроителей Германии (VDMA), считает, что риски, связанные с деятельностью иранской стороны, весьма незначительны, чего нельзя сказать о рисках, связанных с действиями США. «Поэтому, – заключает К. Фридрих, – если предприниматель не в состоянии принять риски, то бизнес в Иране принесет ему немало проблем» [100 Fragen..., 2016, S. 20].

Камнем преткновения для немецких компаний становятся не столько вопросы возвращения старых санкций, сколько непредсказуемость новых, которые при определенных условиях могут распространиться и на немецкого партнера. Таким образом, деятельность немецких компаний в Иране осложняется невозможностью долгосрочного планирования, необходимостью принятия рисков и высокой вариативности стратегий, сильной конкуренцией с восточноазиатскими фирмами (кроме того, Иран ведет переговоры и с другими европейскими странами, в том числе с РФ) и введением новой законодательной базы¹.

Заключение

Итак, торгово-экономическое взаимодействие ИРИ и ФРГ в исторической перспективе возвращается в положительное русло – в будущем восстановление утраченных деловых связей может стать для партнеров началом нового и более тесного экономического сотрудничества. Стороны прилагают усилия по выстраиванию *политического* диалога, таким образом оказывая предпринимателям поддержку «сверху».

Однако, несмотря на громкие заявления иранских чиновников, ажиотаж в СМИ и заключенные договоренности по крупным совместным государственным проектам, необходимо учитывать и положение частного предпринимателя. При ближайшем рассмотрении оказывается, что ведение дел в Иране связано с определенной долей риска (обусловленной, в первую очередь, нестабильностью на политической арене), что с опаской воспринимается немецкими инвесторами. Необходимо также принять во внимание по-прежнему остающееся тяжелым экономическое состояние Ирана, низкую покупательскую способность населения и высокий уровень безработицы, которая, по прогнозам аналитиков статистического портала «Statista», к 2018 г. увеличится до 11,51% (в 2014 г. – 10,6%) [Iran: Unemployment..., 2016]. Более того, главную роль в тор-

---

¹ Объемный пласт обновленного законодательства требует времени для апробации на практике. Подробнее о проблемах создания нормативно-правовой базы см.: [Ефимова, 2005, с. 339–342].

гово-экономических отношениях с ИРИ продолжает играть не общественный, а политический диалог, свертывание которого угрожает стабильности экономического взаимодействия сторон (говорить о долговременном взаимопроникновении экономик, как в ситуации с российско-германским партнерством, еще рано).

Внешнеполитическое давление Запада на Иран, сопровождавшееся свертыванием экономического взаимодействия по приоритетным отраслям, освободило рынок ИРИ для восточноазиатских партнеров. Китайские компании заняли ниши, продолжительное время находившиеся в монопольном распоряжении бизнес-кругов ФРГ. Соперничество с восточноазиатскими конкурентами представляется непростой задачей, поэтому немецкому бизнесу предпочтительнее действовать в рамках традиционных для него отраслей, востребованных в процессе модернизации иранской промышленности.

Остается отметить, что, хотя потеря Ирана как торгового партнера несущественно сказалась на немецкой экономике в целом, Германия упустила возможность реализации товаров и услуг на сумму не менее 1–2 млрд евро в год (главным образом технологической продукции); более того, поддержка санкционного режима, т.е. опосредованное содействие разрушению экономики ИРИ, способствовала снижению покупательской способности населения Ирана и, что особенно важно, разрушению деловых связей с этой страной. С другой стороны, попытки ослабления Тегерана подтолкнули страну к тому, чтобы распахнуть двери иностранным инвесторам, создав максимально привлекательные условия для ведения предпринимательской деятельности в ИРИ. Таким образом, перед руководством ФРГ открываются широкие перспективы проведения модернизации в Иране под немецким флагом.

Хотя ранее поставлявшиеся из ФРГ товары качественно превосходили созданную в рамках программы импортозамещения иранскую продукцию, например турбины и автомобили, тем не менее в период режима международных санкций ИРИ удалось сделать важный шаг по пути диверсификации экономики и развития собственной технологической базы. Кроме того, «экономический джихад» [Мамедова, 2012], объявленный в стране, послужил

делу совершенствования законодательства и экономической стратегии государства.

Список литературы

Архипова О.О., Комолов В.В. Развитие международных санкционных режимов: Исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник / ВАВТ. – М., 2016. – № 3. – С. 53–69. – Режим доступа: [http://www.rfej.ru/rvv/id/80037F2F0/\\$file/53-69.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/80037F2F0/$file/53-69.pdf) (Дата обращения – 26.07.2016).

Ефимова Е.Г. Экономика: Учебное пособие. – М.: МГИУ, 2005. – 368 с. – Режим доступа: http://vk.com/doc-44192312_217337687?dl=0e3a8030637f1ae7f8 (Дата обращения – 26.07.2016).

Закон и Инструкция к применению закона «О поощрении и защите иностранных инвестиций» от 2002 года с учетом поправок / Организация инвестиций, экономической и технической помощи Ирана. – Тегеран, 2002. – 22 с. – Режим доступа: <http://www.iranterra.ru/images/docs/zakon-irana-o-pooshrenii-i-zashite-inostrannih-investitsii.pdf> (Дата обращения – 26.07.2016).

Иванова А.К., Федотушкина А.В. 40 лет торгово-экономическому партнерству ФРГ и Ирана: Новые перспективы сотрудничества // Германия: 2015 / Под ред. В.Б. Белова; РАН. Институт Европы. – М., 2016. – Часть 1. – С. 83–94.

Мамедова Н.М. Иран отвечает на санкции экономическим джихадом / Институт Ближнего Востока. – М., 2012. – 11.03. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=14357#more-14357> (Дата обращения – 26.07.2016).

Свободные экономические зоны Ирана // Terra Cognita. – М., 2016. – Режим доступа: <http://www.iranterra.ru/экспорт-иран/свободные-экономические-зоны-ирана.html> (Дата обращения – 26.07.2016).

40 Jahre vertrauensvolle Zusammenarbeit: 1975–2015 / АНК. Deutsch-Iranischen Industrie- und Handelskammer. – Tehran, 2015. – 48 S. – Mode of access: <http://www.unserebroschuere.de/Deutsch-IranischeIHK.pdf> (Дата обращения – 26.07.2016).

100 Fragen & Antworten zum Iran-Geschäft // Iran Contact / OWS; АНК. Deutsch-Iranischen Industrie- und Handelskammer. – Tehran, 2016. – März. – Mode of access: <https://owc.de/epaper/irancontact-01-2016/> (Дата обращения – 26.07.2016).

Brüggmann M. Milliarden-Geschäfte: So wirbt Iran um deutsche Unternehmen // Handelsblatt. – Düsseldorf, 2016. – 07.04. – Mode of access: <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/mittelstand/wachstumsmaerkte/milliarden-geschaefte-so-wirbt-iran-um-deutsche-unternehmen/13415102.html> (Дата обращения – 26.07.2016).

Council Implementing Regulation (EU) 2015/548 of 7 April 2015 implementing Regulation (EU) N 359/2011 concerning restrictive measures directed against certain persons, entities and bodies in view of the situation in Iran // Official j. of the European Union. – Brussels, 2015. – 08.04, L 92. – 11 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0548&qid=1470079865191&from=EN> (Дата обращения – 01.08.2016).

Council Regulation (EU) N 267/2012 of 23 March 2012 concerning restrictive measures against Iran and repealing Regulation (EU) N 961/2010 // Official j. of the European Union / European Commission. – Brussels, 2012. – 24.03, L 88. – 112 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012R0267&qid=1470080283055&from=EN> (Дата обращения – 01.08.2016).

Iran plans \$180 billion energy investment // Payvand. – Mountain View, CA, 2015. – 05.08. – Mode of access: <http://www.payvand.com/news/15/may/1045.html> (Дата обращения – 26.07.2016).

Iran: Unemployment rate from 2010 to 2020 // Statista. – Hamburg, 2016. – Mode of access: <http://www.statista.com/statistics/294305/iran-unemployment-rate/> (Дата обращения – 01.08.2016).

Iran: Wirtschaftspolitik // Auswaertiges Amt. – Berlin, 2016. – Juni. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/sid_8C1FABE6152FE1F246AA2D77B94A23FB/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Iran/Wirtschaft_node.html (Дата обращения – 26.07.2016).

Kaiser T. Deutschland hat im Iran einen entscheidenden Vorteil // Die Welt. – Berlin, 2015. – 19.07. – Mode of access: <http://www.welt.de/wirtschaft/article144196129/Deutschland-hat-im-Iran-einen-entscheidenden-Vorteil.html> (Дата обращения – 26.07.2016).

Wert der deutschen Importe aus dem und Exporte in den Iran von 2001 bis 2015 (in Milliarden Euro) // Statista. – Hamburg, 2016. – Mode of access: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/386316/umfrage/aussenhandel-zwischen-deutschland-und-iran/> (Дата обращения – 26.07.2016).

What does Germany import from Iran? // Atlas media. – 2013. – Mode of access: http://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/import/deu/irn/show/2013/ (Дата обращения – 26.07.2016).

What does Iran import from Germany? // Atlas media. – 2013. – Mode of access: http://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/import/irn/deu/show/2013/ (Дата обращения – 26.07.2016).

К сведению авторов

В ежеквартальном журнале «Актуальные проблемы Европы» публикуются научные статьи и аналитические обзоры (в качестве дополнения могут включаться другие научно-информационные материалы: статистические приложения, переводы документов, рефераты, интервью), отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Все номера журнала являются тематическими; содержание рукописи должно соответствовать тематике номера.

Рукописи сдаются ответственному редактору-составителю в электронном виде в формате *doc или *docx. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором, все цитаты и ссылки на источники и литературу должны быть выверены.

В статье следует указать: фамилию, полное имя и отчество автора, название статьи. Статья должна содержать: аннотацию на русском языке (объем – до 500 знаков) и ее перевод на английский язык, ключевые слова на русском языке (5–7 слов) и их перевод на английский, основной текст, список литературы. Материалы могут содержать подстраничные текстовые сноски.

Список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские источники, потом иностранные). В тексте статьи после упоминания об источнике или после цитаты в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и номер страницы. Если автора у материала нет, то указывается название (первые несколько слов, достаточных для однозначного определения источника, и многоточие), год издания и номер страницы (все через запятую).

Примеры на русском языке: [Смирнов, 2016], [Михайлов, Петров, 2015, с. 20; Смит, 2010, с. 68], [Совместное заявление., 2014].

Пример на английском языке: [Smith, 2011, p. 143].

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 30–40 тыс. знаков (с учетом пробелов), рецензий – 16–24 тыс. знаков. Формат страницы А4. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14. Междустрочный интервал – полуторный. Поля страницы составляют: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Текст выравнивается по ширине листа. Абзацный отступ равен 1 см. Таблицы и рисунки встраиваются в текст статьи (не допускается представление таблиц и рисунков в альбомном формате). При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна. Используемые цвета в диаграммах и рисунках должны быть различимы в черно-белом изображении. Перенос слов не допускается.

В отдельном файле формата *doc или *docx необходимо предоставить следующую информацию:

- сведения об авторе на русском языке: имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес и номер телефона;
- перевод указанных выше сведений об авторе на английский язык.

Статьи публикуются по рекомендации редколлегии по итогам рецензирования. Плата за публикации рукописей аспирантов и докторантов не взимается. Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку.

Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» по политологии.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ
URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2017 – № 1

**Формирование структуры многополярного мира =
Shaping the structure of multipolar world**

Редактор-составитель выпуска –
М.В. Братерский

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел Европы и Америки
E-mail: ape@inion.ru

Дизайн обложки И.А. Михеев
Дизайн-макет Н.В. Смирнова
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Суменова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/XII – 2016 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ.л. 13,75 Уч.-изд.л. 10,4
Тираж 450 экз. Заказ № 147

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9